ISSN 0131-6044

РОМАН-ГАЗЕТА

3
(1081) 1988

ИЗДАНИЕ ГОСКОМИЗДАТА СССР
МОСКВА

Генрих Боровик

ПРОЛОГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Пролог» — роман-эссе известного советского писателя и журналиста Генриха Боровика, в котором Америка отражена в том хорошем и светлом, что заложено в ее народе, и в том темном, тяжком и омерзительном, что таится в ее образе жизни и строе.

Во второй части («Расследование») писатель разоблачает участие ФБР в организации убийства 4 апреля 1968 года Мартина Лютера Кинга.

- Генрих Боровик
  - ○ ■ ■
    - ■ Осталось 12 торговых дней
  - ■ Глава одиннадцатая
    - ■ Самая длинная ночь
    - ■ Входящие и исходящие
    - ■ «Мятеж полицейских»
    - ■ Житие Дона Витоне Великого
    - ■ Party
  - ■ Глава двенадцатая
    - ■ Похождения виолончели
    - ■ Продолжение следует
    - ■ Новоорлеанский дневник
    - ■ Взгляд «оттуда»
    - ■ Полёт в никуда!
    - ■ Святой Джозеф не отвечает за будущее, или Всякое может случиться
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая
    - ■ Глава третья
    - ■ Глава четвертая
    - ■ Глава пятая
  - ○ ВМЕСТО ЭПИЛОГА
  - ○ ВЫБОР ПОЗИЦИИ
  - ○ СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Генрих Боровик
ПРОЛОГ
Роман-эссе
(Окончание) [1]

В кафе входит женщина в эффектнейшей нейлоновой шубе, хотя на улице теплым-тепло: разгар бабьего лета. Когда-то, надо полагать, шуба была совсем белой, а ныне с легким желтоватым налетом, будто прокуренная, но все еще эффектная. Шляпа — огромная, чёрно-белая — тоже весьма заметна. И пушистая непонятного происхождения чёрная муфта. И золотая сумка. И сиреневые перчатки. И фиолетовые туфли. И чёрные узорчатые чулки. И густые нейлоновые ресницы. А лицо — целая палитра художника! Все оборачиваются в её сторону. Она с улыбкой подходит к свободному стульчику и несколько тяжело взбирается на него.

— Хай, Лючи!

— Хай, Бетси!

Лючи, не спрашивая, уже ставит перед ней вместительную вазочку с шоколадным, мороженым и кусок сладкого сырного пирога. Толстая Бетси — можно предположить, что ей лет пятьдесят, — начинает с удовольствием поглощать еду, болтая при этом тонкими сухими ногами.

— Скоро зима? — говорит Лючи.

— Вчера из чистки, — отвечает Бетси и с удовольствием поглаживает ладонью мех, отчего тот слегка потрескивает.

— Не жарко?

— Плевать.

— Как же вы можете голосовать за фашиста? — возобновляет разговор лысый и заканчивает свою сосиску.

— За фашиста? Я бы никогда не голосовал за фашиста! — твёрдо произносит человек в шляпе и даже снимает её от возмущения и кладет на колени. — Он не фашист. Он сам сказал, что он не фашист. Я читал.

— Это верно, — соглашается Лючи. — Он говорил.

— А вы за кого, Лючи? — спрашиваю я.

Лючи улыбается:

— Я пока нейтральный. Мне на такой работе нельзя иааче. Сразу пойдут споры.

— Ну, а если по секрету? — спрашиваю я.

— По секрету — наверное, всё-таки за Уоллеса.

— Почему?

— Он простой парень. Он за нас. Слушали? Он сам сказал.

— Эй, Бетси! — вдруг весело кричит мой сосед в очках. — Вот тут мистер иностранный журналист. Интересуется, за кого мы будем голосовать. Ну-ка, что ты ему ответишь?

Бетси перестаёт есть. Смотрит на меня через головы мужчин и на всякий случай поправляет шляпу,

— Я ещё не решила, — говорит она жеманно. — Туда поближе к выборам, решу,

— Ну, а всё-таки! — требует мой сосед и подмигивает мне.

— Я была за Кеннеди. Очень симпатичный.

— А я за Хэмфри, — говорит мне сосед доверительно.

— Почему?

— Да уж за Хэмфри, — повторяет мой сосед таким тоном, будто знает нечто такое про демократического кандидата, что не позволяет ему голосовать иначе. Он делает большую паузу и потом поясняет значительно: — Потому что я не такой дурак, как другие.

— Кто другие?

— Другие таксисты… Они почти все за Никсона. А я не дурак. Я за Хэмфри. — Он показывает пальцем на внутренний карман пиджака, где хранится бутылка. — Хотите?.. Зря… От неё не пахнет. Лучшее дело для шоферов. Из бутылки пахнет, а изо рта ни-ни.

Трам-тарарам-пам-бах-бах, — вдруг обрушивается на нас лавина звуков. Таких мощных и неожиданных, что все вздрагивают и даже, кажется, стаканы на стойке звякнули. Оказывается, к окну подъехал агитгрузовик с надписью на борту: «О'Двайра — в сенаторы». Шестеро молодцов на нем неожиданно

грянули марш. От инструментов — далеко не камерных — провода к громкоговорителям.

— Дьяволы! — вдруг раздаётся крик, который перекрывает рев оркестра. — Дьяволы! Ни шиша вы не получите моего голоса!

Это кричит Бетси, Ножиком она пытается снять с подола великолепной шубы большой кусок мороженого, который упал с ложки, когда она вздрогнула от музыкального испуга.

— Ни за какого О'Двайра, ни за какого Кеннеди, ни за какого Хэмфри, ирлашки проклятые!

У неё ничего не получается с мороженым, потому что одна рука — в прекрасной пушистой муфте, Бетси снимает муфту. И та падает на пол. И Бетси — о-хо-хо! — сползает с высокого стула и наклоняется. Ну, и подол при этом, сами понимаете, касается не очень чистого пола. Когда над стойкой снова наконец появляется эффектная чёрно-белая шляпа, под ней уже не приветливое, а злое лицо Бетси с явным преобладанием малинового цвета.

— Можете записать, мистер журналист! Бетси не будет голосовать за этих идиотов! — кричит она мне.

— За кого же вы будете голосовать, мадам? — не без интереса спрашивает лысый.

— А хотя бы за него! — с вызовом говорит Бетси и кивает на телевизор. — За него. Он этого безобразия не позволит — пугать людей, Он их прижмёт, будьте уверены.

— Но он и вас прижмёт, мадам, — продолжает приставать лысый. — Он вашу сестру не любит.

— А при чём тут это? — отмахивается презрительно Бетси. — Я женщина порядочная. Давно уже не работаю.

Оркестранты продолжают бешеным темпом наигрывать какую-то мелодию. Уоллес в телевизоре рассылает воздушные поцелуи и е шиком отдает честь своим сторонникам. Толпа же все кричит, как уверяет диктор, «наполовину за Уоллеса, а наполовину — против…».

А ведь, пожалуй, я был не очень точен и слишком оптимистичен, когда сказал двум агитстарушкам из Таскалусы, что на Севере их кандидат выглядит неважно…

* * *

Да, несколько месяцев назад многие были слишком оптимистичны. Потуги Уоллеса казались такими несерьёзными!

Я помню, как Хюберт Хэмфри позволял себе острить тогда: «Думаю, что Джордж Уоллес не сможет привлечь на свою сторону даже коров…» Теперь чуть ли не в каждой речи вице-президент

называет Уоллеса не иначе как «апостолом страха и расизма». И в голосе нет былого юмора.

Уже давно Ричард Никсон объявил, что Уоллес достиг «вершины» своей популярности, дальше она развиваться не будет, а, наоборот, пойдёт на убыль.

Но опросы общественного мнения показывают другое.

Передо мной данные института Гэллапа. И по его предсказаниям Уоллес получит на выборах не меньше 20 процентов голосов.

Бывший боксёр из Алабамы, которого считали не более чем маленьким провинциальным политическим демагогом, вдруг совершил «невероятное». Он стал реальной силой, реальной опасностью.

Боже! Каким образом?!

В либеральных газетах началась паника: фашистская угроза над демократической Америкой!

Передаются из уст в уста мрачные новости:

— Ни Хэмфри, ни Никсон на митингах не вызывают у своих слушателей такого энтузиазма, какой выколачивает Уоллес…

— В Бостоне, несмотря на дождь, его пришли слушать 20 тысяч человек, а ведь Бостон всегда считался городом обоих Кеннеди.

— Слышали? В Миннесоте, в городке Роквилл, где шансы Уоллеса никогда не считались высокими, на собрании пожарников 47 человек из 50 носили значки «Уоллеса — в президенты!».

— На автомобильных стоянках в Детройте стоят машины фордовских рабочих, и представьте, ряд за рядом, сплошными линиями на бамперах: плакаты: «Уоллеса — в президенты!»

— В главную штаб-квартиру Уоллеса в столице Алабамы Монтгомери каждый день приходит от 10 до 20 тысяч писем. В большинстве конвертов не только письма, но чеки на суммы — от 5 до 50 долларов. Говорят, что ежедневно Уоллес получает в виде таких мелких пожертвований на свою избирательную кампанию в среднем 70 тысяч долларов.

Кто эти люди? Почему идут за Уоллесом? Чем он их «берет»? Может быть, личными данными? Новыми формами проведения избирательной кампании?

Журналисты, сопровождавшие его, дают справку.

Общается с публикой старомодно. Его «шоу» поставлено раз и навсегда и не меняется при переездах из города в город. Обычно перед митингом выступает некий Сэм Смит с оркестром Американской независимой партии. Оркестр играет старомодные мелодии, которые незаметно переходят в «Боже, благослови

Америку». Затем на помосте появляются две крашеные блондинки по имени Мона и Лиза, которые исполняют в два голоса несколько песенок. Заканчивают куплетами: «А вы за Уоллеса?» Вообще музыкальный репертуар кандидата Независимой партии довольно богат. Есть даже «Вальс Джорджа Уоллеса».

Голос отдай Америке
Бело-красно-голубой.
Голос отдай Уоллесу,
Джордж всегда с тобой.
Он разгонит красных,
Словно простых овец.
Танцуй же с нами вальсы,
Джордж Уоллес — молодец.

Не вершина поэзии, но, как считают специалисты, мило и трогательно.

После развлечений наступает черед самого кандидата. Обычно его представляет путешествующий с ним редактор еженедельной газеты из города Йорка (штат Алабама). Редактор произносит всегда одинаково краткую, но напористую речь, восхваляющую кандидата Американской независимой партии. Пока он говорит, девицы Уоллеса (по мнению журналистов, они не лучше и не хуже девиц Никсона и Хэмфри), одетые в темные юбки и светлые блузки, обходят с желтыми ведерками собравшихся — на предмет сбора пожертвований. Когда девицы и Смит заканчивают свое дело, появляется Джордж Уоллес.

Его речь заготовлена раз и навсегда. Он не ищет новых слов. На каждом митинге одно и то же. Позволяет себе лишь менять местами абзацы речи или иногда опускать некоторые из них. «Ну, а теперь поговорим о Вьетнаме», — произносит он. Или: «Ну, а теперь поговорим о расах». Пока толпа воодушевлённо хлопает, оратор сморкается в большой белый платок.

Обычно он критикует обоих своих противников, Хэмфри и Никсона. Но дозирует критику строго в зависимости от того, кто из них, согласно опросам общественного мнения, находится впереди. Раньше, когда шансы Хэмфри считались выше, он обрушивался на демократа. Теперь, когда Хэмфри поотстал, Уоллес обрушивается на республиканца.

Он доволен, когда на митинг приходят противники с плакатами «Долой Уоллеса!» или вроде того. Тогда он отпускает в их адрес несколько заготовленных острот: «Приходите ко мне после митинга, я поставлю автограф на ваших подошвах», или (по поводу длинных волос): «Наверное, в вашем городе бастуют

парикмахеры»; потом натравливает на них своих сторонников. Словесная потасовка, бывает, переходит в физическую. Уоллес всегда приветствует такой исход дела, потому что в этом случае репортаж о митинге обязательно попадёт в телепрограмму.

После митинга к нему выстраивается длинная очередь охотников пожать руку кандидату. Джордж Уоллес, согласно старинным американским традициям проведения политических кампаний, терпеливо дожидается последнего человека в очереди. Время от времени он произносит: «Спасибо вам всем за вашу помощь нам».

Журналисты дают справку и о его привычках и привязанностях. Одевается кандидат третьей партии всегда одинаково: белая рубашка с галстуком и тёмный костюм — чинно, прилично и консервативно. Всегда аккуратно выбрит и подстрижен. Не пьет. Курит сигары (безразлично какие). Ест любую пищу, если она сдобрена томатным соусом «Кетчуп». У него нет увлечений и хобби. Не очень богат. Состояние оценивается в 77 тысяч долларов. До сих пор получает пенсию от Союза ветеранов на лечение «нервного истощения», приобретенного во время службы в армии (был техником по обслуживанию самолетов Б-29 в звании сержанта). Болен самолётофобией. Однако во время избирательной кампании передвигается на аэроплане, вместе со всем штабом, девицами «для пожертвований», Моной, Лизой и оркестром Американской независимой партии. В воздухе обычно ни с кем не разговаривает, ничего не пишет и ничего не читает. Просто сидит в кресле и смотрит в окно.

Вот и всё. И ничего особенного. Никаких новых форм, никаких серьезных методов. Справки ничего не объяснили.

Обратились к истории. Сравнили с Гитлером. И ахнули: какая значительная разница!

Она состоит в том, что Уоллес в 1968 году в Америке, может быть, сильнее, чем Гитлер был в середине двадцатых годов в Германии.

Национал-социалистская партия в Германии образовалась в 1919 году. Через четыре года, во время Мюнхенского пивного путча, Гитлер всё ещё был провинциальным баварским лидером. Его посадили тогда в тюрьму на 9 месяцев и запретили произносить речи.

С тех пор как Уоллес впервые объявил о своём желании быть президентом Соединенных Штатов, тоже прошло только четыре года (он снял свою кандидатуру в 1964 году, узнав, что республиканцы выдвинули кандидатом Барри Голдуотера).. Но уже к 1968 году Уоллес успел завоевать 20 процентов голосов

всей страны и 40 процентов голосов южных штатов! Никогда ещё представитель третьей партии в США не добивался такого успеха. Уоллес получает от Белого дома ту же секретную информацию, что получают Никсон и Хэмфри. Ему отводят на телевидении то же время, что и им. Он внесён в списки для голосования во всех штатах (петиции об этом подписали почти три миллиона человек). Его кампания финансируется отличнейшим образом, и он не особенно уступает в тратах Хэмфри и Никсону.

В 1923 году Гитлеру и не снились такие возможности. Только в 1929 году, через 10 лет после создания партии, когда разразился мировой кризис, к Гитлеру пришла всегерманская популярность. Десять лет понадобилось фюреру, в отличие от Уоллеса, чтобы завоевать на свою сторону 20 процентов голосов на выборах. На последних выборах перед захватом власти Гитлер располагал лишь тридцатью процентами голосов.

Таково поразившее многих отличие Уоллеса от Гитлера.

А общее между ними? Общее никого не удивляет. Общее известно давно.

Как и Гитлер, Уоллес использует благодарные возможности апелляции к самым низменным человеческим чувствам — страху, ненависти, жестокости, расовым предрассудкам. Как и Гитлер, Уоллес манипулирует расизмом, антикоммунизмом, антиинтеллектуализмом. Как и Гитлер, Уоллес обращается к «маленькому» обывателю, темному, необразованному человеку, играет на его страстях. Как и Гитлер, мечтает о полицейском государстве.

Позвольте, но то было в Германии, измученной войной и разрухой. А здесь — «великое общество», «самая демократическая страна в мире», «здоровые принципы свободного предпринимательства», «пример для человечества», «духовный вождь свободных народов», «надежда стран, закабаленных коммунизмом»… Как же здесь, в Ю-Эс-Эй, могло произойти такое? Непонятно. Невероятно. Иррационально.

Иррационально? Ага, вот подходящий ключ для объяснения. Низменные чувства скрыты в каждом человеке, Их ловко использовал расист-демагог. Цепь случайных обстоятельств — и вспухло «иррациональное движение, абсолютно не типичное и не характерное для американского общества».

Теория «случайности, и иррациональности» движения Уоллеса пошла гулять по многим газетам Америки. Я думаю, ее подцепили именно тогда, когда обращались к учебникам истории, чтобы сравнить Уоллеса с Гитлером. Дело в том, что теорию «случайности и иррациональности» фашизма выдвинул сразу после войны немецкий буржуазный историк Ф. Мейнеке. Он

назвал фашизм «случайным, но мощным фактором в истории Германии», «иррациональным явлением» в истории страны.

Нет, никто в Америке не ссылается на Мейнеке. Я, во всяком случае, таких ссылок не видел. Ссылаются, представьте, на… Толстого. На Льва Николаевича. Гарвардский психолог Роберт Коулз считает, что движение Уоллеса объяснено Л. Толстым в романе «Война и мир», в том месте, где говорится о случайностях, которые, соединяясь, вызывают неотвратимый процесс.

* * *

Попробуем же разобраться в «случайности и иррациональности» движения Уоллеса.

Я уже рассказывал, как две бабки из Таскалусы вербуют сторонников своему боссу. Вы были свидетелями того, как неожиданно Уоллес получил поддержку от несравненной Бетси в кафе на 72-й улице..

Но остальные 15 миллионов (если опросы общественного мнения правильны) пришли к Уоллесу не стараниями агитстарушек и не столь случайно, как Бетси (хотя если вдуматься, то в эпизоде, который я наблюдал на углу Бродвея и 72-й улицы, много символического).

Говорят, Уоллес расист и ловко использует иррациональное чувство, заложенное в людях с рождения. Но, во-первых, расизм старательно воспитан всей системой жизни в капиталистической стране. Во-вторых, расизм, к которому апеллирует Уоллес, вовсе не зоологический, не подсознательный расизм. Он основан на вполне конкретных экономических посылках, созданных капиталистической Америкой.

Когда на митингах Уоллес кричит: «Человек, проработавший как вол 25 лет, чтобы купить дом, имеет право продавать его тому, кому он захочет!» — он обращается не к иррациональному предрассудку, который не позволяет белому рабочему с фордовского завода жить рядом с негром. Фордовский рабочий боится, что после того, как рядом поселятся негры, дом упадет в цене. Он знает: если в, соседний дом вселятся три бедных негритянских семьи, то очень скоро «приличный» мелкобуржуазный пригород, в который он с таким трудом выбился, «отрущобится», а он вернется к тому, с чего начинал.

Когда Уоллес обещает, что негр не будет иметь равных с белым прав на работу, он не апеллирует к иррациональному. Он имеет в виду вполне конкретную угрозу безработицы, которую обещает «устранить» за счет негров, если станет президентом.

Главное, на чём играет Уоллес, не расизм. Главное — это чувство мелкого собственника. Но и оно опасно. Часто расизм — производное от него.

Вот выдержки из нескольких писем, которые приходят в главную штаб-квартиру Уоллеса в столице Алабамы — Монтгомери.

От домохозяйки, приславшей 25 долларов: «Маленькая помощь вашему делу. Я одна из тех, кто устал от всего, что происходит в нашей прекрасной стране».

Из письма, сопровождающего чек на 5 долларов: «Не забывайте о промышленном Севере. У вас здесь больше силы, чем вы предполагаете».

Из письма рядом с чеком на 15 долларов: «Я только фабричный рабочий, иначе я прислал бы больше».

Письмо с 10 долларами: «Мы рады, что наконец есть человек, который нашел общий язык с простыми людьми».

Студент из Милуоки: «Вы единственный честный кандидат».

И ещё одно письмо. Оно несколько длинновато, но я хочу привести его почти полностью, потому что в нем — целая программа Уоллесу. Пишет некто из Вестмонта (штат Иллинойс), прилагая к письму чек на 5 долларов. Вот как автор письма объясняет своё пожертвование:

«Есть три группы людей — богатые, средние и бедные. Я — во второй группе, которая идёт на работу в 8 утра и возвращается в 5 вечера. Я подчиняюсь законам и плачу по счетам, включая налоги… Благодаря мне богатые остаются богатыми, а бедные, которые часто делают попытки лишить меня права, зарабатывать на жизнь, не умирают с голоду…

Я устал от двух систем закона. По одной — восставшим разрешается уничтожить мою собственность, нападать на мою семью и уходить безнаказанно. По другой — меня сажают в тюрьму за превышение скорости…

Я устал от такого бумажника в кармане и от жирных ленивых политиканов. Я устал видеть стариков на пенсии, которая не обеспечивает существование».

Среди «случайных» обстоятельств, которые, по мнению Роберта Коулза, создали «иррациональное» движение Уоллеса, гарвардский социолог называет следующие:

1. «Случайная» война во Вьетнаме. Она вызывает раздражение «маленького» человека: не видно победы, но ощутимы расходы.

2. «Случайное» «новое левое движение», возникшее в связи с борьбой против войны во Вьетнаме. Его участники Пугают людей Уоллеса, они чужды им.

3. Администрация Джонсона «случайно» вызвала кризис

доверия. Отсюда — недоверие к Хэмфри, а за одно и к Никсону, которого справедливо считают продуктом двухпартийной системы.

4. «Случайное» убийство Роберта Кеннеди. Не смотря на абсолютно противоположные Уоллесу взгляды, объясняет Коулз, Кеннеди внушал избирателям то же чувство «силы, искренности и боевитости», которое внушает и Уоллес. (Журнал «Тайм» опросил 150 сторонников Уоллеса и обнаружил, что среди них много таких, кто раньше симпатизировал Кеннеди или Маккарти.)

Таковы четыре «несчастливые случайности», которые, по мнению Коулза, вызвали к жизни ядовитый гриб движения Уоллеса.

Вряд ли можно возразить против того, что все «четыре пункта» помогли Уоллесу. Но ни один из них не является, конечно, «случайностью». Каждый закономерен. Даже расправа с Кеннеди была предопределена всей системой жизни страны.

* * *

«Случайное и иррациональное» движение Уоллеса давно и хорошо спланировано. Оно отлично координируется.

Наивно было бы думать, что Уоллес черпает свой средства только из почтовых конвертов. «Настоящие» деньги он получает из более солидных источников.

В Далласе, столице штата Техас, состоялся обед в честь кандидата Американской независимой партии. На этом обеде собрались совсем не те «маленькие» люди, вождем которых объявил себя Уоллес. За столом, бок о бок с «простым парнем» Уоллесом, сидела миссис Нельсон Банкерт Хант, невестка печально знаменитого техасского нефтяного миллиардера Ханта, финансирующего общество Джона Бэрча. Чуть подальше — некий Поль Певитт, король нефти и картошки, состояние которого оценивается в 100 миллионов. Ещё дальше — М. Х. Марр, нефтяной король «стоимостью» в 10 миллионов. Были там и другие большие и маленькие миллионеры, чьи состояния и взгляды позволяют им выписывать на имя Уоллеса и Американской независимой партии чеки на более солидные суммы, чем 25 долларов. Надо полагать, что на обеде в Далласе присутствовали далеко не все-покровители Уоллеса. Ходят слухи, что среди таковых числятся и хозяева корпорации «Дженерал моторс».

Наиболее мрачные шутники в Америке заключают пари о том, скоро ли Уоллес начнёт создавать штурмовые отряды. Люди,

шутить не склонные, не без оснований утверждают, что штурмовые отряды уже давно имеются. Это — ку-клукс-клан, минитмены, полицейские, члены общества Джона Бэрча и пожарники (пожарники — это не юмор, это большая сила, спаянная с полицией и идущая почти целиком за Уоллесом).

Поддержка этими организациями Уоллеса строго координируется весьма опытной рукой. Ещё в 1967 году в той же Таскалусе, где я так развеселил двух старушек, состоялся национальный съезд ку-клукс-клана, на котором официально была объявлена поддержка Джорджу Уоллесу, человеку, «который полнее всех представляет интересы членов ККК».

В проведении избирательной кампании Уоллеса активно участвует и общество Джона Бэрча.

Я уже писал о том, что Уоллес усиливает критику против Никсона или против Хэмфри в зависимости от того, кто из двух его противников быстрее движется к успеху, чтобы сравнять их шансы. Если ни один из его противников не получит достаточного числа выборщиков, у Уоллеса появятся реальные шансы проскочить в Белый дом.

После позорного конвента демократический партии в Чикаго шансы Никсона очень быстро стали возрастать, а популярность Хэмфри, согласно опросам общественного мнения, — стремительно падать. Не помогала и критика Уоллеса, которая сейчас направлена целиком против Никсона.

И вот на днях на помощь алабамцу пришёл Роберт Уэлч, организатор и глава общества Джона Бэрча. Он разослал всем членам своей организации открытое письмо, в котором сообщал, что «Никсон в случае избрания президентом будет более удобной фигурой для действия прокоммунистических элементов в США, чем Хэмфри» (?!!).

Так обстоит дело со «случайностью» и «иррациональностью» фашистского движения Уоллеса в США. (Сам Уоллес, конечно, отрицает, что он фашист. Его обычный аргумент: «Я боролся с нацистами, когда вас ещё не было на свете».)

Теория «иррациональности и случайности» — это не просто ошибка гарвардского ученого. Это попытка заранее снять ответственность за надвигающийся уродливый и тяжелый ком фашизма с тех, кто слепил первый снежок и теперь управляет его движением.

Собственно, и у Мейнеке была та же цель. Снять ответственность за Приход фашизма в Германии с монополистов, взвалить вину на народные массы и на Коммунистическую партию Германии, которая якобы своей борьбой против Веймарской республики помогла фашистам утвердить диктатуру.

Оптимисты в Америке успокаивают: 20 процентов голосов — не сила. Пессимисты отвечают: Гитлеру для свержения буржуазной демократии и замены её фашизмом понадобились голоса лишь трети избирателей. Да, Уоллес, как видно, не пройдёт в Белый дом в 1968 году.

Ну а в будущем?

Американский Гитлер ещё не написал свою «Майн кампф». Он осторожен. Он не хочет связывать себя далёкими планами. «Мы не раздумываем насчет истории, всяких там теорий и всего прочего, — сказал он как-то. — Мы просто идём вперед. К чёрту. История может сама о себе позаботиться!»

Про него рассказывают, что, выйдя на днях из своего самолёта в городе Роки Маунтинз, он покрутил головой, осмотрелся, увидел горы, поле, лес, реку, прервал своё самолётное молчание и, обернувшись к репортёрам, высказался простодушно: «Вы только подумайте, ведь в один прекрасный день я могу стать президентом **всего этого**…»

Журналисты промолчали.

* * *

Почти целый день я ношу сегодня на лацкане пиджака белую бирку с надписью: «Уоллеса — в президенты!», с номером 126 и моей фамилией. Внизу подпись — закорючка некоего чина из уоллесовскон службы безопасности.

Неловко. Но что делать. Иначе не пустят ни в отель «Американа», где в честь Уоллеса устраивается благотворительный обед, ни в новое здание «Мэдисон-сквер гарден», на предвыборный митинг.

Негр-швейцар в отеле всматривается внимательными выпуклыми глазами в белую бирочку. Потом переводит взгляд на лицо. Он не знает, что это только пропуск и это на пиджаках всех корреспондентов. Он думает, что я и вправду за «Уоллеса — в президенты». Поэтому в глазах его усмешка. Еле заметная усмешка, потому что швейцар — человек тренированный. Но мне становится, честно говоря, немного не по себе.

Полицейский, который проверяет пропуска, тоже смотрит на меня недружелюбно. Но по другой причине. Он знает, что бирочка — это только, пропуск. Более того, он считает, что все журналисты против Уоллеса. Именно поэтому он смотрит на меня недружелюбно, но пропускает в подвальный зал ресторана отеля «Американа», где за круглыми столами сидит человек четыреста — те, кто заплатил за филе из цыпленка по 25

долларов.

Черноволосый человек небольшого роста, улыбаясь напряженной улыбкой и время от времени отдавая по-военному честь и подмигивая ревущей ресторанной толпе, выкрикивает угрозы по адресу журналистов, коммунистов, интеллигентов и «вообще всех этих»,

Какая-то толстая тетка в розовом кисейном платье и в канотье, с которого крупные буквы вопят: «Я хочу Уоллеса», хватает меня за рукав:

— Как вы будете показывать Уоллеса?

— Как он того заслуживает.

— Советуем показать его хорошо, мы запомним ваш номер.

— Сто двадцать шесть, — говорю я.

— Вот-вот, сто двадцать шесть!

Чёрт с тобой, тетка, запоминай!

Настроение улучшается. Иногда полезно, когда тебя слегка окатят ненавистью. Очищает. Легче дышать.

Я вожу телеобъективом кинокамеры по лицам и пытаюсь разобраться — кто эти люди, почему здесь?

Вот, очень крупно, сигарета у рта. Четыре пальца, держащие её. Пальцы мозолистые, с чёрными ногтями. Я совершенно ясно вижу черные сплющенные ногти. И лицо морщинистое, загорелое. Может быть, слесарь на бензозаправочной станции, может быть, таксист, может быть, строитель. Пришел, сидит за столом — значит, принес 25 долларов в копилку того, на трибуне, который все кричит, как он приструнит, «всех этих».

Я перевожу объектив на глаза. Они смотрят на трибуну радостно, чуть ли не восторженно. И через секунду человек аплодирует, хлопает тяжелыми ладонями, кричит что-то, а сигарету недокуренную бережно положил на край стола…

Я потом подхожу к нему и спрашиваю — почему он за Уоллеса. Отвечает радостно, дружески, предлагая разделить его уверенность:

— Он наш, он за простых людей. Он придет, парень, и будет всё по-другому. Понял?

Придёт Уоллес, и всё образуется. Цены начнут падать. А зарплата — расти. Прекратятся грабежи. Негры перестанут бунтовать. Всё будет хорошо. Просто отлично будет, если придет Уоллес. Уж он покажет «всем этим», от которых одни неприятности, потому что Уоллес — свой. Он не какой-нибудь политикан вроде Никсона или Хэмфри.

Вот и все. Надежда темного, униженного, забитого рабочего человека — придет Уоллес, и всё образуется. Станет легко и хорошо жить.

— Я стану президентом, и вы сможете спокойно ходить в Центральный парк. Вас никто не убьёт и не ограбит!.. — говорит с трибуны Уоллес.

И рёв, просто восторженный рёв людей, съевших только что по цыплячьему филе.

Действительно — так просто. Надо лишь выбрать Уоллеса…

О, это бешеная приманка — простое решение всего, что тревожит не дает спать. Этих выгнать, тех посадить за решетку, задать перцу «вообще всем этим». И больше не будет тревог, и сон будет спокойный и уверенный.

И потому громадный, на 20 тысяч мест, великолепный зал нового «Мэдисон-сквер гардена», переполненный людьми, истерически орёт, приветствуя Уоллеса и его речь, в которой почти слово в слово повторяется то, что сказано было час назад в «Американе».

И под улюлюканье всего зала человек двадцать бьют в партере пятерых негров в чёрных костюмах. Один из негров — священник. Так и надо решать все вопросы — просто и решительно. Дать в зубы — вот и вся расовая, чёрт бы её побрал, проблема. Ведь неспроста негры пришли в этот зал. Значит, что-то замыслили… Толпа в «Мэдисон-сквер гардене» — это отборная политическая темень и наивность Нью-Йорка.

О, какой ненавистью, переполняется зал, когда сверху, с галерки, две или три сотни человек «букают» Уоллесу!

И десятки людей без пиджаков, с засученными рукавами белых рубашек мчатся вверх по ступеням, чтобы врукопашную схватиться с теми, кто «букает». И их подгоняют, крича: «Убейте, убейте, убейте!..»

Впрочем, драки в зале возникают не только из-за политических разногласий. Иногда и на основе политической общности. Например, когда вносят в зал огромный картонный ящик, в котором лежат бесплатные канотье с именем Уоллеса, то стремительная драка идёт уже между единомышленниками. Настоящее прямое мордобитие за право бесплатно получить дурацкое канотье (за которое в ином случае пришлось бы заплатить доллар).

И когда полиция расшвыривает дерущихся, то кто-то обиженно кричит: «Я свой! Я свой! Не видишь?!»

Копов считают своими. Копы — за Уоллеса.

На улице они прижимают тяжелыми крупами коней к стенам домов людей, которые кричат: «Долой Уоллеса!», «Уоллес — позор Америки!»

Они рвут плакаты на которых написано: «Гитлер не умер. Гитлер просится в президенты США».

Они расшвыривают ребят, которые скандируют: «Чикаго! Чикаго! Чикаго!»

Копы за Уоллеса, потому что если придет Уоллес, то полицейским повысят зарплату и разрешат стрелять в городе. Все будет спокойно и хорошо, если придет Уоллес. Все будут слушать полицию. И уж полиция непременно покажет «всем этим»…

Мой приятель, корреспондент одной из местных радиостанций, уходя с обеда в честь Уоллеса, стащил со стола чайную ложку с надписью «Отель „Американа“» и сунул в карман.

— Зачем? — спросил я.

— Когда Уоллес станет фюрером Америки, этот сувенир будет цениться на вес золота… — ответил он с улыбкой.

В «Мэдисон-сквер гардене» шутка не показалась мне смешной.

Осталось 12 торговых дней

Железнодорожная станция небольшого городка полна народу. Три, может быть, четыре тысячи человек. Стоят толпой на перроне около путей. Ждут поезда.

Станционный колокол возвещает о его прибытии. Два тепловоза и 15 вагонов. На каждом большими буквами три слова: «Специальный победный — Никсона!» Кандидат республиканской партии в президенты США появляется в открытом заднем тамбуре последнего вагона, точно таком полукруглом тамбуре, который помнится мне по первым кадрам кинофильма «Цирк». Никсон берет в руки микрофон. Два репродуктора на крыше вагона доносят его голос до 6 или 8 тысяч ушей толпы.

— Я умею играть на рояле, — говорит Никсон. — Впервые за двадцать лет в Белый дом придёт человек, играющий на фортепьяно…

На перроне смеются. Кое-кто даже аплодирует. И в тамбуре тоже посмеиваются.

Никсон совершает однодневное предвыборное турне по штату Огайо на старомодном поезде.

15 вагонов. Кандидат с семьей. Проводники. 210 журналистов, сто никсоновских штабистов, 24 предвыборные девицы, которых называют «никсонерочками». Их задача — демонстрировать себя публике во время митингов. А в дороге — подавать кофе. Не привыкшие к поездной качке никсонерочки то и дело разливают кофе на костюмы пассажиров.

9 остановок, 9 митингов, 9 речей. Каждая — вариант одной и той же. Несколько шуток — в начале, «колор локаль» — в первой трети, две-три уничижительные реплики в адрес конкурента — в

середине. Затем коротко по существу — что я сделаю, когда стану президентом, и в конце — ещё две-три шутки (на местные темы).

Ах, новые формы, новые формы — где вы?

Поезд, старый добрый поезд, напоминающий о добрых временах, когда, все в Америке было просто и ясно. Поезд — это хорошо. Но ведь было, было, было. Был поезд. Точно такое путешествие Никсон совершил в 1960 году, когда проводил кампанию, имея соперником Джона Кеннеди. И даже речи, как свидетельствуют журналисты-ветераны, повторяются через 8 лет…

То ли по этой причине, то ли по каким-то другим, но только люди на железнодорожных станциях маленьких городков слушают кандидата довольно безучастно. Собирается их, правда, всегда приличное число. От четырех до восьми тысяч. И шуткам смеются все охотно. Но все остальное воспринимают без энтузиазма, даже равнодушно.

Это отмечают все 210 журналистов, штабисты Никсона, сам Никсон и даже 24 никсонерочки.

Почему? Что происходит? А как дела у Хэмфри?

У Хэмфри, оказывается, то же самое. Толпа на митингах есть, а энтузиазма нет. Особенно в маленьких городах. Впрочем, в больших — тоже.

Демократический кандидат на этот счёт выразился весьма мрачно: «У нас сейчас гораздо больше средств связи, чем раньше; и каждый из нас говорит значительно больше, чем раньше, но мне кажется, что никогда не было так трудно разговаривать с людьми или заставить их слушать. Может быть, это оттого, что слишком много говорено, и люди просто решили отключиться от нас…»

Это справедливо в отношении обоих кандидатов основных партий. Многие американские специалисты предвыборной борьбы считают, что после съездов обеих партий рядовой американский избиратель потерял интерес к позициям обоих кандидатов основных партий, потерял интерес к «вопросам». Но не из-за того, что больные вопросы сегодняшней Америки — расовая проблема, война во Вьетнаме, преступность — перестали волновать избирателя.

* * *

Время от времени журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» печатает справки «Кто за что стоит» — о позициях кандидатов по основным вопросам. Эти справки напоминают валютный курс при весьма неустойчивой экономической

конъюнктуре. «Валюта», которую стараются продать два основных кандидата, весьма изменчива. В начале кампании позиция Хэмфри по вопросам «порядка и закона» несколько напоминала позицию конного, полицейского, но затем демократический кандидат спешился и принялся убеждать избирателей, что только ОН может создать в Америке расовую гармонию.

На войну во Вьетнаме взгляды Хэмфри не были одинаковыми даже в течение одной недели предвыборной борьбы. Весьма непостоянен, мягко говоря, был в отношении войны во Вьетнаме и Никсон.

В конце концов оба кандидата настолько сблизили, переплели и перепутали своя позиции в обоюдном стремлении придать им наиболее товарный вид для продажи избирателям, что очень многие «покупатели» потеряли к ним интерес.

Как водится, журналисты кинулись проводить исследование на тему: что происходит с энтузиазмом рядовых избирателей в рядовых американских городишках.

Вот ответы.

Хозяйка мотеля (штат Пенсильвания):

«Мы город маленький. И очень хорошо. Конечно, мы говорим, о чем и все говорят, — о выборах. Но хотелось бы забыть о них. И мы меняем тему. Толкуем о школьном футболе. Или о том, кто кому изменяет и с чьей женой…»

В этом городе 26 тысяч человек, и корреспондент «Нью-Йорк тайме» делает вывод, что большинство будет, как видно, голосовать за Никсона. По двум причинам: во-первых, по традиции город голосует за республиканцев, а во-вторых, нынешняя администрация мало кому нравится. Надеются, что Никсон будет другим. Что касается городской полиции, то она полна энтузиазма и будет голосовать за Уоллеса.

Продавец табака (штат Северная Каролина):

«Тут у нас живут люди бывалые. Кругом — простор, и мы привыкли смотреть на жизнь спокойно… Вот с

табаком в 1968 году плохо. Цены, правда, ничего, но урожай легковат… На свои деньги зиму не протянем. Придётся занимать…»

Официальные лица в городе сообщают, что большинство горожан проголосует за Уоллеса.

Некто из штата Нью-Хэмпшир:

«Если бы у нас случился лесной пожар — вот тогда да. А политика… Я вообще не разговариваю о политике и могу поспорить, вы не найдете здесь таких, кто бы много говорил о политике… Я просто не обращаю внимания на выборы и даже выключаю телевизор, если передают о выборах».

Редактор местной газеты в маленьком городке (штат Канзас):

«У нас есть поговорка: даже если дьявол соберется в президенты от республиканцев, все равно проголосуем за него».

В общем, как заметил один нью-йоркский журналист, торговля позициями уже не пользуется успехом; на заключительном этапе выборов кандидатам остается торговать лишь собой.

Сейчас — заключительный этап. До выборов остались считанные дни.

Хюберт Хэмфри, выступая на митинге возле большого универмага, сказал: «До выборов осталось двенадцать торговых дней».

Идёт последняя распродажа.

Кандидаты принялись торговать собой, вернее, своим кандидатским образом — имидж.

О, имидж — это сложнейшая штука.

Требуется великое искусство, чтобы создать нужный имидж.

Ещё в конце 1967 года гримёры, режиссёры и драматурги политической борьбы начали создавать имидж Никсона для продажи избирателю в ноябре.

Лучшие рекламные умы работали над произведением политического искусства. Главным автором или, точнее сказать, художественным руководителем образа называют Харри Трелевана из крупнейшего в США рекламного агентства Уолтера Томпсона.

Трелеван рассказывает, что, прежде чем приняться за работу над образом Никсона, он тщательнейшим образом просмотрел все кино- и телевизионные документы, которые касались проведения Никсоном избирательной кампании в 1960 году. Он изучал его манеры, жесты, дикцию, выражение глаз, улыбку, процентное соотношение острот и серьезности в предвыборных речах.

Трелеван увидел, что Никсон казался напряжённым на экране, что он небрежно брился перед телевизионными выступлениями и потому лицо его имело сероватый оттенок.

Трелеван пришёл также к неутешительному выводу, что образ неудачника, создавшийся в результате проигрыша на выборах, приобрел в глазах избирателей еще и черты, характерные для честолюбивого политического манипулятора. Надо было создать образ «нового Никсона»: искреннего, задушевного человека, который умеет быть милым, общительным, даже обсуждая вопросы общенациональной важности. «Новый Никсон» должен держаться свободно и просто, но при этом все время находиться в «контексте» будущего президентства. Бриться тщательно. Грима не снимать с лица ни при каких обстоятельствах. Телеоператорам приказывали показывать Никсона крупным планом, чтобы публика убедилась в том, что «Никсону нечего скрывать».

Трелеван решил, что Никсон в 1960 году несколько переборщил с речью «бедного простого парня, которому не угнаться за миллионными возможностями богатого соперника». Тему эту, правда, оставили (для борьбы с Рокфеллером), но авторы речей теперь разрабатывали её с известной долей иронии, чтобы она не звучала чересчур пессимистически.

Образ кандидата — это очень сложное сооружение. Его возводят люди самых неожиданных профессий и занятий. На приёмах у Никсона я несколько раз видел знаменитого американского бейсболиста, возвышавшегося над толпой гостей головы на четыре. Он присутствовал на приеме и тем создавал имидж кандидата. Знаменитый комик в сером костюме в крупную клетку старательно веселил в зале гостей кандидата, отпускал остроты, давал автографы. Он был тоже частью образа. И дочери

Никсона, и жена, и будущий зять, внук Эйзенхауэра, — все это строители имиджа, создаваемого под художественным руководством Трелевана из рекламного агентства…

У Хюберта Хэмфри с его образом все оказалось значительно сложнее. Ему так и не удалось создать свой собственный имидж. Четырёхлетнее служение верой и правдой Джонсону, одному из самых непопулярных президентов в истории Соединенных Штатов, оставило на демократическом кандидате несмываемую печать.

В последние дни перед выборами люди Хэмфри делают все возможное, чтобы привлечь на сторону своего босса как можно больше знаменитостей.

Знаменитых артистов просят сфотографироваться с вице-президентом. Род Стайгер, отличный голливудский киноактер, по просьбе Хэмфри снялся в телевизионной рекламной политминутке, известный певец Эд Эймс пел на обеде в честь Хэмфри (то ли случайно, то ли по какой-нибудь иной причине, он спел песню под названием «Несбывшаяся мечта»). К любому мало-мальски популярному человеку обращается Хэмфри за поддержкой. Газета «Нью-Йорк пост» утверждает, что человек не может считать себя знаменитым, если Хэмфри не попросил у него помощи в предвыборной борьбе.

Переход от «продажи идей» к «продаже образов» ознаменовался изменением тона предвыборных выступлений. От «позиционного» спора кандидаты перешли, так сказать, к личным атакам.

Вице-президент, надо сказать, начал первым. Он уже несколько раз называл Никсона обидным прозвищем «трики Дики», что значит «Дики-трюкач», и уличал его в разных грехах. Никсон долго терпел, не желая разрушать созданного под руководством Трелевана образа благородного, спокойного человека. Он лишь говорил на митингах, что Хэмфри бьёт ниже пояса только потому, что пребывает в панике.

Но когда Хэмфри назвал Никсона «Ричардом цыплячье сердце», человеческое сердце республиканского кандидата не выдержало. Он решил отвечать.

На девяти станциях вдоль железной дороги в Огайо, в девяти речах Никсон непременно посвящал несколько слов своему конкуренту.

В Мидтауне:

— Хэмфри — самый дорогой сенатор в Америке, — кричал Никсон сквозь, репродукторы на крыше вагона. — Он тянет из казны и не верит, что у нее есть дно…

В Марионе:

— Голосуйте за меня и управляйте своим районом сами. Или голосуйте за Хэмфри, который будет управлять вашим районом за ваш же счёт. Выбор у вас один. Или Никсон — и деньги в вашем кармане, или Хэмфри — и тогда в вашем кармане его рука!

Продажа имиджей вступила в решающую стадию. До выборов остается лишь 12 торговых дней.

Глава одиннадцатая
НОЯБРЬ

Самая длинная ночь

Пятое ноября 1968 года.

17.00. Лифтёр дома, узнав, что я отправляюсь в «Уолдорф-Асторию», говорит: «Никсон сегодня пострадает, пострадает. Вот увидите, проиграет Никсон…» И язвительно улыбается.

— Почему? — спрашиваю я.

— По четырём причинам. Во-первых, ему давно уже не о чем говорить. Это раз. Во-вторых, никто, ему не простит, что он отказался от телевизионных дебатов. А почему отказался? Потому что боится. Знает, что не сдержится, начнет злиться. Все увидят. А президент не имеет права злиться. Это два. В-третьих, Джонсон приостановил бомбёжку. В-четвертых… Была у меня четвертая причина, но я забыл. Но, в общем, Никсон пострадает, сегодня пострадает. Вот увидите…

18.10. Один за другим на аэродроме в Нью-Йорке приземляются три «Боинга-727». Никсон — в последнем. Толпа на аэродроме небольшая. Длинный парень, разглядывая самолет, который перемигивается желтым глазом с полицейскими машинами, кричит, перекрывая шум двигателей: «Проголосовали утром. Жена спрашивает: „За кого голосовал?“ А я ей: „Ты первая скажи“. — „За Никсона“, — отвечает. „А я, говорю, за Уоллеса“».

Парень смеется громко, чтоб все слышали его смех.

Чёрный «линкольн» бесшумно двигается в сторону Нью-Йорка. За ним десятка два машин, полицейские автомобили и мотоциклисты. Пожалуй, последний предвыборный кортеж.

Впереди ночь ожидания. Никсон решил провести её в Нью-Йорке, в «Ублдорф-Астории», где помещается сейчас его главная штаб-квартира. Видимо, Нью-Йорк выбран потому, что это дом. Здесь у Никсона квартира на Пятой авеню в том же здании, где живет Рокфеллер. Здесь адвокатская контора, в которой он служил с 1964 года в ожидании сегодняшней ночи, — на Бродстрит, в двух шагах от Уолл-стрита и от Нью-Йоркской биржи.

20.15. Старомодная респектабельность «Уолдорф-Астории» подчеркивает напряженность предстоящей ночи.

На третьем этаже — три вместительных зала для ожидающей прессы (800 человек). В одном зале прессу кормят и поят. В

другом — пресса работает за пол сотней длинных столов, уставленных машинками и телефонами {мгновенная связь с любым городом мира). Третий зал предназначен для пресс-конференций, которые время от времени будут проводить люди Никсона.

Обширнейший бальный зал отведен для гостей — сторонников Никсона. Гости ещё съезжаются. Будто в театр на премьеру. Одетый в вечерние платья. Надушенные. Торжественные. Рассаживаются за столиками. Слушают лихой джаз, безумствующий на сцене. Посматривают на белый экран под потолком: Туда проецируют данные подсчета голосов. Подсчитано пока что-то чуть больше десяти, процентов. Но Никсон идет впереди. Зал в хорошем настроении, возбужден и время от времени взрывается аплодисментами и криками: «Мы хотим Никсона!»

«Никсонерочки» — предвыборные девицы в коротких белых юбочках и голубых кофточках в упругую обтяжку — раздают гостям подарки: мужчинам запонки с надписью «Никсон», женщинам брошки в виде слоников тоже с надписью «Никсон».

Сразу образовались к барам длинные очереди, которые, впрочем, быстро двигаются.

21.15. В зале для работающей прессы штук двадцать телевизоров. Почти на всех экранах знакомое лицо Уолтера Кронкайта — самого популярного телевизионного обозревателя в США, Он начал свою передачу в 6 вечера.

Каждые две-три минуты на экранах — новые цифры. И сразу стучит сотня машинок в зале. Пожалуй, вся страна содрогается сейчас от жесткого стука тысяч электронно-счетных машин, переваривающих результаты выборов и время от времени выбрасывающих из себя новые цифры.

21.30. Подсчитано 13 процентов голосов. Из них за Никсона 41 процент, за Хэмфри — 39, за Уоллеса — 20. Гэллап и Харрис предсказывали победу Никсону большинством голосов в 8 процентов. Хэмфри весьма улучшил свои позиции за последние недели, перед выборами.

— Это остановка бомбардировок, — объясняет мне знакомый репортёр из «Нью-Йорк пост». — Только поздновато. Если бы на неделю раньше!.. — Он щёлкает пальцами и бежит к своей машинке.

22.00. В бальном зале все больше шума.

Улыбки всё шире. Жесты всё радушнее. Крики всё громче.

Хотя Хэмфри нагоняет Никсона. И разрыв всё меньше и меньше.

Кто-то хлопает увесисто меня по плечу:

— Сними, приятель!

От желающего сняться так несет спиртным, что я боюсь, как бы эмульсия на фотопленке не полезла клочьями.

Лишь один человек хранит в зале величественное спокойствие — высокая, чуть полноватая дама в панбархатном вечернем платье с открытыми плечами. Она сидит за столиком почти в самом центре зала. Гордо и неподвижно, как королева на троне. Поводит красивыми бровями. Посматривает на экран с цифрами. Но ничем не выражает своих чувств. Пожалуй, она единственное трезвое существо в зале (кроме, конечно, трудяг репортёров и детективов).

22.20. В одной из самых больших студий Си-би-эс воздвигнуто сложное сооружение, напоминающее синхрофазотрон средних размеров. Трехэтажный стол — кольцо. За кольцом, на верхнем этаже, — обозреватели во главе с Уолтером Кронкайтом. В двух внутренних этажах стола — невидимые для зрителей десятки людей, опутанные проводами, захомутованные наушниками, взнузданные микрофонами. Зелёные пластиковые доты возвышаются над сооружением, господствуя над местностью. В дотах — операторы. Их прикрыли зеленым пластиком, чтобы не отвлекать зрителей от главных действующих лиц — Кронкайта и его помощников.

Меня водят между проводов, машин — объясняют:

— Четыре тысячи корреспондентов Си-би-эс на ключевых, избирательных участках каждые несколько минут сообщают по прямому телефонному проводу о результатах подсчета голосов… 150 операторов ЭВМ связано с ними… Кроме того, каждые несколько минут операторы получают данные подсчета голосов по штатам… Сто электронно-счетных машин в студии… Каждые 60 секунд компьютеры дают общенациональную картину подсчёта… В передаче на студии занято 650 человек… Возле каждого обозревателя по две ЭВМ, которые мгновенно дают ему необходимые данные в каждый нужный момент… Около Кронкайта — 5 компьютеров. Нажатие кнопки — и на экране возникают последние цифры подсчёта голосов по выборам президента, сенаторов, губернаторов… Ещё до окончания подсчета голосов, на основании наших компьютерских данных, мы объявляем — кто победитель… В 1967 году мы объявили о победе Джонсона в 9.05 вечера… На этот раз дело продлится дольше, потому что уж очень близко друг к другу идут кандидаты…

Я вижу на первом этаже стола-синхрофазотрона три телевизионных экрана. Два из них включены на программу Эн-би-си и Эй-би-си.

— Мы должны каждую секунду знать, что делается у наших конкурентов.

23.15. Штаб-квартира Уоллеса в Нью-Йорке, в отеле «Пан-Американ». Штабисты занимают три скромных номера. Из одного нас довольно грубо выставляют — там идет заседание, над столом склонились коротко остриженные головы джентльменов средних лет. В другом номере на кровати перед телевизором сидит неожиданная одинокая старушка. Увидев нас, она поднимает сухонькие кулачки к низкому потолку и кричит сипло: «Кронкайт подлец! Подлец Кронкайт! Почему он не показывает цифры на Уоллеса?! Разве это демократия?!» В третьем номере на кровати и на стульях сидят молодые, боксерского вида люди и смотрят сразу три телевизора. Один включён на Си-би-эс, другой — на Эн-би-си, третий — на Эй-би-си.

Делать здесь нечего и разговаривать тоже не о чём.

23.50. Пресс-конференция в комнате для прессы в «Уолдорф-Астории». Ведёт мистер Герберт Клейн. — пресс-секретарь Никсона, сутулый человек с узкими, длинными черточками глаз, резко опускающимися у висков. Две сотни корреспондентов, измотанных отсутствием новостей, сидят с дымящимися блокнотами.

— Мистер Никсон приехал в «Уолдорф-Асторию» в семь часов, — говорит Клейн деловито. — Два часа отдыхал в своём номере на тридцать пятом этаже. Сейчас с ним лишь глава штаба. С остальными сотрудниками разговаривает только по телефону. Миссис Никсон и обе дочери находятся в другом номере и наблюдают за подсчётом голосов по телевизору. В номере у господина Никсона царит атмосфера уверенноети. Он ждёт победы. — Без паузы Клейн добавляет: — Готов ответить на вопросы.

— Как отдыхал мистер Никсон?

— Как все отдыхают.

— Опишите номер, в котором он находится. — Я не обратил на это внимания. В следующий раз расскажу подробно.

— Какие там стоят телевизоры?

— Сообщу в следующий раз.

— Кому принадлежит номер?

— То есть?

— Какой корпорации?

— Номер принадлежит отелю, и никому больше.

— Вы всё ещё верите в предсказание, сделанное мистером Никсоном, о том, что он победит с разрывом не меньше чем в три или пять миллионов голосов?

— Мистер Никсон уверен в победе. Когда пойдут данные из западных штатов, все станет на своё место.

— Нельзя ли описать обстановку номера пораньше для тех, кому уже пора сдавать материал в газету?

— Спасибо, господа.

Мистер Клейн мрачен. Никсон и Хэмфри идут вровень. У Хэмфри даже на несколько тысяч голосов больше.

6 ноября. 0.25. В бальном зале состояние боевой готовности к вселенской выпивке давно уже сменилось состоянием боевых действий в этом направлении. Время от времени на сцену поднимаются никсонерочки. Они выстраиваются в ряд и под джазовый галоп начинают высоко поднимать ноги для поднятия духа. В американском спорте таких девиц называют «морал-билдеры», что в переводе означает «поднимающие дух», а в буквальном переводе — «строители морали».

Но мораль зала поднимается с трудом. По лицам никсонерочек катится добросовестный пот. Оркестр всё убыстряет темп. Воодушевление на сцене тонет в пьяной неразберихе зала.

И только один человек держится непоколебимо — гордо и прямо, — это та самая женщина в панбархатном платье. Она все сидит в центре зала и. смотрит на экран, где время от времени появляются цифры, говорящие, что оба главных кандидата идут ноздря в ноздрю.

1.50. Никсонерочки снова раздают подарки: пластинки с песенкой «Никсон, вот кто». На кампанию Никсона истрачено 20 миллионов долларов. Так говорят в штабе республиканской партии. В штабе лагеря противников утверждают, что на Никсона потрачено не менее 40 миллионов долларов…

2.30. Коктейли в бальном зале уже смешивают пальцами.

3.00. Время от времени уличные детективы в плащах и кожаных тужурках заскакивают в зал, завистливо смотрят на тех, кто несет службу в тепле, возле выпивки и еды, пропускают по стаканчику и снова бегут на холодный предутренний пост.

3.20. Никсонерочки не сходят со сцены. Но держать зал на высоком моральном уровне не удаётся. Барабанщик несколько

раз ронял от усталости свои барабанные палочки. Кажется, уже давно никому нет дела до экрана с цифрами. Возле телевизора в углу зала стоит совсем маленькая кучка полупьяных любителей политики.

3.50. По телевизору выступает Хэмфри. Из своей штаб-квартиры в Миннесоте. Он благодарит собравшихся за ожидание. Говорит, что дела идут отлично. Но сломались компьютеры, и результаты задерживаются. «Я чувствую себя уверенно и поэтому могу отдохнуть». «Мы хотим Хэмфри! Мы хотим Хэмфри!» — раздаётся в ответ.

А рядом со мной молодой парень в очках кричит телевизору: «Заткнись! Заткнись!» Потом оборачивается ко мне и, видя значок прессы, объясняет: «Всё. Он погиб. Он извиняется. За поражение. Если бы знал, что победит, он не вышел бы к толпе. Если человек побеждает — ему плевать на толпу. Ведь Никсон не выходит к нам? Плюет. Значит, уверен, что победит!»

4.10. Никсонерочки больше не поднимают моральный уровень зала. Их разобрали детективы и щупают по углам. Три джентльмена в смокингах при бабочках спят на полу. Кронкайт продолжает передачу. Это уже одиннадцатый час без перерыва.

4.30. Раздается несколько выстрелов, которые оживляют на минуту засыпающую студенистую толпу в зале. Это кто-то начал срывать с гроздьев воздушные шарики, предназначавшиеся для победного торжества. На них наступают ногами. Давят руками. Садятся. И даже падают животом.

Мрачные оркестранты складывают инструменты.

4.45. Бесшумно падает на пол величественная дама в панбархатном платье. К. ней бросаются три детектива, хватают под мышки, тащат в туалет. Соседи по столику объясняют, что дама была давно и мертвецки пьяна. Они даже заключили между собой пари — когда же она наконец свалится.

Слишком длинная ночь.

5.30. Опустел зал. Валяются ошметки от взорванных шариков. Осколки стаканов, раздавленные каблуками пироги и бумажные стаканчики от пепси-колы.

Корреспонденты укладываются спать на стульях, подложив под головы фотоаппараты и блокноты.

6.00. Никсон и Хэмфри всё ещё идут вровень. Никсон всего

на сотню тысяч голосов впереди. Однако по числу выборщиков у него значительное преимущество…

— У Хэмфри может быть одна надежда, — говорит Уолтер Кронкайт. — Надежда на то, что ни он, ни Никсон не соберут нужного числа выборщиков. Тогда президента будет выбирать палата представителей. А там у Хэмфри больше шансов.

Кронкайт ведёт передачу уже 12 часов подряд…

10.00. Теперь все зависит от Техаса, Миссури и Иллинойса. Любой из этих штатов, если отойдет к Никсону, даст ему необходимое число выборщиков. Но подсчёт голосов там ещё не окончен, а кандидаты «идут» так близко друг к другу, что сделать вывод, кто победит, всё ещё нельзя.

10.45. И вдруг, когда Уолтер Кронкайт, устало проводя рукой по лбу, что-то такое говорит о вариантах, которые возникнут, если Никсон не получит нужного числа выборщиков, разносится слух, что компания Эн-би-си сообщила, кто победит. Сообщила! Резкое переключение рычажков на телеприемниках — к Эн-би-си. Стоит заставка: «Никсон — победитель!»

Я кручу назад, к Кронкайту. Он мрачен. Обошли конкуренты! Через минуту и он объявляет, что анализ подсчета голосов в Иллинойсе дает возможность Си-би-эс сделать вывод, что победителем там будет Никсон. А значит, Никсон будет и президентом Соединённых Штатов…

Победа!

А зал молчит. Некому кричать, топать ногами и свистеть… Он — пуст.

11.15. Бальный зал снова заполняется людьми. Но это уже не те торжественные, возбужденные гости, которые пришли сюда в начале вечера.

Деловые костюмы. Опухшие лица, заплывшие глаза. Не тот и зал. Он еще не убран после вчерашнего. Сцена пуста. Оркестранты еще не вернулись. Никсонерок тоже нет. Отсыпаются.

Бело-красно-синие полотнища наполовину содраны с балконов — какой-то пессимист ночью, как видно, потерял надежду, что президент вообще будет когда-нибудь избран.

Кронкайт, оправившийся от удара, нанесённого конкурентами, сообщает, что Никсон не появится, пока Хэмфри сам не признаёт своего поражения. И рассказывает, что, узнав о победе Никсона, Хэмфри, поднимаясь с кресла у, телевизора и обращаясь к своим помощникам, сказал: «Послушайте, мне не

нужно сочувствия ни от кого из вас…»

12.10. В Миннесоте выступает Хэмфри. На глазах у него слёзы.

13.10. Никсон выходит на сцену бального зала и взмахивает сразу обеими руками, как дирижер, который решил начать с фортиссимо. Но фортиссимо не получается. Люди кричат и аплодируют как-то вяло, буднично. И даже уцелевшие воздушные шарики висят без дела. Никто не бросает их в зал.

Недолгая речь. Минут пятнадцать.

И всё.

Самая длинная ночь, наконец, кончилась. Новый президент снова поднимает руки вверх и уходит со сцены. За ним — жена, две дочери и жених одной из дочерей, внук бывшего президента Эйзенхауэра.

Фотографы в последний раз складывают аппаратуру.

Репортёр из «Нью-Йорк пост», отходя вместе со мной от сцены, говорит: «Ну теперь самое главное — беречь Никсона. Иначе, не дай бог, президентом станет Эгню…»

И вдруг я вижу в центре зала за столиком ту самую женщину в черном панбархатном платье. Да, да, ту самую. Она сидит на том же месте, так же величественно. И смотрит неподвижными глазами на пустую сцену…

Кронкайт всё ещё ведёт свою передачу. Это уже двадцатый час подряд…

Входящие и исходящие

Итак, президент США избран. Предвыборная горячка наконец схлынула. Все постепенно становится на свои места.

Воскресная «Дейли ньюс» вышла не с надоевшими портретами кандидатов на первой полосе, не с предсказаниями Гэллапа и Харриса, не с картой Соединенных Штатов, разделенных между Никсоном, Хэмфри и Уоллесом, а с добротным, привычным, всегда пользующимся успехом фоторепортажем о том, как некий самоубийца висел на карнизе высоченного дома в Бруклине и как подобралась к нему полиция и свезла в психолечебницу.

Одним словом, жизнь входит в своё обычное русло.

Если репортаж о самоубийстве вы считаете недостаточным свидетельством тому, то вот вам еще: на только что избранного президента США уже готовилось покушение, уже раскрыт заговор, уже арестованы его участники. Об этом тоже сообщено в газетах.

Раскрытие заговора не потребовало больших трудов от полиции и секретной службы. В полицию позвонили из бара «Папас», что на углу Франклин и Линкольн-авеню в Бруклине. Некто, назвавший себя «отличным стрелком-спортсменом», толково поведал о готовящемся покушении на Никсона. Полиция прибыла в «Папас» через несколько минут. Толковый осведомитель ждал их. Он спокойно рассказал запыхавшимся полицейским, что на другой день после выборов к нему обратились некие три джентльмена с совершенно лишним, вопросом — не хочет ли он заработать крупную сумму денег. Немедленно получив положительный ответ, три джентльмена потребовали от стрелка в обмен на будущие денежные знаки применения его спортивных достижений на практике и участия в убийстве только что избранного президента. Чтобы обещания троих не показались четвёртому голословными, в тот же день ему были предъявлены и вещественные доказательства серьезности их намерений.

В апартаментах на Хинсдэйл-авеню, куда его привели трое, он увидел два автомата и винтовку М-1 (зарекомендовавшую себя уже не в одном политическом убийстве) — все три с оптическими прицелами.

Это произвело на спортсмена внушительное впечатление. И он решил, что, пожалуй, стоит все-таки позвонить в полицию.

Там на всякий случай проверили, не шизофреник ли информатор. Врачи сказали — нет. А в баре «Папас» ему дали трогательную характеристику: ходит к ним с месяц, спокоен, тих, зайдет, выпьет кружечку пива «Шлиц», и нет его.

После этой проверки полиция нагрянула в квартиру на Хинсдэйл-авеню. Информация любителя пива «Шлиц» оказалась точной. Джентльмены, не умевшие хорошо стрелять, были на месте, их винтовка и автоматы — тоже.

Что будет дальше, пока неизвестно. Заговор несколько смахивает на опереточное либретто не очень высокого класса. Но секретная служба, охраняющая вновь избранного президента наравне с действующим, имеет все основания относиться серьезно к вин-, товкам, снабженным оптическим прицелом.

Что касается публики, то она, на мой взгляд, отнеслась к сообщению о заговоре с целью убийства нового президента США вяло. Ничего не поделаешь — как видно, сказывается привычка.

Нет, нет, что бы там ни говорили, а страна возвращается к нормальной жизни.

* * *

Впрочем, окончание выборов далеко не для всех означает возвращение жизни в привычное русло. В 10.45 утра 6 ноября 1968 года в номер на 35-м этаже отеля «Уолдорф-Астория» к одетому в пижаму Никсону влетел один из его помощников: «Эн-Би-Си только что сообщила, что вы — следующий президент Соединенных Штатов!»

В этот момент для бывшего вице-президента США Ричарда Мильхауза Никсона началась новая жизнь.

* * *

Он стремился к ней упорно. В 1960 году потерпел поражение от Джона Кеннеди. Через два года снова оказался неудачником в попытке получить губернаторское кресло в Калифорнии. Тогда же объявил об уходе с политической сцены. Снова вернулся на нее в 1968 году и, используя недовольство избирателей политикой нынешней, администрации, весьма уверенно двигался к финишной ленточке у дверей Белого дома. В последние несколько дней перед выборами (когда Джонсон объявил о приостановке бомбардировок ДРВ) первенство Никсона, правда, висело на волоске. Один из его ближайших помощников признался: «Мы уж думали, что всё полетело, к чёрту».

И всё же Никсон победил. Победил настолько же незначительным большинством голосов избирателей (185 тысяч на 70 миллионов голосовавших), насколько микроскопическим было отличие его предвыборной позиции от позиции Хэмфри.

Из Англии пришла по этому поводу саркастическая шутка: «Слышали, что президентом Соединённых Штатов избран высокий темноволосый человек. Опрос общественного мнения показал, что 43 процента населения считают его Никсоном, остальные полагают, что он — Хэмфри».

Другая мрачная острота произнесена известным американским комедийным актером Пэтом Полсеном: «Среди кандидатов нет проигравшего. Поражение потерпели только избиратели».

Но так или иначе, а Ричард Никсон — 37-й президент Соединенных Штатов Америки.

Сразу после выборов он улетел с семьей в курортное местечко Ки Бискейн во Флориде, чтобы у теплого моря отдохнуть от предвыборных трудов.

На аэродроме в Майами его приветствовали контрреволюционные кубинские эмигранты. Один из них держал на палке во много раз увеличенное фото, изображавшее встречу

Никсона с бывшим кубинским диктатором Батистой в 1955 году. «Объедините нас, мистер Никсон!» — громко орал соскучившийся по Батисте эмигрант.

В Ки Бискейн обнаружилось, что Никсон питает склонность к символам. Торжественный обед по поводу своей нынешней победы он устроил в том самом клубе, в той самой комнате, за тем самым столом, где в 1960 году грустно отмечал поражение, нанесенное ему тогда Джоном Кеннеди.

Не знаю, как в тот раз, но ныне обед был подчеркнуто спартанским. Следукйций президент Соединенных Штатов съел лишь небольшой кусок мяса и несколько кружочков лука, поджаренного в кипящем масле. Оркестр играл любимую Никсоном мелодию «Апрель в Португалии». Тосты произносили, поднимая бокалы, наполненные простой водой. Торжество длилось только один час. Так сообщают журналисты, которых допустили быть свидетелями скромного праздника.

Они же с грустью поведали, что отношение к ним со стороны нового президента изменилось в худшую сторону. Во время кампании он был приветлив и радушен с прессой, от которой, надо признаться, кое-что зависело в предвыборной борьбе. Сейчас — другое.

«Мы с вами нянчились пять месяцев, — решительно сказал журналистам один из людей Никсона. — Теперь всё!»

Сразу после торжественного обеда, во время которого разволновавшаяся официантка вылила на колени будущему президенту горячий чай, Никсон приступил со своими помощниками к работе. Смысл ее поэтически выражен в песенке, которую на мотив «Хэлло, Долли» грустно распевают вашингтонские чиновники: «Хэлло, Дики! И гудбай, Линдон!..» Если же говорить прозой, то Никсон готовится принимать дела у Джонсона и подбирает людей, которые вместе с ним войдут в завоеванный Вашингтон, чтобы занять ответственные посты в Белом доме, правительстве, во всякого рода федеральных учреждениях.

Таких постов официально около трех с половиной тысяч. На самом деле — значительно больше, потому что каждый новый начальник, безусловно, имеет возможность сменить часть своих подчиненных.

Все эти административные посты, среди которых весьма много откровенных синекур, — та часть наличных средств, которыми каждый новый президент расплачивается с наиболее активными своими союзниками в борьбе за президентское кресло.

О, это ответственнейшая и кропотливейшая работа! Ведь надо не только расплатиться «за услуги», но и по мере

возможности окружить себя людьми, способными вести дело управления государством. Очень часто две эти задачи несовместимы.

Дележка постов, которая началась во Флориде, держится пока в строжайшей тайне.

В Вашингтоне, в политических кулуарах, витают лишь смутные слухи: бывший губернатор Пенсильвании Вильям Скрэнтон будет государственным секретарем… Нельсону Рокфеллеру — вы слышали? — предложили министерство обороны… Финч, кажется, будет министром жилищного строительства… Дэвид Рокфеллер — главой министерства финансов…

Рассказывают о перфорированной ленте для компьютера, на которой люди Никсона запрограммировали данные о всех чиновниках страны с годовым доходом более 25 тысяч.

Но это всё слухи. А достоверно о будущих постах и будущих соратниках нового президента известно пока только одно: вице-президентом будет Спиро Эгню. Вот это определенно. Вот это не подлежит сомнению. Однако в статус нового вице будут, внесены некоторые изменения.

Во время предвыборной кампании его, мягко говоря, неосторожные высказывания на митингах и пресс-конференциях приобрели скандальную известность. «Нью-Йорк тайме» даже сочла нужным объявить, что Спиро Эгню не соответствует профессиональным требованиям, предъявляемым вице-президенту США. Как считают, Эгню весьма ухудшил положение Никсона на последнем этапе борьбы за президентское кресла

* * *

Возможно, всё это и имел в виду Никсон, когда объявил, что вице-президент Спиро Эгню будет обитать в Вашингтоне не отдельно, как обитали все вице-президенты раньше, а в Белом доме, в западном его крыле, под боком у президента.

Журналисты считают, что такое гостеприимство будущему вице оказано для того, чтобы простоватый Эгню не выходил из поля зрения никсоновских помощников, чтобы переписку его вели секретари Белого дома и чтобы отношениями с печатью ведали никсоновские пресс-офицеры.

Вот и всё, что известно. В остальном боевые порядки никсоновских чиновничьих легионов — военная тайна.

На мероприятия по сдаче и приему дел конгресс США выделил 900 миллионов долларов. В двух административных

зданиях неподалеку от Белого дома отведено 50 комнат, в которых могут расположиться до вступления в должность новый президент и его штаб.

Но Никсон намеревается прожить до января 1969 года в Нью-Йорке. Здесь же будет находиться и его главная штаб-квартира. Новый президент предпочитает руководить вводом своих отрядов в столицу США на расстоянии.

Однако его парламентеры давно уже там и вырабатывают с представителями «исходящей» администрации условия капитуляции. Главный специалист Никсона по приему дел Ф. Линкольн (компаньон по адвокатской конторе на Уолл-стрите) позвонил в Белый дом буквально через минуту после того, как Хюберт Хэмфри в выступлении по телевидению признал себя побежденным. Начались переговоры о технике сдачи дел на другой день в 10 утра. В столицу прибыл бывший директор бюджетов в администрации Эйзенхауэра, чтобы по поручению Никсона заглянуть в государственную казну и, как выразился один из помощников Никсона, «проверить, много ли осталось денег в кубышке».

Перед «входящей» администрацией много проблем. Война во Вьетнаме, расизм, инфляция, преступность. Перед выборами Никсон обещал быстро решить многие проблемы. В январе 1969 года станет ясным — не изменит ли он отношение к своим избирателям, как изменил его, например, к журналистам.

В Вашингтоне невесело. Ничего не поделаешь — политическая осень. Осыпаются листья. Уже начали подавать в отставку чиновники, заблаговременно запасшиеся теплыми местами на стороне. Подал в отставку, например, заместитель государственного секретаря Катценбах. Он получил высокий пост в компании Ай-би-эм, производящей электронное оборудование.

Возле Белого дома затишье. Давно уже не стоят вереницы лимузинов у южных ворот в ожидании глав иностранных государств, наносящих визит президенту США. Меньше стало важных иностранных визитеров, меньше фотографов.

Равнодушные машины-мусорщики, похожие на птиц марабу, набивают свой зоб красными и золотыми листьями с вашингтонских мостовых.

Кое-где листья собирают в легкие шевелящиеся кучки и сжигают. Огня не видно, но дым поднимается вверх синими тропинками.

Пахнет дымом от осенних листьев.

Попахивает и бумажным пеплом.

Журналисты утверждают, что этот аромат стоит в Вашингтоне всякий раз, когда в Белом доме готовятся сменить

хозяина.

По осенним улицам бродят издатели. В темных костюмах, темных плащах и при темных галстуках, они выглядят несколько траурно.

Они пришли в Вашингтон в поисках будущих воспоминаний о настоящем, которое скоро станет прошлым. Требуется нечто под названием: «Как это было на самом деле!»

Администрация Джонсона ещё работает и официально сложит руки лишь в январе 1969 года. Но уже сейчас издателям требуются мемуары о ней.

Воспоминания покупают на корню. Предлагают большие деньги, правда, в зависимости от того, кто собирается вспоминать и о чем.

Каждый чиновник, уходящий в административное небытие, знает об этом и запасается материалом для воспоминаний.

Особенно в цене частные секретари. Частные секретари — это большая мемуарная сила. Их воспоминания о своих боссах идут иногда по более высокой цене, чем воспоминания самих боссов.

Издатели знают, что истории нет, есть биографии. Этот афоризм, произнесенный довольно давно, до сих пор отлично выражает формулу успешной книготорговли.

Издатели бродят по осеннему городу. С хрустом крошат осенние листья. Вскидывают глаза к небу. Размышляют. Вот если бы Макнамара написал «как это было на самом деле» или Дин Раск!

Что касается самого Джонсона, то он, как известно, забирает с собой из Белого дома все бумаги, относящиеся к его личной деятельности. Все это он поместит в свою техасскую библиотеку. Библиотека уже строится. Она носит имя нынешнего президента и находится на территории Школы общественных отношений Техасского университета в Остине, которая тоже носит имя ЛБД — Джонсона.

Как-то Джонсон сказал одному из своих помощников: «Я хочу, чтобы это была самая большая президентская библиотека в мире». Так оно, по всей вероятности, и будет, Только личные бумаги президента займут там две тысячи шкафов. Кроме того, Джонсон без ложной скромности решил устроить в библиотеке музей истории своей жизни площадью около 2,5 тысячи квадратных метров.

«Нью-Йорк таймс» высказывает мнение, что грандиозная библиотека и собственный прижизненный музей нужны Джонсону, чтобы самому как следует проследить — должным ли образом оформляют его место в истории.

Объявлено, что в своем музее Джонсон собирается писать

мемуары. Обозреватели полагают, что вообще всю дальнейшую жизнь президент Джонсон посвятит оправданию своего прошлого, в частности политики, которая привела к катастрофе во Вьетнаме.

Так ли это — я не могу сказать. Но, как стало известно, издатели уже предложили ему миллион долларов только, за первую книгу воспоминаний о том, как были приняты наиболее драматичные решения в Белом доме в период его президентства.

Джонсон не нуждается в деньгах. Его вложения в радиостанцию и техасское ранчо исчисляются многими миллионами, принося немалый доход. Как бывшему президенту, ему будет положена пожизненная годовая пенсия в 25 тысяч долларов плюс 80 тысяч в год на содержание секретарей и прочего персонала. Но лишний миллион в хозяйстве всегда пригодится. И Джонсон, как сообщают, дал согласие.

Ореолом возможного успеха окружены и записки супруги Джонсона, которые она вела аккуратнейшим образом ежедневно в своей комнате на втором этаже Белого дома.

Бродят по Вашингтону издатели. Принюхиваются к дыму тлеющих листьев, прислушиваются к скрипу перьев авторов будущих мемуаров.

И всё меньше надежд остается у тех, кто действительно рассчитывает узнать — «как всё было на самом деле». Ведь недаром сказал кто-то, что мемуары — это способ избавиться от прошлого.

«Мятеж полицейских»

Я снова мысленно возвращаюсь в Чикаго, в те четыре августовских дня 1968 года, которые были наполнены кровью, криками, воем полицейских машин, сухим стуком полицейских дубинок, едким запахом слезоточивого газа у подъезда отеля «Хилтон» и коровьего навоза на скотопригонном дворе, где проходил съезд демократической партии.

В протоколах специальной комиссии, которая закончила расследование августовских событий в Чикаго, отсутствуют эмоции. Там только корректное описание фактов, не расцвеченных ни настроением, ни эпитетами, ни эффектами цветной пленки, ни драматической вспышкой фотоблица. На 20 тысячах страниц записаны показания 3437 свидетелей. Из этих записей, составленных за 53 дня работы комиссии в составе 212 человек, жесткой юридической щеткой выскреблено всё, что не относится, прямо к делу. Вот несколько записей.

«…Полицейские втолкнули мужчину в арестантскую

машину, которая стояла за линией полицейских. 18-летняя девушка, которая назвала себя невестой арестованного, просила пустить ее в машину вместе с ним. Трое полицейских схватили ее и, раскачав, бросили в открытую дверь машины. Но они промахнулись, и девушка ударилась головой о железную заднюю стену кузова. Тогда ее подняли, раскачали и снова бросили».

«…Медик-доброволец из Северо-Восточного университета, так описал сцену в Линкольн-парке в воскресенье: „Когда кто-нибудь падал, три или четыре полицейских принимались избивать упавшего. Один из ребят был избит так сильно, что не мог подняться. Он был весь в крови. Кровь текла из головы“. Свидетель увидел врача, одетого в белый халат. Его бил офицер. Когда тот закричал: „Я врач!!!“ — офицер сказал: „Извините меня“ — и ударил снова».

«…Магнитофонная пленка в полицейском департаменте Чикаго содержит запись следующего радиотелефонного разговора между полицейским оператором и водителем полицейской машины во вторник в 1.29 ночи.

Оператор. 1814-й, езжайте к 1436-му. Там находится раненый хиппи.

Водитель. 1436, Северный Уэле?

Оператор. Северный Уэлс.

Последовали немедленные реплики из пяти других полицейских машин: „Это не срочно. Пусть едет в автобусе… А я б его… (ругательство)… Выбейте ему зубы… Бросьте его в корзину для мусора…“»

«…В квартиру на улице Вест Армитадж, где жили восемь студентов университета, вошли пять полицейских, трое из них — с винтовками. Не предъявив никакого ордера, они принялись обыскивать помещение. Когда студенты потребовали прекратить самоуправство, один из полицейских (никто из них не имел на рубашке номера или бирки с именем) сказал: „Если хотите, мы можем проломить вам головы здесь и уйти. А можем вытащить на улицу, чтобы вас прикончили другие“. Они ушли минут через пятнадцать. Унесли с собой фотоаппарат, фотоэкспонометр, несколько фотоплёнок и 50 долларов из бумажника одного студента»…

«…В полицейском участке на улице Гумбольдта полицейские собрали экскременты от сторожевых собак и наполнили ими спальный мешок. Затем они заставили залезть в этот мешок девушку, которую привели в участок».

«…Несколько человек на улице были прижаты полицейскими к стеклу большого окна бара отеля „Конрад Хилтон“. Стекло разбилось, и кричащие люди упали внутрь бара. Многие из них были серьезно изранены стеклом. По ним прошли полицейские».

«…Священник, который был в толпе, рассказал, что видел белого мальчика лет 14 или 15, который стоял на крыше автомобиля и что-то кричал. Полицейский схватил его, стащил вниз, сбил с ног и принялся избивать дубинкой. К нему присоединились другие полицейские. Хорошо одетая женщина, которая видела всё это, подбежала к полицейскому капитану, стоявшему неподалеку, и с возмущением начала рассказывать ему о случившемся. Пока она говорила, другой полицейский подошел к ней и выпустил ей в лицо струю какого-то вещества из банки. Затем он ударил женщину дубинкой, и она упала. После этого он и ещё двое полицейских волокли её по земле к машине для арестованных…»

Сейчас уже и не верится, что все виденное тогда в Чикаго могло произойти в течение только четырех дней, четырех коротких, туго скрученных полицейским сыромятным жгутом дней. Может быть, это из-за того, что слишком многому стал я свидетелем тогда, а может быть, из-за того, что уж очень много говорено и писано в Америке о Чикаго после тех четырёх дней.

Писали о том, что левые «сами виноваты». Писали о том, что страна идет вправо. Писали, что Причина чикагских событий — мэр Дэйли. Пробовали даже объяснять зверства чикагской полиции чисто психологически — невтерпеж, мол, стало полицейским наблюдать беспорядок, они ведь тоже — люди.

Когда я видел в Чикаго красные от злобы полицейские загривки, страшную прозрачность голубых (отсвет рубашек, что ли?) глаз, кто-то из деятелей в штаб-квартире Хэмфри, помнится, объяснял мне спокойно: «Ну, не сработали тормоза, сорвались, пошли юзом, и сами теперь не могут остановиться, рады бы, да не могут».

Ну, а отцы-командиры что же? Мне рассказывали, как один с золотыми звездочками на голубой каске кричал: «Отставить!

Отставить! К черту! Ради Христа, прекратите же это наконец! Прекратите!..» Он кричал своим ошалевшим подчиненным. А те били, и били, и били. Не слушая команды. Да и сами отцы-командиры били почище, чем дети-рядовые.

— Да, да, — вздыхал мой собеседник. — Это тяжёлая проблема, когда полицейская толпа вдруг становится неуправляемой.

А другой спокойный деятель втолковывал строго:

— А что ж вы думали? Демократия — это ведь порядок. Закон. Конституция. А порядок надо поддерживать. Приходится иногда и такими методами. Тяжело, но ничего не поделаешь. У них, знаете ли, не благодарная работа…

Авторы доклада, о котором я говорил, нашли другой термин: «мятеж полиции». Смысл: полиция, выполняя свои функции восстановления порядка, сама нарушила порядок, применив недозволенную расправу, что вылилось в «полицейский мятеж».

Но я не согласен с этой формулировкой. Во-первых, слово «мятеж» здесь никак не годится, потому что; как известно, «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Этот «мятеж» закончился полной победой чикагской полиции, заслужившей официальную благодарность и мэра Дэйли и вице-президента Хэмфри. Я не согласен и с термином «неуправляемая полиция». Дело обстоит гораздо проще. И от этого — страшнее.

Но я абсолютно согласен с моим вторым собеседником, который говорил о восстановлении порядка. Да, полицейские восстанавливали порядок, свой порядок. И, действуя так, они ни на йоту не нарушили принципы этого порядка.

Совсем недавно журнал «Лайф» предпринял своё собственное «независимое» расследование того, что за принципы действуют в чикагской полиции. И опубликовал сенсационную статью о взяточничестве в чикагской полиции и о том, что действительным ее хозяином является синдикат преступников «Коза Ностра».

Нельзя сказать, что эта сенсация — в полном смысле сенсация. О том, что чикагская полиция связана с преступным миром, известно давно. Однако многие данные журнала чрезвычайно интересны.

«Вы не можете состоять в чикагской полиции и не брать взяток, — сказал корреспонденту „Лайф“ один высокий полицейский чин. — Я, например, получаю деньги от своего сержанта».

«Лайф» пишет, что те очень немногие честные полицейские, которые не брали взяток, очень быстро оказывались в трудном положении.

Вот история одного полицейского капитана по имени Даффи.

Он был отличным офицером. Неподкупным и храбрым. О его работе хорошо отзывались даже в министерстве юстиции. Случилось так, что одно время он заведовал отделом разведки департамента полиции в Чикаго. В январе 1968 года он совершил полицейскую облаву в крупном подпольном игорном доме в районе Норт-Сайд. Дом, этот принадлежит рэкетирам, которые работают на некоего Росса Рио — знаменитого главаря чикагской «Коза Ностры». Во время рейда были захвачены так называемые «ледяные списки». В них аккуратнейшим образом перечислялось, кто из полицейских и какие суммы денег получал от «Коза Ностры». Оказалось, что только один игорный дом преподносил взятки всему личному составу половины полицейских участков Чикаго, многим офицерам главного штаба полицейского департамента, офицерам отдела разведки (возглавляемого самим Даффи) и офицерам отдела, который специально занимался подпольными игорными домами в Чикаго.

Были там также списки «специальных» выплат, которые производились персонально тем офицерам, что могли оказать игорному дому особые услуги. Выплата взяток производилась регулярно первого числа каждого месяца. Эта система носит название «30-дневный город» и означает, что, выплатив нужную сумму первого числа очередного месяца, игорный дом может рассчитывать на беспрепятственную деятельность в течение тридцати дней. Ежемесячная взятка чикагской полиции лишь от одного игорного дома равнялась 8020 долларам, то есть почти 100 тысячам в год.

Ну и что же последовало за этим ценнейшим открытием капитана Даффи?

Прошло очень немного времени, и главарь игорного предприятия заявил публично: «Нам обещано, что Даффи будет уволен». И действительно, через 6 недель после рейда он был уволен со своего поста и назначен командиром простой сторожевой группы в одном из полицейских участков Чикаго.

Система ежемесячного взноса гангстеров в полицию действует безотказно во всех полицейских участках Чикаго. Человек, появляющийся там первого числа каждого месяца (так называемый «человек с чемоданом»), делает своё дело открыто и без стеснения, как настоящий бухгалтер. Гангстеры, оперирующие в каждом районе, обладают достаточной политической властью, чтобы своей волей назначать участкового капитана.

Министерство юстиции подготовило доклад, в котором документально доказывалось, что 29 офицеров высокого ранга в чикагской полиции находятся на зарплате у гангстеров и рэкетиров, однако эти 29 офицеров работают в полицейском

департаменте Чикаго. Изменились лишь посты: большинство получило повышение.

Мэр Дэйли, конечно, знает об этом докладе. Однако он отрицает, что читал его. Корреспонденту «Лайфа» он объяснил: «У меня слишком много конструктивных дел, чтобы целый день тратить на чтение или на что-то в этом роде…»

А в том докладе было много интересного. Вот, например, маленький отрывок, касающийся капитана Джеймса Риордана, нынешнего начальника полицейского участка Центрального района (того самого, на территории которого развертывались главные события во время августовского «восстановления закона и порядка»): «К капитану Риордану обратился с предложением о „сотрудничестве“ представитель чикагского гангстерства Гас Алекс, который контролирует игорные дома в Центральном районе, а также получает доходы от стриптизов. В 1963 году, как пишет „Лайф“, то есть когда был написан доклад министерства юстиции, в Центральном районе гангстеры владели десятью стриптизами. Фактически это были притоны, в которых женщины предлагали себя за стакан трёхдолларового фальшивого коктейля. Тысячные доходы от этих предприятий шли в карманы гангстеров. Капитан Риордан оказался сговорчивым. Была заключена сделка. В участке Риордана взятки раздавал лейтенант полиции, находившийся на службе у гангстеров. За деньги, которые Риордан получал от владельцев стриптизов, он обязывался относиться к ним „благожелательно“. Однако он договорился с Гасом Алексом, что время от времени полиция будет проводить рейды, чтобы создать видимость честной, деятельности. Было произведено даже несколько арестов, — говорилось в докладе, — но гангстерский бизнес, конечно, процветал».

Один из самых высоких постов в чикагской полиции занимает сейчас бывший детектив. Поль Куин. Тот самый Поль Куин, который, согласно докладу министерства юстиции США, получал от босса игорных домов Северного района Чикаго от 50 до 200 долларов в месяц за выполнение его «прямых инструкций».

Сержант одного из отделов департамента полиции, который долгое время являлся «человеком с чемоданом» для своего отдела, поразил даже гангстеров тем, что потребовал для себя бесплатного обслуживания в нелегальном доме терпимости. Журнал не сообщает, выполнили ли гангстеры это требование сержанта, но хозяева чикагской полиции повысили его в должности — перевели в главный штаб департамента.

Один из детективов находится на постоянной службе у одного из крупнейших чикагских гангстеров, Феликса Алдерисио.

Задача детектива — прослушивание и запись всех телефонных разговоров в полиции, которые могут представлять интерес для «Коза Ностры».

Другой детектив в свободное от работы время служит шофером и телохранителем у, крупного чикагско-, го гангстера Анджело Волпе.

И так далее, и так далее…

Я выбрал только несколько примеров, приведенных в журнале «Лайф».

Таков «закон и порядок», которые защищала чикагская полиция — «самая лучшая полиция в мире», по выражению мэра Дэйли. Защищала, строго придерживаясь принципов этого порядка.

Так что ж удивительного, что копы не реагировали на вопль того офицера: «Отставить! Ради Христа, прекратите это…»

Нет, это был не «полицейский мятеж»! Полиция добросовестно и дисциплинированно выполняла волю своих хозяев, защищая их порядок.

И журнал «Лайф», публикуя разоблачительные материалы о чикагской полиции, тоже защищает тот же самый порядок. Только делает это не так грубо, как чикагские полицейские.

Четыре дня в Чикаго стали символом позора всей американской демократии. «Лайф» пытается «локализовать» этот позор, хочет доказать, что такое могло случиться лишь в Чикаго, где полиция — так уж, представьте себе, случилось! — охраняет интересы гангстеров.

Житие Дона Витоне Великого

— Можете называть это глупейшим любопытством, но я хочу знать, как выглядит такой человек!

Это говорит женщина, стоящая на улице. В дом её не пускают. Как, впрочем, не пускают никого, кроме людей, лично известных здоровенному детине, который стоит в дверях и с чужими изъясняется замысловато.

— Я вас знаю? — спрашивает он любопытного пришельца, дыша ему в лицо свежестью жевательной резинки «Пеперминт».

— Н-нет, — робеет тот, потому что детина почти двухметрового роста.

— А нужно мне вас знать?

После этого многозначительного вопроса каждый, кто дорожит своей безопасностью или целостью своего фотоаппарата, конечно, отходит. Поэтому любопытные — их довольно много — стоят поодаль.

— Из его дома в ясный день виден Нью-Йорк. Уж вы мне поверьте!

— А он в маске?

— Зачем ему сейчас маска?

— Ну мало ли…

Кроме любопытных по характеру, вокруг дома много и профессионально любопытных. Это журналисты и те пружинистые джентльмены в плащах однообразного покроя, что сидят в машинах, расставленных вокруг этого дома так, что ни одно окно, ни одна дверь не остаются без надзора. Они с фотоаппаратами (телеобъектив — 1000 мм), кинокамерами, полевыми биноклями. Снимают каждого, кто входит в дом, выходит из него, и даже зевак, что судачат на тротуаре напротив.

— Бросьте вы насчёт дома. У него скромнейший дом во всем городке. Помазанный белилами. И сам он очень скромный.

— Идет он, бывало, себе по Хайлэнд-авеню, улыбается так приветливо. Свернёт на Первую авеню, остановится у аптеки, шляпу снимет, поздоровается, поговорит с людьми. Голос мягкий, тихий. Потом — на Ист-Маунт-авеню, мимо пожарной охраны — в парикмахерскую. Раз в неделю — уж обязательно.

— Ничего особенного. Самая обыкновенная стрижка. Я всегда знал, как стричь. А сам возьмёт журнальчик или газету. Читает. Потом поговорим насчёт международных дел или ещё о чём-нибудь. Но больше всего про своих детей и внуков. Очень обходительный человек.

— И одет всегда скромно. Аккуратно.

— А говорят, у него тридцать миллионов.

— Деньги для него были — тьфу. Ездил на старом фордике. Никто из нас ничего и не знал о нём.

— Между прочим, сам себе готовил.

— Ну это от подозрительности.

— Вот что я вам скажу. Когда у меня умер отец, Джэкоб Лемберг, никто не прислал даже открытки. А он — письмо. С сочувствием.

— Муж убьёт, если узнает, что я была здесь.

— Нет, вы как хотите, но на такого человека стоило бы посмотреть! Как одет, как выглядит, кто там возле него сейчас?

Человек же, к которому было привлечено столько внимания, спокойно лежал в отделанном бронзой гробу дерева махагони. Одет он был, как полагается всякому приличному покойнику. Темно-серый костюм. Шелковый галстук. Из кармашка франтовато торчал уголок хорошо отглаженного платочка. Лицо тоже ничем не примечательно. Нормальное свежевыбритое лицо покойника. Нос острый, волосы седые. Старик. Вокруг — только

ближайшие родственники. Жена Анна, сын Филипп, дочь Нэнси.

— Помяни, о господи, усопшего раба твоего Вито. И пусть вечно живет душа его.

Священник косит глазом на покойника. Время от времени в нужных местах вступает детский хор — 30 мальчиков из католической школы святой Агнессы, где преподает дочь покойного. И тогда слова священника звучат особенно трогательно:

— Счастливы усопшие, кои умерли с благословением и любовию божиими. Если прожили мы достойную жизнь, то пройдем мы чрез врата нескончаемого счастья. Душа сохранит плоды светлой жизни усопшего. Все то доброе, что сделал он для соседей своих, всю помощь, которой одарил несчастных и заблудших…

Многогранна жизнь человека. А праведники, как известно, многолики. Жизненный путь семидесятилетнего старца, лежащего в махагониевом гробу, — не исключение. Но, может быть, и не стала бы эта полная бурных событий жизнь известна миру в подробностях, не случись одно презабавнейшее событие.

Именно тогда задумал усопший (имя которому Вито Джевонезе), прославившийся в своем городе жизнию скромной и благопристойной, убить своего ближайшего друга и помощника по имени Джо Валачи. Валачи каким-то образом узнал об этом. Нервишки не выдержали, ударился в панику. И вместо того, чтобы спокойно принять поцелуй смерти от верного друга Вито, сам решил убить подосланного палача. Да в суматохе ошибся и прикончил совсем другого, случайного человека. Образовалась, как вы, конечно, уже успели заметить, абсолютно водевильная ситуация. И потащили Валачи из тюрьмы в суд. Потому что все дело, я забыл сказать, происходило в пенитенциарной тюрьме города Атланты (штат Джорджия), где Вито Джевонезе отбывал свой 15-летний срок и его соседом по тюрьме был Валачи. И Вито заподозрил… Впрочем, об этом позже.

Так вот, паникёр Джо Валачи и поведал суду в общих чертах жизненный путь короля рэкетиров, Владыки мафии, Босса всех боссов, Хозяина «Коза Ностры», Дона Витоне Великого. Вы уже догадались, нет сомнения, что все эти звонкие, известные не только преступному, но и относительно честному миру титулы, принадлежат Вито Джевонезе, старцу в махагониевом гробу, отделанном бронзой. Потому что в похоронном доме городка Ред Бэнк, штат Нью-Джерси, отпевали 17 февраля 1968 года не кого другого, как Владыку Империи Организованного Преступления, коротко именуемой мафией.

Жизнь владыки изобиловала многими интереснейшими

событиями. Но скромные размеры этого очерка не позволяют автору должным образом осветить их. Кроме того, автор убеждён, что не так важна жизнь владыки, как его принципы. Не так важен сам владыка, как люди и явления, ему сопутствовавшие.

Он родился в Италии. Мальчишкой приехал в Америку. Впервые был арестован в 19 лет за незаконное владение пистолетом. В двадцать лет стал второразрядным гангстером, мечтавшим, однако, о продвижении вверх по гангстерской лестнице. И, надо сказать, он добился своего. Наиболее серьезные биографы Дона Витоне Великого считают, что добился он этого «с помощью упорного труда и позитивного метода мышления».

Уважая мнение собратьев по перу, автор всё же рискует предположить, что, может быть, у Дона Витоне были и другие помощники — не только упорный труд и позитивное мышление. Собственно говоря, автор и взялся писать о Доне Витоне, чтобы как-то обосновать это предположение. Итак, читатель, вперёд, за автором!

* * *

Фактическая коронация владыки произошла холодным январским вечером 1949 года в нью-йоркском ресторане «Копакабана». Грандиознейший ужин был устроен, как это ни странно, с официальной целью сбора пожертвований для… Армии спасения (неисповедимы пути твои, о господи!). Организатором вечера был знаменитый гангстер и рэкетир Фрэнк Кастелло, считавшийся тогда «премьер-министром» мафии, ее фактическим руководителем. На ужине присутствовало самое респектабельное общество. Пожелтевшие газетные страницы того времени сохранили хронику вечера и перечень гостей. Шесть судей, представители нью-йоркского муниципалитета, видные деятели демократической и республиканской партий, несколько конгрессменов, ну и, конечно, около дюжины «боссов» из мафии.

Джевонезе приехал поздно. Когда он вошел в зал в сопровождении двух могучих телохранителей, премьер-министр мафии Фрэнк Кастелло поспешно, как официант, бросился к гостю — приветствовать, принять шляпу и трость.

Он представил Джевонезе самым видным гостям. И затем, когда настало время идти к столу, усадил на самое почётное место.

И гости и пресса оказались сообразительными. Намек был понят. С желтых страниц, рассыпающихся под пальцами, как осенний лист, в меня бьют заголовки: «Что означает для страны

приход к власти Джевонезе?», «Джевонезе взобрался на вершину холма», «Высшее нью-йоркское общество поставлено в известность о новом хозяине организованного преступления», «Босс всех боссов — Вито Джевонезе!»

Тух настало время сказать несколько слов о структуре мафии.

Мафия, или «Коза Ностра», расцвела в Соединенных Штатах во времена «прохибишена» — сухого закона. Она состоит приблизительно из 6 тысяч официальных членов. Большинство из них находится в низшем звании — **солдато**, человека на передовой. Однако быть **солдато** — совсем не значит быть рядовым. Среди **солдато** есть миллионеры, весьма влиятельные рэкетиры и бизнесмены. Каждый из них имеет свою большую или меньшую организацию уголовников. В иерархии преступного мира **солдато** — это человек гораздо более могущественный, чем, например, знаменитый специалист по хищению бриллиантов неподражаемый Марф или известнейший взломщик банковских несгораемых сейфов Вилли Саттон.

Солдато находятся в прямом подчинении у **капо** — капитанов. Их около двухсот в мафии. Они, в свою очередь, находятся в повиновении у 24 **боссов**. Каждый **босс** стоит во главе одной из 24 полуавтономных **семей** «Коза Ностры» и контролирует организованное преступление в определенном районе страны. Семь или восемь боссов самых многочисленных и могущественных семей составляют правящий орган «Коза Ностры» — Комиссию, Она определяет общую политику мафии и принимает решения по вопросам, которые имеют значение для всей мафии. Во главе Комиссии стоит Босс всех боссов — Владыка — Великий — Хозяин и пр.

Им-то и стал в 1949 году Вито Джевонезе, скромный, милый, незаметный человек, аккуратный посетитель парикмахерской в маленьком городке Ред Бэнк в штате Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка.

* * *

Первое своё крупное убийство Вито совершил ещё в начале тридцатых годов на паях со своим тогдашним другом Сальваторе Лучиано, более известным в широких кругах под прозвищем Счастливчик Лучиано. Вито и Счастливчик, бывшие тогда **солдато**, пригласили в ресторан на Кони-Айленде конкурента своего шефа и угостили обедом с вином, сыром, кофе с коньяком, а затем пулей. (Согласитесь, что это благородно: начни они с пули, обед стоил бы им значительно дешевле.) Через шесть

месяцев позитивно мыслящий Вито Джевонезе и Счастливчик вполне кинематографично избавились и от своего шефа, устроив небольшую, но эффектную перестрелку в шикарных апартаментах шефа на Пятой авеню НьютЙорка. Было ещё несколько убийств. В результате — на вершину холма взобрался Счастливчик Лучиано, а Вито стал Боссом самой могущественной из пяти «семей» «Коза Ностры», действовавших в те благородные и великие времена в Нью-Йорке. (Впрочем, эти же пять «семейств» действуют в Нью-Йорке и сейчас.)

Поклонник позитивного мышления был решительным малым. Он признавал только два способа воздействия на людей — убийство и взятку.

* * *

Новые боссы были людьми с размахом, политически мыслящими. Они не хотели ограничивать деятельность мафии игорными домами, проституцией, рэкетом, изготовлением фальшивого шампанского из чая с содовой водой. Денег было много. Деньги уже не имели значения. Нужна была власть, настоящая, полная власть, а не покупка каких-то паршивых судей и конгрессменов. И Счастливчик вместе с Вито раскрыли перед мафией новые горизонты.

Оба гангстера, по существу, стали хозяевами делегации демократической партии от Нью-Йорка на конвенте демократической партии в Чикаго в 1932 году. Они приехали туда выдвигать кандидатом в президенты Соединённых Штатов Америки «своего человека».

Тогда, правда, у них «сорвалось» — был выдвинут Франклин Делано Рузвельт. Но они не теряли надежды. Руководство в нью-йоркской организации демократической партии оставалось за ними.

Вито Джевонезе так много времени, не щадя себя, отдавал политической жизни, что даже отложил свой медовый месяц.

Кстати о личной жизни.

Первая жена его умерла в 1931 году. От туберкулеза. За её гробом шли самые крупные фигуры тогдашней мафии, подтверждая своим присутствием силу и влияние молодого Джевонезе. Вскоре после похорон Вито объявил, что намерен жениться вторично — на Анне Петилло, дочери одного из гангстеров, убитых Джевонезе за два года до этого. Единственным препятствием для женитьбы был тот прискорбный факт, что у Анны был живой муж. Через несколько дней, однако, мужа —

какое счастливое стечение обстоятельств! — нашли мёртвым на крыше собственного дома с синими следами чьих-то сильных пальцев на шее. И еще через 12 дней Вито сыграл свадьбу с Анной.

Естественно, что ни у кого не было никаких юридических оснований обвинять Джевонезе в смерти мужа Анны.

В 1934 году, однако, Вито, попавшись на каком-то очередном убийстве и желая уйти от неприятностей, решил проветриться за границей. Он улетел в Италию, прихватив с собой 750 тысяч долларов наличными. Вито всегда везло на отзывчивых людей. Очень скоро он стал личным другом Муссолини, пожертвовал фашистской партии 250 тысяч долларов и получил орден от итальянского правительства.

Однажды босс зарвался. Один из капо, которому Джевонезе был должен 39 тысяч долларов, был убит уже так неосторожно, что прокуратуре пришлось возбудить дело против босса. И в 1937 году вернувшийся в США босс снова почёл за благо покинуть на время эту страну.

Всю войну он провёл в Италии. Но не отрывался от жизни в США. По просьбе дуче он организовал убийство издателя одной антифашистской итальянской газеты в Нью-Йорке. Издатель был убит январской ночью 1943 года на углу 5-й авеню и 15-й улицы.

Муссолини присвоил Джевонезе звание «коммендаторе». Вместе со своим министром иностранных дел графом Чиано дуче нередко бывал гостем знаменитой Полли Адлер, любовницы «коммендаторе» Джевонезе. Мадам, кроме того, славилась лучшими девочками во всей Италии.

Когда на Апеннинском полуострове высадились американцы, девочки мадам Адлер с успехом принимали у себя офицеров союзного командования. А Джевонезе, как говорят, благодаря этому обстоятельству очень быстро стал весьма влиятельным человеком в союзных войсках. Кто-то из биографов Дона Витоне сказал, что Джевонезе «взял в плен американский генералитет, когда тот был без штанов». Но, на наш взгляд, это не совсем так. Штаны в этой истории играют роль только постольку, поскольку в них есть карманы, где держат деньги. Сразу после высадки союзников в Италии с американских военных складов стали пропадать в огромных количествах продукты и снаряжение. Армейские грузовики подъезжали к складам в Неаполе. Начальник колонны произносил одну фразу: «Нас прислал Джевонезе». И немедленно машины загружались всякой всячиной, начиная от сигарет и кончая оружием. Затем грузовики мчались на север в район Реджиа, к центру черного рынка. И там их разгружали американские солдаты, для которых паролем

служили те же слова: «Нас прислал Джевонезе».

Помощником в этом деле у Джевонезе был один из руководителей объединенного военного командования подполковник Чарльз Полетти, бывший вице-губернатор штата Нью-Йорк, видный деятель демократической партии. Одно время он разъезжал по Нью-Йорку в роскошном «штучном» «паккарде», сделанном по специальному заказу Джевонезе и подаренном им мистеру Полетти.

(К слову сказать, связь с Джевонезе никак не повредила Чарльзу Полетти. Он был вице-президентом нью-йоркской промышленной выставки, а затем работал в Нью-Йорке… окружным прокурором. В день смерти Джевонезе я звонил окружному прокурору — хотел взять у него интервью, но мне ответили в его офисе, что мистер Полетти вряд ли сможет удовлетворить мою просьбу.)

Впрочем, друзья Джевонезе в американской армии носили не только подполковничьи погоны. Были среди них чины и повыше. Они снабжали его товарами. Они делили с ним барыш.

Одним словом, когда в конце войны некий молодой и наивный офицер американской контрразведки пытался привлечь Джевонезе к ответственности за спекуляцию и хищения, он был осмеян начальством.

В 1945 году Джевонезе — снова в Нью-Йорке. В том же году в бруклинской тюрьме был отравлен главный свидетель, который знал, как Джевонезе убил своего кредитора перед отъездом в Италию. И дело против Джевонезе прекратили «из-за отсутствия улик».

Было ещё несколько убийств в Нью-Йорке, приобретено еще много друзей в разных концах Соединенных Штатов. И в результате — тот знаменитый ужин в «Копакабане» в 1949 году, о котором мы уже рассказывали…

* * *

Теперь мне хотелось бы привести несколько цитат.

> «Члены этой организации (мафии. — *Г. Б.*) контролируют почти все нелегальные игорные дома в Соединенных Штатах. Они главные импортеры и продавцы наркотиков. Они проникли в некоторые профсоюзы… Они фактически монопольно владеют сигаретными автоматами, многими предприятиями

розничной торговли, ресторанами, барами, отелями, компаниями по перевозке грузов, пищевыми компаниями, компаниями по уборке мусора. До последнего времени они владели большой частью Лас-Вегаса. В их распоряжении находятся некоторые члены законодательных органов штатов, члены конгресса США и другие официальные представители законодательной, исполнительной и юридической власти на уровне района, штата и страны. Некоторые правительственные лица (включая судей) считаются и считают себя членами мафии».

(Из доклада профессора социологии Калифорнийского университета Дональда Кресси, подготовленного для президентской комиссии «Закон и справедливость»)

«Синдикат преступлений имеет своих представителей на всех уровнях власти. Они вошли в конгресс США. Они влияют на экономическую и политическую жизнь США. Если мы не остановим их, они практически станут у власти, они будут управлять сенатом. Они проникнут — кто знает, не проникли ли уже? — в Белый дом».

(Из выступления комментатора телевизионной компании Би-би-си 5 марта 1968 года.)

* * *

Нет, всё-таки не следует приписывать все эти достижения «Коза Ностры» лишь стараниям старца Джевонезе, упорному труду и методу позитивного мышления Дона Витоне Великого.

У него было много помощников. И прежде всего сама система американского образа жизни, капиталистический принцип купли-продажи.

В 1957 году старец всё-таки угодил в тюрьму. Нет, не за убийства. За мелкую (по его масштабам) спекуляцию наркотиками. Но даже за массивными прутьями тюрьмы в, Атланте Вито оставался Боссом, всех боссов. К нему приходили

на свидания его соратники по мафии. И, пожалуй, нигде они не имели столь надежного помещения для своих совещаний, как в тюрьме Атланты. Вито принимал участие во всех принципиальных решениях Комиссии. И его слово оставалось последним. Он был странным узником. По приказу этого узника тюремное начальство переводило его из одной камеры в другую. То он хотел побыть в одиночестве, то требовал себе партнеров для партии в боцци. Тюремный стражник рассказывал, что «ребятам, которые играют с Вито в боцци, приходится очень тяжело. Он играет так плохо, что им стоит большого труда проигрывать ему».

Там-то, в тюрьме, он и заподозрил, что Джо Валачи, один из членов мафии, сидевший в той же тюрьме, снюхался с полицией. Старец приказал убить Валачи. Что было дальше, вы знаете.

И вдруг такое несчастье. Сам старец скончался.

Его называли бессердечным. А он умер только от сердечной недостаточности. Это всё-таки не одно и то же.

Гроб с телом короля мафии был отправлен грузовым самолетом в городок Ред Бэнк, штат Нью-Джерси (перевозка обошлась мафии в 162 доллара), где старца отпевали.

Как тщательно протирал я накануне мягкой тряпочкой объективы, точил карандаши и заготавливал новые блокноты! Я-то думал, что, как в старые добрые тридцатые годы, за гробом владыки двинет стая джентльменов в черных визитках, серых брюках в полоску, блестящих цилиндрах, с солитерами в черных бантах-галстуках на белоснежных сорочках. И поодаль будут идти злые любовницы в вуалетках.

Ничего этого не было. Как уже говорилось вначале, были полицейские, были детективы, были журналисты. А джентльменов в визитках не было. Ни одного. Не те, видать, времена, не те нравы. Джентльмены теперь не любят театр.

Махагониевый гроб вложили в длинный кузов черного катафалочного «кадиллака», как обойму в ручку пистолета. И на большой скорости, с зажженными фарами деловито помчали владыку на кладбище святого Джонса в Нью-Йорке.

Прелюбопытно было в эти дни читать американские газеты, слушать радио и телевидение. Анализ. Предположения. Прогнозы. Заголовки: «Каким путем пойдет мафия?», «Кто будет возглавлять мафию?», «Перспективы развития мафии без Джевонезе».

Непосвящённый мог подумать, что умер диктатор большой соседней державы, от позиции которого зависела внешняя и внутренняя политика США, и вот лучшие умы пытаются теперь разобраться — как же быть дальше…

А ведь вся «Коза Ностра», — это, как полагают, не больше 5–6 тысяч человек.

Недаром говорят, могущество банды, как и банка, определяется не числом служащих, а доходом. Доходы же мафии, как считают некоторые, равняются почти 40 миллиардам долларов в год.

Незадолго до смерти Джевонезе назначил своим преемником босса одной из нью-йоркских «семей» — известного гангстера Томми Эболи.

Но опять произошло несчастье. Эболи, правда, не умер. Но выбыл из строя, и, как утверждают медицинские светила, надолго.

Нет, не полиция губит бандитов.

Бандитов губят инфаркты. Всё-таки сказывается нервное перенапряжение.

После неожиданного инфаркта у преемника Джевонезе мафия оказалась без руководителя. И тогда джентльмены — отцы «семейств» — надели свои лучшие летние костюмы, взяли в руки портфельчики с дипломатическим названием «атташе» и на первоклассных реактивных самолетах, с первоклассным обслуживанием (полетные шлепанцы — на ноги, шерстяной плед — на колени, бифштекс из вырезки жарят при вас) отправились в прекрасный город Майами, чтобы там, под сенью пальм, под шум прибоя, провести конвент на высшем уровне и решить, как быть дальше.

Туда прибыли Большой Билл Закарелли из Нью-Джерси, Миранда из Нью-Йорка с «капитанами» из Детройта, уважаемые боссы из Чикаго, с Западного побережья, из Сан-Луиса, из Канзас-Сити, из Нового Орлеана и многих других мест.

Боссы поселились в отелях по всему побережью — в Уэст-Палм-Бич, Голливуде, Майами, Майами-Бич, Форт-Лодердэйле. Каждый — в отдельном отеле.

Всё это удивительно напоминало прошедший конвент республиканской партии в Майами: там тоже каждый большой республиканский босс имел в своем распоряжении отдельный отель. И за хозяевами республиканской партии, как теперь за хозяевами «Коза Ностры», ездили полицейские машины, обеспечивая необходимый порядок и безопасность.

Как и тогда, курьеры сновали между отелями. Курьеры сновали между городами. Майамские торговцы выложили на прилавки самые дорогие вещи — приехали хорошие клиенты. В городе временно прекратились кражи. Ну кто, действительно, решится на мелкие хищения денег у населения в присутствии таких мастеров массового грабежа!

Одновременно с участниками конвента в Майами вылетел почти весь личный состав отдела борьбы с организованной преступностью при Федеральном бюро расследований, а также несчетное количество детективов.

Как проходил конвент гангстеров — мне неизвестно. Дошли лишь слухи, что в один из недавних вечеров боссы всех сильнейших «семейств» отправились в роскошный особняк известного гангстера, проживающего во Флориде, — Джерардо Катены. Сам Дон Джерардо (его уже зовут так) не выходил из своего особняка. Говорят, что он повредил ногу, играя совсем недавно в гольф в одном из самых фешенебельных клубов Майами. Но говорят и другое. Будто визит боссов на виллу Катены означает то же самое, что означал ужин в 1949 году в «Копакабанё»: Джерардо Катена стал Доном Джерардо Великим, Боссом всех боссов, Владыкой мафии, Хозяином синдиката преступлений, у которого так много покровителей в США.

Party

Машина сошла с асфальта, мягко присела и от белой каменной арки ворот покатилась по гравию, давя мелкие камешки, со звуком, с которым рота солдат щёлкает орешки.

— Держитесь факелов, — сказал Питер.

— Да, сэр, — отозвался шофёр в форменной фуражке.

На развилке двух аллей стоял чугунный столб, похожий на царский скипетр. Из чугунной его головы ползло вверх густое жирное пламя. На столбе висела фанерка с небрежной красной надписью от руки: «Party» — вечеринка. В нескольких метрах от первого скипетра был воткнут в землю второй, такой же, потом третий, четвёртый… Будто стояли тут вдоль аллеи недавно цари, да отлучились ненадолго по своим царским надобностям, а скипетры оставили.

Торжественное скипетро-факельное шествие продолжалось до самого дома. Перед домом бил фонтан. Вокруг стояли машины. Большие, черные, торжественные — американские. Маленькие, заносчивые — европейские. В американских — сидели шоферы в одинаковых фуражках. Один — в такой же фуражке — отдавал указания, куда становиться новым машинам. Он распоряжался с английским акцентом. Шофёр и швейцар с английским акцентом — это высокий стиль.

Впрочем, швейцара не было. Плащи и пальто принимали две негритянки в белых передничках. Им помогали хозяйка и хозяин. У неё волосы стянуты сзади ленточкой. Никаких украшений. И лицо ненакрашенное. Хозяин — в голубых брюках, зеленом

пиджаке и желтой рубашке. Он молод и приветлив.

Несколько слов для приличия у входа:

— Милая, наконец-то! Как прекрасно, что вы пришли!

— Мы так благодарны, что вы нас пригласили.

Женщины прикладывались щекой к хозяйкиной щеке. И чмокались с хозяином. Мужчины били хозяина по плечу и чмокали хозяйку.

Затем гость делал странное движение головой и корпусом в сторону лестницы, которая вела из вестибюля на второй этаж, и только потом следовал в зал. На лестнице тихонько стоял сухонький старичок в потрепанном вязаном жилете, при белоснежном крахмальном воротничке и галстуке бабочкой. На жилете не хватало одной пуговицы, шматок же ниток, висевший на этом месте, служил старичку четками — он теребил его пальцами.

Старичок стоял на шестой или седьмой ступеньке, уперев впалый живот в перила, и с интересом смотрел на входящих.

Гости здоровались с ним снизу вверх. Не так чтобы уж очень почтительно. Но и не безразлично. Скорее — **тщательно**.

Для этого они наклоняли корпус вперед, а голову задирали вверх. Согласитесь, что поза несколько странная и довольно неудобная. У индийских йогов она называется «кобра».

Старик отвечал не всем. А когда отвечал коротким кивком, то этот кивок скорее означал не «здравствуйте», а некое утверждение посланного ему приветствия.

Я заметил старика, когда уже отошел от хозяев, и, стоя поодаль, увидел, как гости все по очереди делали «кобру».

Питер объяснил мне, что старичок этот — отец хозяина сегодняшней «party».

— Он, — Питер кивнул в сторону лестницы, — создатель всей их империи. Медь. Колоссальные деньги. Не Рокфеллер, правда, но около того. Железный старик. Ну а дети — благотворители. Сын его — руководитель фонда. Жертвуют.

— На что?

— На разное. Сын — интеллигентный и, я бы сказал, прогрессивный человек. Сейчас это модно.

— Что модно?

— Ну вот, дети миллионера — так сказать, жестокого человека, старой капиталистической формации — совсем другие люди. Думают о человечестве, хотят помогать. Поддерживают негров, например.

— Чем?

— Деньгами в первую очередь. Вы посмотрите, сколько здесь негров.

Мы вошли в зал. Среди четырех десятков гостей я действительно заметил несколько чёрных лиц.

— И все гости — под стать хозяевам, — продолжал Питер. — Люди прогрессивно мыслящие. Ну и, конечно, с положением. Вы присмотритесь — это совсем новый стиль жизни. Без чванства, запросто.

В зале чинно жужжали.

— …Завтра лечу в Каракас, хочу кое-что посмотреть на выставках…

— …Вы прелестны сегодня, Джоан (сказано даме в прозрачном одеянии, которое по-английски называется see through — «смотри сквозь» и что я рискнул бы перевести словом «насквозька»)…

— …Знакомьтесь, мой друг Боб Карайн. Миссис Карайн. Дизи Амлер.

— Простите, как по буквам?

— Ди — аи — зед — уай. Дизи.

— Удовольствие видеть вас, Дизи…

— Удовольствие видеть вас, миссис Карайн.

— …Сходите в «Вилледж Гэйт». Там песни Жака Бреля. Великолепно. Против войны, против ханжества, против всего такого. Я в восторге.

— …В Англии, поверьте мне, не может быть студенческих волнений. Там умеют подойти к студенту. Эдакая, знаете ли, ниточка интима между профессором и студентом. Нет, нет, и не говорите. Там этого быть не может. У них есть чувство юмора.

— Вообще в Европе всё по-другому. Недавно я был в Париже…

— …Вы видели «Че»?

— Ну конечно, совсем забыл рассказать.

— Это правда, что там прямо на сцене… ну… это.

— Абсолютная правда…

— …А Никсоны всё никак не могут продать свою квартиру на Пятой.

— Вы приценивались?

— Никогда бы не стал жить в его квартире.

— …Как сын?

— О, отрастил бороду, усы, волосы… Совсем революционер.

— Конфликт?

— Вы шутите. Я тоже за революцию. Мы с ним заодно.

За столом, покрытым красной скатертью, бармен в красной куртке ловко и быстро наполнял стаканы. Лёд брал руками. Ярко-красные, будто в губной помаде, маринованные вишни и бледные, величиной с крупную жемчужину, маринованные луковки тоже

брал и бросал в стаканы руками. И сок из зеленых лимонных половинок, похожих на купола крохотных мечетей, выдавливал в «джин энд тоник» тоже пальцами, по-простецки.

Великая вещь, должен я вам сказать, стакан джина с тоником. Превосходное средство коммуникации. Не хочешь говорить — пьёшь. Не знаешь, что сказать, — пьёшь. Хочешь подумать — тоже пьешь. Требуется многозначительность — рассматриваешь кубики льда на дне стакана, потряхиваешь ими, постукиваешь. А главное — руки всегда при деле! Раньше я завидовал курильщикам. Какое великое преимущество перед некурящим в разговоре. Вас спросили о чём-то. А вы, прежде чем ответить, вынимаете пластиковый кисет, набиваете табаком трубку, вытаскиваете зажигалку, закуриваете, затягиваетесь, выпускаете кольцо душистого дыма и только тогда отвечаете. С сигаретами — то же самое. Вынул пачку. Вскрыл ногтем целлулоидную обертку, картонку, щелчком выставил кончик одной сигареты, взял губами, вытащил зажигалку — и так далее. Проходит минуты три, не меньше. И всё с важным видом занятого человека. И все молча, многозначительно. На вас смотрят с уважением. Никто не торопит с ответом. А попробуй некурящий бедолага задуматься в разговоре на три минуты. Да его же засмеют. Но стакан джина с тоником — тоже неплохо. Конечно, до трубки далеко, но всё-таки…

— …Познакомьтесь — миссис Жанет Андерс. Мистер Генрих Боровик, — это говорит мой друг Питер и предательски исчезает.

— Как? — это говорит она.

— Би — оу — ар — оу — ви — аи — кэй, — это говорю я.

— Удовольствие видеть вас, мистер Боровик.

— Удовольствие видеть вас, миссис Андерс.

— Как хорошо, что вы пришли.

— Я так рад, что меня пригласили.

— Прекрасно.

— Замечательно.

— Разве это не прелестно?

— Грандиозно.

— Настало время смотреть на дно стакана. Посмотрев, я сказал:

Отличная вечеринка.

— И хозяева — прелесть, — поддержала она.

Я потряс ледышками:

— Чем вы занимаетесь?

— Я была журналисткой, а теперь пишу книги.

— О, как называется ваша последняя книга?

— «Секретарша, босс и секс».

— Наверное, что-нибудь очень смешное?

— Это не беллетристика, — сказала она покровительственно. — Это книга советов. Она была в списке бестселлеров.

— О! — Я отпил глоток джина.

— Советы секретаршам — как вести себя с боссами.

— Интересно!

— У вас есть секретарша?

— В какой-то степени. Жена.

— Ну тогда вас это не заинтересует, — сказала она разочарованно.

Затем сменила мину разочарования на вполне учтивое выражение:

— Ну ничего, я всё равно вам пришлю книгу. Ведь у вас когда-нибудь будет настоящая секретарша, — это она сказала бодро, желая вдохнуть в меня уверенность, что жизнь ещё не потеряна. — Удовольствие было видеть вас!

— Удовольствие было видеть вас.

Уфф!

Вновь обнаружившийся Питер пояснил:

— Её муж — крупнейший адвокат. Она когда-то была его секретаршей. Теперь издаёт журнал для женщин. Практические советы насчёт мужчин. Как и что. Колоссальный успех. Читают все одинокие женщины, как руководство к действию. Читают все замужние женщины, чтобы знать своих врагов. Читают все мужчины, чтобы знать и тех и других. Либералка. Не любит Никсона.

В зал все прибывали и прибывали гости. Знакомые здоровались, незнакомые знакомились. Атмосфера была непринужденной. Все вели себя в стиле бармена: вишни из бокалов тащили пальцами. Ни одного мужчины не было в смокинге или в черном вечернем костюме. Ни одной женщины в классическом вечернем туалете. Простого покроя пиджаки на мужчинах. Женщины — кто в чём. Сандалеты. Блузки и юбки. Брюки. И одна известная нам уже «насквозька».

Чинны, чопорны и классичны были лишь лакеи.

В черных смокингах, держа головы высоко и гордо, они разносили маленькие бутерброды с маринованной селедкой, кусочки пиццы и креветки. Бледно-розовые креветки с воткнутыми в них палочками величиной со спичку лежали в глиняных блюдах горой, похожие на свалку лилипутских кораблей с оголенными мачтами. Гости-гулливеры брали корабли кто за мачты, кто прямо за корпус, обмакивали в соус и отправляли в рот. Громко, со вкусом облизывали пальцы.

— Времена изменились, — все объяснял и объяснял мне Питер, мой добрейший друг, устроивший мне приглашение на эту вечеринку, человек во многих отношениях прелюбопытный, имеющий финансовые интересы во многих областях — от вагоностроения до картинных галерей, где мы с ним и познакомились, — но о нем когда-нибудь будет особый разговор. — Времена изменились. Вестчестер — самое богатое графство в Соединенных Штатах. Это семейство — одно из самых богатых здесь, если не самое богатое, Но по смотрите, как просто и непринужденно они себя ведут. Как демократичны они в общении. Как широки их интересы. Нет, нет, мир во многом изменился, дорогой мой. Вы, наверное, там у себя в Москве не очень-то представляете себе это, а?

Он посмотрел на меня с дружеским участием.

— Например, хозяйка. Прелестная женщина. Вы заметили — на ней ни одной драгоценности. А ведь, если бы захотела, могла бы надеть знаете сколько?.. — Питер завёл глаза к небу, то ли призывая в свидетели всевышнего, то ли мысленно ослеплённый тем, что могла бы надеть хозяйка, если бы захотела. Они любят искусство. Они образованны. Заботятся о судьбах людей. Возьмите хозяина, сына того старика. Ведь не пошёл в бизнес. Не стал увеличивать капиталы своего отца. Потому что его не интересуют деньги. Его интересуют моральные ценности. Он занимается только фондом. Но вы знаете, сколько он работает?!

И Питер снова завел глаза под веки, правда, не так высоко, как тогда, когда говорил насчет драгоценностей.

Гостей в зале все прибавлялось. Лакеев — тоже. Стол бармена был уже пуст на три четверти. А очередь к нему не уменьшалась. Жужжание становилось все громче. «Разве это не прелестно?!» — раздавалось все чаще. Флотилии корабликов-креветок уничтожались катастрофически быстро. На специальные тарелочки в беспорядке валились мачты.

Именно в это время и раздался крик.

— А я вам говорю, что виновато общество! — кричал какой-то мужчина.

Другой ему отвечал так же раздраженно и так же громко:

— Негры слишком многого хотят!

— А я говорю, общество виновато!

— Негры требуют…

Все обернулись на крики. Неподалеку от рояля стояли группой человек пять. Двое из них кричали друг на друга:

— Общество!

— Негры!

— Общество!

— Негры!

Они вытянули шеи. Лица их были бледны. Глаза смотрели злобно. Зал притих. Все ждали, что будет дальше. Кто-то рядом со мной молвил со вздохом:

— Никуда не денешься от этих споров.

Другой добавил:

— Разве можно так?

И женский голос резюмировал:

— Напились.

Спор продолжался. В него включилась вся группа. Теперь уже четверо кричали на одного:

— Негры!

Один кричал на четверых:

— Общество!.

Кричали на октаву выше, чем вначале. И уже поднимались руки с кулаками. И уже образовалось вокруг них кольцо пустоты. Его замыкали люди воспитанные. Они стояли вполоборота к спорящим, будто занятые своими делами и своими разговорами, делая вид, что ничего особенного не происходит. Но каждый косил глазом — каждому любопытно было посмотреть, что будет дальше.

Дальше была драка. Быстрая и стремительная. Без хамства. Кто-то взвизгнул. Кто-то уронил стакан, и, он, заныв, покатился по полу, а кубики льда весело разлетелись в разные стороны по паркету.

— Где хозяин? — раздался тревожный крик.

И тогда пятеро споривших остановились. И тот, кто кричал «Общество!», высокий и худой, с усами, махнул рукой, улыбнулся и сказал:

— Доспорим в следующий раз. А сейчас будем играть…

Вначале было удивление. Потом смех — с облегчением или разочарованием в зависимости от того, кто чего ждал, и аплодисменты. Аудитория догадалась: актеры, сюрприз. Как это мило со стороны хозяев. И уже посыпалось с разных сторон:

— Разве это не прелестно?

А длинный усатый парень в спортивном пиджачке весело и напористо, как затейник в санатории, объяснял правила игры:

— Этой палкой, — и показал газетный лист, свернутый трубой, — я ударяю кого-нибудь из вас. Тот должен схватить палку и занять моё место, а потом ударить еще кого-нибудь и так далее. У меня четыре палки — разбирайте.

Общество быстро откликнулось. Размяться после долгого стояния с бокалами в руках не мешало.

Питер толкнул меня в бок и весело подмигнул: знай, мол,

наше высшее общество.

Кто-то взял первую палку, потом вторую, весело завизжала девица в «насквозьке», и пошла кутерьма. Беготня, крики, смех. Удары становились всё громче. Кому-то сбили причёску. Кому-то для смеха подставили ножку — тот упал. Хохот. А пятеро актёров втягивали в игру всё новых и новых:

— Давайте к нам, давайте! Участвуйте! Участвуйте!

И снова неожиданно из гущи игры вырвался крик. На этот раз женский. Кто-то кричал плача:

— Переставьте, перестаньте меня бить! Перестаньте, мне больно. Вы вовсе не играете! Вы просто бьёте! Бьёте! Изо всей силы!

Игра остановилась. Женщина плакала навзрыд. И слезы лились по щекам. Настоящие слезы. Снова сам собой образовался круг. Люди стояли, разгоряченные игрой, запыхавшиеся. Женщина оказалась посреди круга. Небольшого роста, в мини-платье, с простой причёской. Вытирая слёзы, всхлипывая, она говорила, теперь уже обращаясь ко всем:

— Вы только делаете вид, что играете. Вы рады ударить друг друга. Хотя бы под видом игры… Вы всю жизнь играете в доброту. Делаете вид, что помогаете кому-то, что-то жертвуете. Ничего вы не жертвуете! Вы думаете только о себе. Только о себе. Вам безразличен человек. Вам безразлично, кому жертвовать. Лишь бы знали, что **вы** жертвуете.

Она говорила не очень громко, с печальной убеждённостью. Слёзы её высохли.

Кто-то сказал:

— Опять театр.

— Нет, не театр, — тут же ответила женщина. — Вам удобно, чтобы это был театр. Но это уже не театр.

Она посмотрела на пятерых актеров. Те стояли неподалеку. Растерянные.

— Да, я актриса, — продолжала женщина. — Я в их труппе. И нас пригласили развлечь вас. Что-нибудь такое остренькое, сказали нам. Так вот ради развлечения послушайте и правду о себе. Вы играете в простоту! Вы клоуничаете перед самими собой. Оделись в простые одежды. Сняли драгоценности. Но вас выдают ваши лакеи! Вы играете в заинтересованность. Но вы равнодушны до последней косточки! Вас даже деньги не интересуют, потому что вы их никогда не зарабатывали и вы не знаете, что такое — нет денег.

— Браао! — сказал кто-то и зааплодировал.

— Ерунда! — отрезала женщина. — Вы кричите «браво», чтобы обратить это в шутку. Но вы прекрасно знаете, что это уже

не шутка. Это всё всерьёз.

Аплодисменты стали громче.

— Перестаньте аплодировать! — крикнула женщина. — Перестаньте кривляться хотя бы перед самими собой. Будьте хоть раз в жизни честными. Вы создаёте фонды пожертвования. Но это только для того, чтобы бороться с другими фондами. Вы ненавидите друг друга. Единственно, что вас объединяет, это ненависть к тем, кто выше вас, и презрение к тем, кто ниже. Вы устраиваете вот эти вечеринки и ведёте между собой разговоры. Вам очень нравятся ваши разговоры и ваши вечеринки. Но что вы будете делать, выйдя отсюда? Ничего! Разве кто-нибудь из вас пальцем о палец ударил, чтобы помочь тем детям, которые голодают на Миссисипи? Тем, кого судят за отказ ехать во Вьетнам? Вот вы, что вы сделали?! — женщина показала пальцем на кого-то. — Или вы? Вы?

— Баста! — вдруг громко сказали с дивана в углу, и на середину круга вышла другая женщина. Я узнал свою давешнюю знакомую Жанет Андерс, специалистку по секретарско-сексуальным проблемам. — Баста! — повторила она, лицо ее стало красным. — Я не знаю, театр это или нет, но я протестую. Здесь собрались порядочные люди. С положением. И я не желаю, чтобы нас тут поносили никому не известные людишки.

— Ну вот, — сказала первая женщина, усмехнувшись. — Теперь всё в порядке. Спасибо.

И она поклонилась.

Гости зааплодировали. Сначала нерешительно. Потом громче, громче. Раздались крики: «Браво!» Аплодировали и кричали «браво» обеим.

— Но я не актриса, — сказала Андерс растерянно. — Я действительно протестую.

Гости хлопали. На середину зала пробирался несколько взволнованный хозяин.

Питер толкнул меня в бок:

— Чёрт, я уже не разберу, где театр, а где…

— Друзья… — сказал хозяин мягко и растопырил руки между двумя женщинами, как судья на ринге, который разводит разгоряченных бойцов. — Друзья мои! Я думаю, мы должны поблагодарить актёров за прелестную шутку, которую они с нами сыграли. Эти талантливые молодые люди — труппа «Уличного театра». Они существуют на пожертвования нашего фонда.

Раздались аплодисменты.

— Я пригласил их на нашу вечеринку, чтобы познакомить вас с их творчеством. — Он повернулся к актёрам: — Вы были великолепны. Благодарю вас, мои дорогие!

— И снова обратился к залу:

— А теперь прошу в столовую и палевую гостиную. Там вы сможете немножко подкрепиться…

Гости потянулись из зала в столовую, где за длинным столом с белоснежной скатертью четыре человека в смокингах готовили на четырех спиртовках в присутствии гостей простецкие омлеты с шампиньонами. Гости выстраивались в очередь.

В зале хозяин утешал Жанет Андерс:

— Дорогая, но ведь это была шутка. Я, правда, просил, чтобы они сыграли что-нибудь насчёт расизма. Но они, как видите, решили иначе. Актеры! Что с них взять? Разве можно, дорогая, обижаться на актёров?

Ещё через час, когда гости съели свои омлеты с шампиньонами, пришло время расходиться. Хозяин и хозяйка провожали гостей у выхода.

Чмок-чмок.

— Очаровательная «party».

— Разве не великолепно?

Чмок-чмок.

— А эта шутка актёров просто прелесть.

Чмок-чмок.

— Не правда ли?

— Удовольствие было видеть вас

— Удовольствие было видеть вас.

Чмок-чмок.

* * *

На другой день я, понятно, встретился с тем длинным усатым парнем из «Уличного театра» (девушку мне разыскать не удалось: сразу после выступления она уехала). Он оказался руководителем труппы. В ней — пятеро молодых ребят и одна девушка. Начинающие актёры. Каждый где-нибудь работает или ищет работу. «Уличный театр» — это их гражданский долг, это — в свободное время. Как ясно из названия — играют на улицах, на станциях метро, в парковых аллеях. Метод — вовлечь в действо зрителей: прохожих, пассажиров поезда, рабочих на стройке во время отдыха. Главная тема их выступлений — расизм, война во Вьетнаме. Сценарии пишут сами. Очень много, конечно, импровизируют.

— Вас действительно пригласили, чтобы вы «сыграли» что-нибудь о расизме? — спросил я.

— Да. Но мы решили поговорить о них самих.

— Вы не боитесь, Джон, что вас перестанут финансировать после того, что вы натворили?

Он усмехнулся:

— Финансирование грошовое. На эти деньги мы можем только снять конуру для репетиций. Но они не перестанут. Перестать — значит признать, что мы сказали правду. Они делают хитрее. Они не принимают это на свой счёт. Они аплодируют. Это, мол, о других. Умные, бестии. И нервы крепкие. Осечка у них вышла только с той стервой. Остальных не пробьёшь.

— Вы надеялись?

Он махнул рукой:

— Нет. Скорее для собственного самообразования. Интересно было, как они станут реагировать. Мы работали в разных аудиториях. Встречали сочувствие, ненависть, редко — равнодушие. Среди таких, — Джон вздёрнул лицо куда-то к верхушкам небоскребов, — мы выступали впервые. И встретили что-то совсем новое. Мы ещё не разобрались — что. Но что-то очень упругое, растягивающееся, как резина…

Глава двенадцатая
ДЕКАБРЬ

Похождения виолончели

Человек, лицо которого было сжато седыми баками, похожими на стальные японские мечи, коими волевые самураи делают харакири, объявил:

— Леди и джентльмены, я хочу представить вам сегодня молодой талант, который предъявляет музыке более высокие требования, чем предъявляем мы. Прошу тепло встретить виолончелистку мисс Шарлотту Мурмэн.

Леди и джентльмены — их было не больше двух десятков в этой большой, богато обставленной квартире, занимающей почти весь этаж в доме на Пятой авеню, — вежливо зааплодировали.

Но требовательный талант появился не сразу. Вначале в комнату вкатили обширную платформу на бесшумных колесиках. На ней я разглядел пюпитр с нотами, стул, а также следующие предметы: электроплитку, сковородку, несколько яиц в деревянной плошке, нож, велосипедную грушу-гудок, тарелки фаянсовые, молоток с деревянной ручкой, два ведра жестяных, несколько бутылок с кока-колой, кусок оконного стекла средней толщины на подставке, магнитофон, мужские штаны серые полушерстяные (с виду) на вешалке, два динамика производства неизвестной фирмы, клубки проводов среднего диаметра и прочую хозяйственную мелочь, которую я в данном перечислении опускаю. Имущество такого разнообразия и количества обычно остается после, пожара небольшой бруклинской продуктово-хозяйственной лавки и вывозится с пепелища на одноколесной тачке друзьями и родственниками погорельцев под плач и стенания последних.

Затем служители вынесли виолончель, которую поставили рядом со стулом. И только тогда появилась сама мисс Шарлотта Мурмэн, женщина лет двадцати пяти в длинном чёрном платье.

Она остановилась возле платформы; и ей снова похлопали. Мисс села на стул среди своего странного имущества, не очень вязавшегося с обстановкой респектабельной квартиры и вечерними костюмами гостей, проверила контакты проводов, раскрыла ноты на пюпитре и принялась настраивать, инструмент.

Человек с самурайскими мечами на щеках сказал:

— Композитор Джон Кэйдж, «Конструкция номер 26 минут 11 499».

Виолончелистка некоторое время посидела в молчании, опустив руки к полу. Затем взглянула на ноты и принялась довольно громко — думаю, всем было слышно, — стучать каблуком по платформе. Так она стучала с минуту, не отрывая сосредоточенного взгляда от нот и чуть шевеля губами. Отсчитав, сколько полагалось, она наконец энергично взмахнула смычком и провела им по струне. Над виолончелью поднялось легкое канифольное облачко. Инструмент издал звук индустриального характера. Затем мисс Мурмэн отсчитала ногами и губами еще несколько тактов, после чего нажала велосипедную грушу-гудок. Звук получился не более мелодичный, но зато менее неожиданный, чем первый. Тут исполнительница перевернула страницу, и дело пошло быстрей. В темпе аллегро модерато была включена электроплитка и без паузы, в развивающемся крещендо, нажата кнопка магнитофона. В комнате раздался вой полицейской сирены. Затем виолончелистка ритмично, одну за другой, открыла четыре бутылки с кока-колой и вылила содержимое в кружку. Пробочные хлопки, шипение и бульканье всемирно известного напитка были усилены высококачественными динамиками. В.след за тем последовало выразительное стаккато четырех яиц, разбитых над уже раскалившейся сковородкой. Пощёлкивание пригоравшего кукурузного масла придало стаккато особую выразительность и аппетитность.

Виолончелистка сноровисто хозяйничала на своей платформе, не вставая со стула. Время от времени, изловчившись, она проводила смычком по одной или нескольким струнам виолончели. Талант Шарлотты Мурмэн извлекать из этого инструмента нехарактерные для него звуки был грандиозен. Пока поспевала яичница, виолончелистка вылила кока-колу из кружки себе в рот, поднесла к нему микрофон и, неотрывно следя за партитурой, принялась полоскать горло. Прополоскав, выплюнула кока-колу в жестяное ведро (микрофон был прикреплен к ручке), включила магнитофонный крик толпы «Мир теперь же! Мир теперь же!» и, громко чавкая, принялась поглощать яичницу прямо со сковородки. При этом левой, свободной рукой она водила ножом по фаянсовой тарелке, извлекая звук, который заставлял моего любимого в детстве кота Яп-япа в отчаянии прыгать на оконную занавеску. Я вспомнил про Яп-япа потому, что, проглотив несколько кусков яичницы, мисс Мурмэи снова нажала кнопку магнитофона — и на всю комнату раздайся кошачий вой, на который тут же из дальних апартаментов отозвался не предусмотренный композитором визгливый лай чьей-то собачки.

Мисс Мурмэн вибрировала. Вибрация закончилась ударом молотка по оконному стеклу. Осколки посыпались на жестяной лист. В образовавшейся секундной паузе энергичная мисс успела выкрикнуть: «Страхуйте свой автомобиль в компании „Олл-стэйт“!» И тут же выстрелила из пистолета.

Я не могу подробно описать весь концерт. Помню, что еще несколько раз мисс Мурмэн проводила смычком по струнам виолончели. Вступали в строгом соответствии с партитурой велосипедная груша и нож с тарелкой. Выпито было еще две бутылки кока-колы, содержимое одного помойного ведра было перелито в другое. Магнитофон надрывно плакал ребенком, кричал толпой: «Зиг хайль! Зиг хайль!», выл сиреной «скоропостижки». Было и многое другое. И все же композитор и исполнительница закончили Конструкцию на абсолютно неожиданной ноте. В полной тишине мисс Мурмэн принялась расстегивать и застегивать «молнию» на серых полушерстяных (с виду) мужских штанах. Динамики усилили этот звук до требуемой паровозной мощности. Мисс Мурмэн отсчитала каблучком несколько тактов, не отрывая глаз от нот, расстегнули «молнию» на своем собственном платье и оголила дебелую грудь.

Конструкция закончилась. Публика зааплодировала. Мисс Мурмэн удалилась.

Человек с самоубийственными бакенбардами известил собравшихся, что Шарлотта Мурмэн согласилась ответить на несколько вопросов аудитории. Мисс вернулась снова, застегнутая на все «молнии».

Поднялся цветущий джентльмен, о котором мой знакомый театральный режиссер, приведший меня в эту квартиру, сказал, толкнув локтем: «Владелец крупнейшего дела по продаже жареных цыплят».

— Скажите, пожалуйста, — попросил джентльмен серьёзно, — как вы это называете?

— Авангард, — ответила мисс Мурмэн. — Композитор Кэйдж называет это смешанным искусством.

— Благодарю вас, — удовлетворился джентльмен, покрутил головой и сел.

Поднялся другой.

«Продуктовые магазины», — шепнул мне режиссёр.

— Что вы хотели нам сказать вашей музыкой? — спросили продуктовые магазины. — Что мы должны были, так сказать, чувствовать?

— Я не хочу быть диктатором, — скромно сказала мисс Мурмэн. — Чувствуйте что хотите.

— А по-старому, так сказать… вы умеете? — продуктовые

магазины смутились.

— Вы имеете в виду традиционную музыку? — поощрила мисс Мурмэн. — Пожалуйста.

Она села на стул посреди платформы, которая теперь напоминала хозяйственную лавку после драки в ней двух десятков собак (остатки подгоревшей яичницы ещё дымились), и довольно уверенно изобразила несколько тактов из «Умирающего лебедя» Сен-Санса.

— Вы этого хотели? — спросила она снисходительно.

— Да, да, — поспешно закивал продуктовый любитель музыки.

— Традиционная музыка, к сожалению, не успевает за развитием жизни, — пояснила Мурмэн. — Поэтому мы, авангардисты, ищем новые средства выражения того, что происходит вокруг.

— И вас кто-нибудь слушает? — неделикатно спросила какая-то дама, как видно самая непосредственная здесь.

Мисс Мурмэн отвечала с достоинством:

— Я только что закончила тур по университетским городам Соединённых Штатов. А перед тем совершила двухмесячную гастрольную поездку по Европе. Пластинки с моей игрой выпущены в Стокгольме, Копенгагене, Мюнхене. Скоро я снова еду в Европу.

Публика зааплодировала.

* * *

Мне всё никак не удавалось встретиться с Шарлоттой Мурмэн. Она была чертовски занята. Портье дешёвенького отеля на Вест-Энд-авеню, где она проживала, отвечал на мои звонки однообразно: «Ещё не пришла» или «Уже ушла».

Но всё-таки почта принесла от неё записку: «Хэлло! Жаль, что не смогла с вами встретиться до сих пор. Я только что из Европы. Скоро — наш фестиваль на Сторожевом острове. Там увидимся. Приветствую». Подписано письмо было довольно торжественно: «Директор ежегодного фестиваля авангардистского искусства Шарлотта Мурмэн».

Сторожевой остров — это маленький клочок земли на Ист-Ривер, не очень далеко от здания ООН, соединенный с «Большой землей» Манхэттена узким пешеходным мостом ядовито-зеленого цвета. На островке мало строений, и главные хозяева его — пуэрториканские ребятишки из испанского Гарлема — большие поклонники футбольного искусства.

Но в тот День, когда я по приглашению Шарлотты Мурмэн пришел на остров, он отдаленно напоминал ту самую платформу с неожиданными, не связанными между собой предметами, которую я видел во время выступления виолончелистки… Только вокруг нынешней платформы была вода с плавающими на ней нефтяными кругами, в которых отражались с одной стороны бегущие по Ист-Ривер-Драйв машины, а с другой — тяжелый и представительный, как Пентагон, дом для умалишенных.

С моста я увидел в середине острова красно-бело-голубой шатер, лежавший на земле. Валялись ящики. Тянулись провода. Между ними бродили парочки. Первый человек, которого я встретил, сойдя с моста на островную землю, был усач в чёрной фетровой шляпе и в жилетке на голое тело. Заложив руки за спину, выставив вперед ногу, он сосредоточенно разглядывал кучу мусора, состоявшую из пустой жестяной пивной банки, пустой винной бутылки, картонки из-под молока и разных объедков. Посмотрев так некоторое время и поразмыслив, он подошел к куче, положил бутылку на место пивной банки, а банку на место бутылки. Всё это накрыл аккуратно прозрачным пластиком, а по краям вбил в землю несколько колышков, чтобы не сдуло ветром. К одному из колышков была привязана фанерная дощечка с тщательно выписанным словом «Завтрак» и фамилией автора.

— Импровизация? — спросил я, выбрав слово повежливее.

Усач, однако, обиделся.

— Я создал «Завтрак» несколько лет назад.

— Но я видел — вы только что поменяли местами банку с бутылкой.

— Это репродукция, — объяснил автор снисходительно. — Оригинал — в частной коллекции. Вы, надеюсь, не отрицаете права художника менять некоторые детали?

— Нет, нет, — поспешно заверил я, — не отрицаю.

Усач смилостивился:

— В том-то и состоит отличие авангарда от традиционного искусства, что мы, авангардисты, вообще не относимся к своим произведениям как к чему-то застывшему. Мы рады, если время и обстоятельства изменяют и улучшают наши работы. Я положил пивную банку сверху, если хотите знать, потому, что сейчас пьют больше пива, чем вина…

Поблагодарив за разъяснение, я отошёл. И через несколько шагов натолкнулся на табличку (на таких у нас пишут обычно: «По газонам не ходить») «Древесные скульптуры Поппи Джонсона». Я оглянулся вокруг, ища скульптуры, но их не обнаружил. Вместо них я увидел в пяти шагах старый,

потрепанный чемодан. Он был привязан толстой пеньковой верёвкой к стволу дерева. Рядом к другому дереву такой же верёвкой была привязана здоровенная рыбина — мордой кверху. Рыба была настоящая, но не шевелилась. Я обнаружил поблизости еще три дерева, к которым было что-то привязано: к одному — ржавая пила, к другому — трепыхавшаяся ещё птица, к третьему — пустой ящик от телевизионного приемника с обрывками, проводов.

Это и были, надо полагать, древесные скульптуры Поппи Джонсона.

Ко мне подошел человек, одетый, несмотря на жару, в драное меховое дамское манта, из-под которого виднелось розовое индийское сари. В руках он держал объемистую пачку почтовых конвертов. Один из конвертов молча вручил мне.

— Что это? — спросил я.

— Освобождение, — сказал человек, вытирая пот со лба.

На конверте, мелкими буквами от руки было написано: «Соната освобождения рыбы. Пожалуйста, верните рыбу (внутри) морю. Нэм Джун Пайк». Я заглянул внутрь. Там лежала жёлтая высохшая килька.

— Она же дохлая, — сказал я.

— Это неважно, — молвил человек в дамском манто. — Главное — это чувства

— А почему соната?

— Лаконичность формы и богатство чувства, — пояснили мне.

Я посмотрел на конверт, на сушеную кильку, на реку, на потного человека в шубе, пытаясь определить, какое чувство внушает мне «Соната освобождения». Чувство, кажется, было насчет того, что в такую жару неплохо бы эту кильку из сонаты соединить с тем пивом из скульптуры «Завтрак»… Я честно признался в этом человеку с конвертами.

— Ну вот видите, — сказал он. — В вас зарождается ассоциативное понимание искусства. Мы, авангардисты, как раз и стремимся к стиранию граней между разными видами искусства. Единое искусство — вот чего добиваемся мы.

Клянусь, он ни разу не улыбнулся! Я вдруг на секунду почувствовал себя на месте того небезызвестного короля, которому небезызвестные ткачи всучили небезызвестные одежды: вроде бы вижу, что меня дурачат, но сказать об этом неловко — вдруг засмеют.

Я спросил, не он ли автор этой сонаты, мистер Пайк. Нет, оказалось, он только пропагандирует ее. А где разыскать Шарлотту Мурмэн? Музыковед оживился и простым человеческим

голосом с сочувствием и симпатией объяснил, что Шарлотта уже третью ночь не спит — охраняет фестивальное имущество от пуэрто-риканских мальчишек. Ходит по острову ночью со своим песиком и охраняет. Святой человек. Держится на одних витаминах. Песик тоже. Остальные авангардисты на ночь уносят свои произведения. А что ей делать с воздушным шаром и со всей электроникой?

— С каким воздушным шаром?

— Как с каким?! — возмутился мой собеседник. — С баллюном! Гвоздь всего фестиваля — вознесение на баллюне. Она будет играть в воздухе на виолончели!

— Зачем?

— То есть как зачем? — воскликнул пропагандист рыбной свободы. — Так задумано!

— Когда же назначено вознесение?

— Уже два раза откладывалось. Один раз из-за ветра. Другой раз — репортеров не было. Не везёт. А баллюн-мен требует за сверхурочные в двойном размере.

— Кто такой баллюн-мен?

— Наняли мы тут одного. Он с дипломом по баллюнам. Без диплома пожарная охрана не разрешает вознесение. Шарлотта извелась. Живёт одними, витаминами.

Шуба с кильками был, кажется, влюблён в виолончелистку.

Зрителей на острове было немного. Те, что ходили парочками, не столько знакомились с авангардистским искусством, сколько целовались. Одиночки загорали у воды. Самую большую группу зрителей — человек пять — я обнаружил неподалёку от поляны древесных скульптур, возле таблички с надписью «Опасная музыка № 2».

Под табличкой помещалось кресло. В кресле восседал мужчина средних лет. Над мужчиной стояла женщина неопределённого возраста и брила ему голову опасной бритвой. Бритва была соединена проводами с мощным радиодинамиком. По воздуху летали хлопья мыльной пены. Лицо мужчины выражало крайнюю степень готовности к самопожертвованию.

Закончив бритье, женщина смочила кусок тряпки одеколоном и протерла голый череп. Мужчина поежился. Череп заблестел и отразил на своей поверхности табличку е названием произведения: «Опасная музыка № 2».

— Всё, — сказала женщина облегчённо. Мужчина закрыл глаза и, страдая, принялся нежно гладить скальп обеими руками. На коже виднелись следы свежих порезов. Зрители разошлись.

— Ну, хорошо, — сказал я, — то, что это опасно, я понимаю. Но при чём тут музыка? Тем более номер два!

— Потому что я слышу звук бритья, — сказал мужчина, открыв один глаз. — Для вас, зрителей, это, конечно, театр. А для меня — музыка. Доказательство условности граней между видами искусства. Познакомьтесь, моя жена.

Мы познакомились. Её звали Алисой Ноулес Его — Хиггинс.

Неясным остался лишь вопрос насчет цифры «два». Как все гениальное, ответ оказался до смеха простым.

— Потому что я исполняю эту вещь второй раз, — объяснил мистер Хиггинс. — Дня через два-три прорастёт немного, — он погладил рукой голову, — исполню в третий.

— Но ведь можно брить и голый череп, — предложил я, огорченный лимитом исполнительских возможностей супругов.

— Звук не тот, — строго сказала жена.

Наконец я добрался до баллюна, который издали принял было за шатёр. Красно-бело-голубой, огромный, как парашют, на котором спускаются на землю космические корабли, он лежал бездыханный на поляне. В гондоле я увидел Шарлотту и махнул ей рукой. Она не обратила на меня внимания. Кроме неё, в гондоле находился некий пожилой толстячок в летном шлеме и, само собой, виднелся гриф виолончели. Возле гондолы бегал песик с бантиком на шее и суетился фоторепортер из «Дейли ньюс». Репортёр нагибался, разгибался, садился на корточки и даже ложился на спину — разыскивая точку съемки.

— Поднимите руки! — требовал он. Шарлотта покорно поднимала. — И вы, чёрт подери, папаша, тоже поднимите. Будто полёт. Понятно, папаша? Будто полет!

— По инструкции при полёте руки должны быть на борту гондолы, — сухо ответствовал толстячок в шлеме.

— Вам что, полёт нужен или снимок? — гневно орал снизу репортер.

— Действительно, поднимите руки, ну что вам стоит, — жалостливо просила Шарлотта. — Не взлетать же из-за одного репортёра.

— Да мне-то что, — соглашался толстячок, который, по всем признакам, и был тем самым дипломированным баллюн-меном, без которого пожарная охрана не разрешала вознесение виолончелистки.

Наконец экипаж гондолы поднял руки, что и было необходимо беспокойному репортеру. Он лежал на спине у подножия гондолы. Наверное, в объективе его фотоаппарата так и получалось — кусок гондолы, небо, возносящиеся в него виолончель, Шарлотта Мурмэн и баллюн-мен. Вдруг репортер заорал не своим голосом:

— Пошел вон! Уберите пса! Уберите!

Неожиданный гнев его был вызван тем обстоятельством, что песик с бантиком, облюбовав угол гондолы, поднял заднюю лапку в непосредственной близости от репортера. С визгом, не понимая своей вины, песик бросился наутёк.

Шарлотта и баллюн-мен, не опуская рук, смотрели на репортёра из гондолы.

— Это у него от витаминов, — объяснила Шарлотта.

— Каких еще там витаминов! — ворчал репортёр, отряхиваясь.

Наконец он щёлкнул несколько раз фотокамерой и злой ушёл.

Расстроенная Шарлотта вместе с толстячком вылезли из гондолы.

— Когда же полетим? — спросила она его.

— Да уж как с погодой, — ответствовал баллюн-мен солидно. — Сегодня можно было бы, но вот ваши репортёры не пришли. А завтра не знаю. Завтра предсказывают ветер.

Выбравшись из гондолы, Шарлотта помчалась разыскивать своего песика. И я потерял её из виду.

Я отправился к мосту, чтобы перебраться на «Большую землю». По поляне «древесных скульптур» носилась ватага пуэрто-риканских ребятишек, с большим искусством перепасовывая друг другу фрагмент композиции «Завтрак» — пустую банку из-под пива. Автор композиции стоял посреди поляны и гневно требовал прекратить безобразие, иначе он позовет полицию. Сыны Гарлема, однако, не обращали на него внимания.

Потеряв надежду получить назад деталь своей композиции, автор принялся горячо объяснять мне, как важно воспитывать в детях уважение и любовь к искусству. И если дети играют произведением искусства в футбол, ничего хорошего от них в будущем не жди.

— Но ведь вы сами говорили, что приветствуете те изменения, которые вносит жизнь в ваши произведения. Что, если игрой в футбол они улучшили вашу композицию? — сказал я.

— Ну знаете! — сказал представитель авангардистского искусства возмущенно. — Вот придет полиция, она покажет этим сорванцам улучшение!

Мне показалось, что нынешняя позиция авангардиста противоречит давешним его рассуждениям об искусстве, но я не стал спорить…

….В баре «Джим и Энди», где обычно собираются музыканты, в этот час было немноголюдно. За столиками — вообще никого. У стойки — человек пять. Один, судя по футляру у ног, кларнетист,

был чуть навеселе.

— Всё, — сказал он. — Бросаю пить. Финал.

— Не смеши! — отозвался бармен.

— Посмотришь, — уверил кларнетист. — Последняя рюмка.

И он заказал последнюю.

— Что же ты будешь делать без выпивки?

Музыкант обвёл всех торжествующим взглядом и сказал громко:

— Перехожу на наркотики!

И захохотал. Острота была приготовлена заранее. Посетители и бармен засмеялись одобрительно. Шутка понравилась.

В баре «Джим и Энди» вообще, как видно, ценили юмористический подход к мрачным сторонам жизни. Над полкой, где были выставлены для продажи сигареты разных марок, висело объявление «Раковая полка». Выше на стене начертано: «Дарите Джиму и Энди! В конце концов они, конечно, разорятся с такими клиентами, как вы». Вся стена под этим призывом была оклеена однодолларовыми купюрами с дарственными надписями гостей.

На каждого присаживавшегося к стойке бармен заводил клочок бумаги, на котором писал либо имя, либо приметы. На моём клочке, я видел, он нацарапал: «шат. кор. кур.», что, наверное, означало «шатен, коричневая куртка». И с каждым новым заказом царапал на клочке, всё новые и новые цифры.

Входили люди с потертыми футлярами для музыкальных инструментов (традициоиники). Входили с новенькими гитарными футлярами, украшенными блестящей дребеденью (процветающие «роковики»).

Шарлотта Мурмэн пришла без футляра. По этому признаку, а также по тому, что она опоздала на сорок минут против условленного времени, ее безошибочно надо было причислить к авангардистам. В руках у неё был лишь кожаный баул астрономических размеров.

С тех пор как я видел ее в гондоле на Сторожевом острове, прошло несколько месяцев. Я потерял уже надежду взять интервью у директора ежегодного фестиваля авангардистского искусства. Но совсем недавно получил от нее новую записку. «Хэлло! — писала директор в свойственной ей манере. — У меня появилось свободное время. Звоните». В результате этого звонка я и оказался в баре «Джим и Энди» на 55-й улице.

Шарлотта была одета в поношенное короткое пальто-бушлат из грубого сукна и простенькое платье. Вблизи она показалась старше, чем на Пятой авеню или в гондоле на Сторожевом острове. Совсем ненакрашенное лицо было усталым. Длинные чёрные волосы просто и небрежно зачесаны назад. Большие

черные глаза и чуть выдававшиеся вперед верхние зубы придавали лицу удивленное, даже восторженное выражение.

Она вела себя просто.

— Хотите есть? — спросила. — Имейте в виду, у меня здесь кредит. Ведь иногда я всё-таки зарабатываю. И тогда расплачиваюсь. Они мне верят, — кивнула она куда-то в сторону кухни.

Во время разговора она двигалась непрестанно. Отогревала руки (на улице было холодно), поправляла прическу, одергивала складки платья, усаживалась поудобнее, открывала и закрывала свой грандиозный баул.

— Значит, авангардистский хлеб не такой уж легкий? — спросил я.

— Какая тут лёгкость! Нас не признают. Ну ни чего, — она засмеялась, — Бетховена тоже не признавали, а Листа считали сумасшедшим. Знаете что? Давайте выпьем за Бетховена! У него сегодня день рождения (разговор наш происходил 16 декабря).

Джим принёс две бутылки пива, и мы выпили за великого старика Людвига.

— Вы любите его? — спросил я.

— Обожаю.

— За то, что его не признавали?

— Нет, за то, что он прекрасный музей древности. Один из лучших музеев.

— А «Конструкция 26 минут…» — современна?

— Конечно! Хотя бы потому, что она выражает революционную сущность нашего времени.

Я хотел было сказать ей, что, на мой взгляд, Бетховен все-таки удачнее выражает революционность нынешнего времени, чем звук поджариваемой яичницы, но она перебила меня неожиданным вопросом:

— Вы умеете ползать по-пластунски?

— Умею.

— Как это делается?

Как мог, я объяснил ей, не слезая со стула, и спросил — зачем ей.

— Вечером я выступаю в церкви на Двадцатой улице. Я хочу исполнить там новый номер — буду ползать между рядами по-пластунски. На голове — каска, в руках — винтовка, на спине — виолончель. В какой руке держать винтовку?

— В правой.

— Так? — она легла грудью на стол и довольно удачно сделала несколько «пластуночных» движений. — Это будет моё антивоенное выступление.

— Хорошая идея. Только виолончель зачем?

— Я же виолончелистка, — сказала она. — Я всегда должна иметь это в виду.

— Когда вы придумали этот номер?

— Пайк написал эту вещь ещё в 1967-м, но исполняю я её сегодня впервые.

— Значит, премьера?

— Да. Надо только успеть до закрытия магазинов купить каску и винтовку.

Она помолчала, доставая из баула какие-то газетные вырезки.

— Понимаете, когда я вижу по телевидению, как убивают людей во Вьетнаме, я не могу играть, как играли сто лет назад. В школе меня учили отражать своим искусством время. Я пыталась отражать его по-старому. Я играла в традиционном оркестре. Сидела среди других виолончелистов в очень уважаемом коллективе и умирала от тоски. А в зале сидела благополучная публика в вечерних костюмах и слушала давно известные вещи, которые их никак не волновали. Я должна была играть по-новому. Ведь сейчас двадцатый век. Я слишком много знаю по сравнению с Бетховеном, чтобы играть по-старому.

Она посмотрела на меня с вызовом:

— Кто сказал, что музыка — это только те звуки, которые можно извлечь, водя смычком по струне? А крик? А звук пишущей машинки? А полицейская сирена? Кто сказал, что, это не музыка? Кто сказал, что виолончель должна быть всегда той самой формы, которая была изобретена четыреста лет назад? Кто?! — она глядела на меня требовательно и вопросительно.

Я сказал, что, насколько мне известно, действительно, вроде бы никто ничего такого не заявлял.

— Ну вот видите! — сказала она, успокоившись. — Конечно, никто не говорил! И знаете, что мы сделали с Пайком? Человеческую виолончель! Он натягивает двумя руками и держит у себя за спиной струну, а я вожу по ней смычком. Пятнадцать с половиной минут!

(Не знаю почему, но хронометраж, как видно, пользуется у авангардистов большим уважением.)

— И как звучание? — поинтересовался я и кстати рассказал о жене, которая бреет голову мужу, добиваясь хорошего звука.

— Это Хиггинсы! — отмахнулась Шарлотта с досадой. — Они ненормальные! — и покрутила пальцем у виска. — Дело не в звуке. Играя на Пайке, я тем самым демонстрирую, как мы, американцы, угнетаем вьетнамцев.

— Пайк — вьетнамец?

— Он кореец, но это неважно… Или, например, я играю на

бомбе. Купила в магазине пустую авиационную бомбу, натянула струну и играю.

— На атомной? — спросил я.

— Нет, — сказала она озадаченна — Где я возьму атомную?

Я покачал головой:

— Недостаточно современно. Кого может взволновать сейчас, во второй половине двадцатого века, простая фугаска?

Она засмеялась:

— Вы шутите, а это одна из самых любимых моих вещей. Она длится двенадцать с половиной минут (ну вот видите — снова). Это протест против войны. В конце, как и в «Конструкции 26 минут 11 499», я раздеваюсь.

Наверное, у меня был довольно-таки озадаченный вид, потому что она нашла нужным пояснить:

— Разве красота женского тела не протест против ужасов войны?

— Судя по тому, что сейчас творится на сцене и на экране, весь американский театр и кинематограф с утра до ночи заняты протестами против ужасов войны.

— Меня многие обвиняли в спекуляции сексом, — сказала она, не обидевшись. — Но это не так. Я получила недавно письмо из нудистского лагеря в Нью-Джерси. Предлагают дать несколько концертов у них совсем голой. Никогда в жизни я не соглашусь на это! Я раздеваюсь только тогда, когда этого требует искусство, когда это в замысле композитора! В Нью-Йорке был один женский квартет традиционников. Представляете, они играли Дебюсси без бюстгальтеров! Сидят за пюпитрами голыми и играют Дебюсси! Вот это спекуляция! Вот это отсутствие вкуса! Просто хотели удивить публику, заманить!

— Но, может быть, они тоже протестуют… — пытался я защитить традиционников, — против чего-нибудь.

Она оставила моё замечание без внимания и вздохнула:

— К сожалению, теперь публику ничем не удивишь. Когда я впервые играла на виолончели в Нью- Йорке частично обнажённой, меня посадили в тюрьму. А теперь, — она сделала презрительную гримасу, — в любом театре… И не частично, а полностью.

— Как же вас арестовали? Расскажите.

— Пятнадцать полицейских! — ответила она не без гордости. — Это было выступление для избранных. По пригласительным билетам. В маленьком театрике на Сорок второй улице. Там присутствовал директор музея Гугенгейма, меценат Говард Уайз, весьма уважаемая публика. Я играла Брамса в обработке Пайка. Я вовсе не была голой. Только бюст открыт. А

там, — она посмотрела вниз, — мы устроили лампочку, которая все время мигала.

Мисс Мурмэн говорила быстро. Рассказ, кажется, доставлял ей удовольствие.

— Ну вот. Не было ни полиции, ни прессы. Но ведь вы знаете, сколько на свете завистников! Кто-то донёс. И вот в самый разгар концерта врываются два десятка полицейских, занимают все входы и выходы. Главный их кричит: «Всем оставаться на местах!» И — ко мне на сцену. Даже не дали одеться. Надели только наручники. Накинули пальто — ив тюрьму. А был февраль. Холоднее, чем сейчас…

В женской тюрьме на Манхэттене надзирательница скомандовала Шарлотте: «Раздевайся, тебя вымоют с хлоркой». И обомлела от удивления, когда оказалось, что на Шарлотте ничего под пальто нет. Только лампочка мигала: забыли в спешке отключить от батарейки.

Ее посадили в камеру, где сидели еще пять женщин. Три — за проституцию, одна — за торговлю наркотиками и одна за убийство собственного мужа («Я взяла его за волосы и легонько, совсем легонько головой — об стенку. Так он, сволочь, подох! Представляешь?!» — жаловалась она Шарлотте на судьбу). Когда соседки рассказали Шарлотте, за что сидит каждая, пришла её очередь объяснить, за что взяли её. «Я играла Брамса в обработке Пайка на виолончели в частично обнажённом виде» — Шарлотта для верности употребила формулировку протокола.

Три проститутки, торговка наркотиками и мужеубийца вытаращили глаза. Удивление сменилось гневом, она издевается над ними, она скрывает причину ареста, не считает их за людей! Шарлотта поклялась, что всё — правда. Она очень боялась, что её тоже могут взять за волосы и легонько об стенку. Поэтому объяснила все самым подробным образом — и про Брамса, и про Пайка, и про виолончель, и про частичное обнажение, и вообще про авангардизм в музыке. Ее выслушали внимательно, сочли своей и успокоились.

Шарлотту выпустили утром. Вмешался кто-то из влиятельных покровителей авангардизма. Вместе с ней выпустили и Пайка, которого, как оказалось, арестовали в ту ночь за «постановку нецензурного зрелища». Пайк возражал: он не постановщик, он композитор. Полицейские согласились и заменили формулировку: «за сочинение нецензурной музыки».

— Меня поддерживал весь мир! — сказала Шарлотта гордо. — В Нью-Йорк пришло несколько тысяч писем — люди требовали моего освобождения.

Выслушав её историю, я напомнил Шарлотте, что магазины

закрываются в шесть. Если она хочет купить каску и винтовку, надо спешить. Часы на стене показывали без двадцати минут шесть.

— Ничего, — отмахнулась она. — Тут всегда часы ставят на десять минут вперед, чтобы музыканты не опаздывали. Такое правило.

— Сколько авангардистов в Нью-Йорке? — спросил я.

— Человек двести. Но активных вроде меня не больше пятидесяти. Остальные ничего не делают, что бы завоёвывать позиции.

— Вы считаете, что завоевали кое-какие позиции?

— Ого! — сказала она, засмеявшись. — Конечно! Иначе о нас не говорили бы так много. Кроме того, — в её словах зазвучала гордость, — кто начал догола раздеваться в театре? Не Шекспир же! Мы, авангардисты!

— Кто вас поддерживает?

— Поддержки, к сожалению, мало. Есть такой миллионер Говард Уайз. Он смелый человек. Есть ещё Роберт Скалл — владелец такси. Тоже очень богатый.

— Какое отношение такси имеют к музыке?

Шарлотта засмеялась:

— А если он так чувствует! — и продолжала: — Конечно, в авангарде много примазавшихся, много спекуляции. Некоторые считают себя авангардистами, а на самом деле они просто прогрессивные. Или хуже того — модернисты.

Я с интересом узнал от Шарлотты, что по сравнению с авангардистами «прогрессивные» в музыке — просто отсталые и закоснелые люди. А о модернистах и говорить нечего: доисторический период. Кроме того, по словам Шарлотты, и прогрессисты и модернисты в искусстве — самые отъявленные лицемеры. Почему лицемеры? Потому что они выдают себя за революционеров в искусстве, хотя всем известно, что единственные революционеры, конечно, только представители авангарда, и никто более.

— Вот, например, Энди Вархол, — горячо доказывала она, называя имя весьма известного американского художника и кинорежиссера, которого я по простоте душевной полагал авангардистом. — Типичный модернист с налетом прогрессизма. Ни капли таланта. Просто хороший организатор и умеет себя подать. Отсюда и большие деньги. Но таланта ни на грош!

— А я слышал приблизительно такой же отзыв Энди Вархола о вас, — сказал я. — Как же тут разберёшься?

— Ничего трудного, — решительно заявила мисс Мурмэн. — Ясно, как утром.

Почему ясно, как утром, однако, не объяснила. Вместо этого она взглянула на часы и заторопилась. Стрелки, рассчитанные на музыкантскую безалаберность, неумолимо приближались к шести. Шарлотта натянула свой бушлат и, крикнув бармену, чтобы не убирал пиво («вернемся — допьем»), выскочила на улицу.

Пока мы быстро шагали к Сорок второй улице, где есть магазинчик, торгующий военными излишками — от разряженных бомб до солдатских башмаков БУ включительно, Шарлотта, стараясь перекричать уличный шум, рассказывала мне, как совсем недавно исполняла «совершенно замечательную вещь», написанную Йоко Оно. Их было четверо: Шарлотта, Пайк, ещё один гениальный музыкант-авангардист Джим Тонни (который, как всем известно, получил стипендию от фордовского фонда) и шимпанзе. Нет, нет, это не фамилия — шимпанзе. Это настоящая обезьяна шимпанзе, предусмотренная композитором в партитуре. Там так и написано — «квартет для виолончели, рояля, голоса и шимпанзе».

— Что же шимпанзе должна делать согласно партитуре? — спросил я.

— Импровизировать, — ответила Шарлотта.

Шимпанзе достать очень трудно. Зоопарки берут за прокат сто долларов в вечер. Но им удалось достать одну бесплатно — у какого-то чудака в Нью-Джерси. Выступали в театре на 57-й улице, как раз напротив «Карнеги-холла». Шарлотта была одета в газовую «насквозьку», Пайк в костюм для подводного плавания, на Джиме Тонни были меховые трусы, на шимпанзе — голубая юбочка и теннисные кеды. Всё шло хорошо. Вдруг встает кто-то из публики, выходит на сцену и — бац! — защелкивает наручники на руках Пайка, который сидел за роялем.

— Вначале я испугалась, — увлеченно рассказывала Шарлотта, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Думала — снова арест. Но потом оказалось, что это просто реакция зрителя. Мы воздействовали на его чувство! Понимаете? Ему захотелось соучаствовать. В искусстве это самое высокое достижение, когда зритель не только сопереживает, но и соучаствует! Правда.

В магазине военных излишков на 42-й улице страдающий насморком старик продавец в женской вязаной кофте, ничуть не удивившись, вывалил перед Шарлоттой два десятка солдатских касок. Она выбрала одну, меньше других исцарапанную, справилась с ремешком под подбородком, повертелась перед зеркалом и объявила — это то, что нужно. Винтовку решила не покупать — дорого.

Я донёс холодную каску до теплого заведения Джима и Энди.

Стаканы с недопитым пивом стояли на месте. Народу в заведении прибавилось — близился театральный час. Столик бармена был усыпан обрезками бумаги. С Шарлоттой здоровались многие. Я спросил, как относятся к ней приятели-музыканты.

— Большинство — с юмором, — ответила Шарлотта беззаботно. — Не принимают меня всерьёз. А некоторые завидуют. Вот, говорят, нашла свою собственную дорогу, известна на весь мир.

Мне не хотелось обижать ее, и я спросил как можно мягче:

— Вы действительно уверены, что нашли?

Она то ли не услышала вопроса, то ли не захотела услышать. Вытащила из своего баула ворох фотографий, принялась показывать мне и комментировать.

— Этот номер я очень любила. Мы играем с Пайком традиционную музыку. Потом залезаем в бочку с водой. Вылезаем мокрые и снова играем. Это стало уже классикой авангардизма. После нас многие залезали в бочку, но мы были первыми. Мы с Пайком всегда все делали первыми. Не знаю, что будет с другими, но Пайк останется в веках. Когда-нибудь люди его признают.

— А я слышал, что Джон Кэйдж в Венеции во время исполнения, Сен-Санса прыгал в Гранд-канал.

Она посмотрела на меня чистыми глазами:

— Верно, прыгал. Но согласитесь, что канал — это всё-таки не бочка.

Я согласился. Действительно, в конце концов в каналы прыгают многие, не одни авангардисты. Она показала мне еще одну фотографию.

— Эту вещь тоже написал Пайк. Я играю на виолончели, а он приглашает публику по очереди подниматься на сцену и ножницами вырезать любые части моего туалета. Самое интересное в этом номере — публика. Кто, что и, как вырезает. Однажды меня пригласили в церковную школу при женском монастыре. И попросили исполнить именно этот номер. Я говорю — у вас все-таки дети, кроме того, может быть, это оскорбит ваши религиозные чувства. «Ничего, — отвечают, — не оскорбит». С большим удовольствием резали. — Она засмеялась. — А однажды была в каком-то научном институте. В зале — учёные. Сплошные лауреаты Нобелевской премии. Мне интересно было — как они отнесутся. Представьте, резали, как последние битники. Вот тебе и нобелевцы!

— Не опасен этот номер? — спросил я, стараясь оставаться серьезным.

— Иногда опасен, — согласилась она. — Тут важно уловить

настроение аудитории в самом начале. И дальше регулировать. Вовремя прекратить, если нужно. С нобелевцами, между прочим, было опаснее всего. У них руки тряслись.

Она принялась укладывать фотографии обратно в баул.

— Я, откровенно говоря, очень люблю смотреть, как у зрителей в первых рядах отвисают челюсти. Это тоже смешно. Только теперь публику трудно чем-нибудь удивить. Раньше каждое моё выступление — скандал, протест, даже тюрьма. А теперь всё позволено. Всего навидались. Сидят, скучают, аплодируют.

— Ну, а традиционную музыку вы совсем забросили?

— Что вы! Каждый день занимаюсь дома.

— Зачем вам это?

— Как зачем? Постарею — чем же я буду зарабатывать на жизнь?

Я сказал, что напишу о ней, наверное. Но что мой очерк вряд ли будет ей, так сказать, в поддержку.

— Пожалуйста, — согласилась она, запихивая в баул каску. — Если бы меня хвалили, я бы умерла от скуки.

Часы на стене даже с учетом десятиминутного кредита неоспоримо свидетельствовали, что в церкви уже давно ждут виолончелистку. Она засуетилась, стала собираться («Ничего, однажды я опоздала даже на собственную свадьбу»), запихнула каску в баул, натянула бушлат.

Мы распрощались, и она убежала ползать по церкви с виолончелью на спине.

* * *

Мне всегда были симпатичны андерсеновские ткачи, несомненно первые в мире авангардисты. Когда я вспоминаю короля жареных цыплят в доме на Пятой авеню, таксомоторного мецената, смущенного владельца продуктовых магазинов, я думаю об этой андерсеновской сказке и готов симпатизировать тому, как энергичная Шарлотта с приятелями всучивают буржуа несуществующее искусство, а те принимают его, боясь прослыть отсталыми. Когда я вижу, как самодовольное мещанство катит в роскошных «линкольнах» смотреть на Второй авеню инсценировку старых похабных анекдотов — «О, Калькатта!» — и потом с серьёзным видом толкует о «темпе» спектакля и «языковых находках» в пьесе, я снова вспоминаю Андерсена, и мои симпатии к современным мошенникам-ткачам готовы бы усилиться…

Если бы не одно обстоятельство.

Дело в том, что нынешние таксо-мясо-молочные короли куда как опытнее и хитрее того простодушного сказочного феодала. Нынешние — приняли условия игры. Они ввели в моду несуществующее платье. И носят его почти с гордостью. Крик невинного ребенка из толпы теперь их абсолютно не пугает: «Несмышлёныш, что с него взять! Вот вырастёт большой, научится понимать искусство».

А что же с оскорбителями-ткачами? С ними худо. Буржуазное мещанство взяло их на постоянную службу к себе: давайте, братцы, давайте! Можете в порядке протеста против буржуазного конформизма в искусстве и даже против войны во Вьетнаме. Вы не страшны, вы полезны, как отдушина. И ткачи — злые насмешники над глупостью и лицемерием — были довольно быстро, иногда незаметно для самих себя, превращены в слуг короля.

А с некоторыми из них — и того хуже. Услышав ободряющие восторги — ах, какое платье, ткачи! — они сами поверили, что создали и создают новую, революционную **ткань** искусства. Их судьба совсем печальна. И напоминает мне историю Шарлотты Мурмэн.

Продолжение следует

Балкон мотеля «Даунтаунер» в Меридиане довольно далеко от балкона отеля «Лоррейн» в Мемфисе. То штат Теннесси. А здесь — Миссисипи. По прямой — миль полтораста. А если ехать по дороге № 51, то и все 250. И время с того выстрела прошло порядочное.

И всё же, когда я выхожу из своего номера на длинный общий балкон, вижу пустынные в жаркий белый полдень улицы Меридиана, закрытые ленточными жалюзи слепые окна напротив, отвратительный холодный ртутный шарик скатывается по позвонкам. Я на мгновение представлю себе, что это тот балкон кто окно напротив, а позади меня цифры его 306-го номера.

Опыт, знания, мысли, чувства, весь мир, что есть в человеке, — всему была поставлена беспощадная свинцовая точка. Кто-то решил, что имеет право кончить историю его жизни по своему желанию.

Когда раздается выстрел, эхо которого бьется между континентами, когда очень известные и облечённые очень высокой властью люди с чувством произносят хорошо написанные речи, когда за гробом убитого шествуют физически и, так сказать, духовно миллионы, когда горячий гнев соплеменников убитого

докатывается до холодных ступеней Капитолийского холма в Вашингтоне, — возникает и растет надежда, что страна наконец задумается над судьбой погибшего, над смыслом его борьбы, над смыслом его убийства.

Я смотрю на пустые улицы Меридиана с балкона мотеля «Даунтаунер» и вспоминаю совсем недавние встречи.

На кладбище в Атланте под брезентовым навесом стоит большой тяжелый саркофаг. На нём слова: «Наконец-то свободен. Наконец-то свободен. Благодарю, всемогущий боже, я свободен». Рядом ведерко для мусора — на цепи. И веник — тоже на цепи. На невысокой деревянной конторке лежит книга, куда записывают свои имена те, кто пришел почтить память Кинга. Земля кругом вытоптана в белую пудру: почтить память Кинга приходит очень много людей.

Но чтобы добраться до кладбища, я спрашиваю дорогу у доброго десятка белых прохожих. И никто не знает или не хочет сказать, где похоронен Кинг.

А два негра, которые уже расписались в книге, не уходят и смотрят на меня с выжидательной враждебностью. Они не хотят оставлять Кинга, даже мертвого, наедине с белым…

* * *

Перед самым Меридианом я подвёз «хичхайкера». Человек лет тридцати пяти. Высокий, плечистый. Загорелое симпатичное лицо. Сильные кисти рук. Рассказал о себе коротко, но охотно. Водопроводчик из Сан-Антонио. Разошёлся с женой. Очень любит сына, которому 12 лет и который живет с матерью. Едет его навестить.

Конечно, говорили и о политике — кто сейчас не говорит о политике?

Вьетнам? Дерьмовая затея была с самого начала. Они — показал глазами наверх — спасают лицо. А надо спасать людей. Ведь гибнут же люди.

Коммунизм? Пусть люди живут как хотят. Не наше дело навязываться им в воспитатели. У самих себя разобраться бы.

Он говорил спокойно, с достоинством, казалось — давно продумал ответы на мои вопросы. Он нравился мне всё больше.

Мартин Лютер Кинг?

И вдруг совсем другое:

— Правильно сделал тот парень. Только надо было годика на четыре раньше.

И сказано это тоже спокойно и убежденно.

— Мутил негров. А те совсем обнаглели. Сын учился в школе для белых, а теперь рядом с ним чёрные. Богатые ушли в частную школу. А он — с чёрными. Приходит чёрный, хочет быть водопроводчиком. А меня что же — в мусорщики? Это страна белых. Наша страна. И если им нужны права — пусть возвращаются в свою Африку…

У водопроводчика неоконченная «скул», надежда вывести сына в люди и страх потерять работу. Это — множители. Множимое — воспитанное с детства презрение к негру и сознание собственного превосходства. Произведение — расизм.

За два дня до «хичхайкера» в Хьюстоне я познакомился с очень богатым человеком. У него университетский диплом по истории и философии. Знает толк в живописи. Увлекается искусством. Кроме того, он скотовод. Скотовод высшего класса. Свое хозяйство ведет при помощи электронно-счетной машины. Три раза в году закладывает в компьютер нужную информацию: цены на скот в США, цены на скот: в Латинской Америке, виды на урожай в Мексике, квартальный прогноз погоды, эффективность нового средства против ящура и бог знает что еще, в том числе и перспективы войны во Вьетнаме (от этого зависит размер государственного заказа на мясо). Трижды в год он получает оптимальный вариант ведения хозяйства и поступает соответственно: столько-то голов режет, столько-то продает, столько-то покупает.

О Кинге этот высокообразованный человек сказал так:

— Негры неполноценны с точки зрения ген. Такова объективная истина. У них нет прошлого, нет истории. Как можно считать себя полноценным человеком, если ты не знаешь своих предков? Они ничего не создали самостоятельно. У них отсутствует чувство хозяина. Равноправие негров — разговоры несмышлёнышей или демагогов. Кинг был опаснейшим демагогом. Самым вредным человеком в Соединённых Штатах. Он дал неграм мечту, которая никогда не может осуществиться. Он сделал их несчастными и, требовательными. Среди них попадаются, конечно, способные люди. Но в массе…

С водопроводчиком можно было спорить, убеждать или разубеждать в чём-то. Спорить с передовым скотоводом, увлекающимся историей, философией и искусством, бессмысленно. Его расизм — классовый.

Он, конечно, знает, что знаменитый Луис нашёл останки древнейших людей, живших 2 миллиона лет назад, именно в Африке, а не в Европе. Он прекрасно знает, что в Западной Африке, откуда происходит большинство американских негров, существовали могущественные государства задолго до того, как

там появились европейцы. Древняя ганская империя жила 1000 лет. Искусство Африки не имеет себе подобного, Знает он, что с 1619тода, когда первые африканские рабы были согнаны на деревянную пристань маленького городка Джеймстаун в штате Вирджиния, их и их потомков в течение 350 лет старательно лишали истории, прошлого, предков, старательно вытравляли из их памяти все то, что когда-то знали они о самих себе.

Обо всём этом прекрасно ведает образованный человек, умеющий пересчитывать число убитых во Вьетнаме на бычьи головы в оптимальном долларовом выражении.

Поэтому его просвещенный расизм во сто крат страшнее расизма водопроводчика.

На тихом балконе меридианского мотеля мне легко восстановить в памяти не раз слышанный спор между, так сказать, «приличным обывателем», который хочет разобраться, что же такое — расовая проблема, и неким терпеливым человеком, для которого Кинг был надеждой на решение этой проблемы. Такие споры я слышал сохни, а может быть! и тысячи раз.

— Я не расист, — говорит обыватель, — поверьте. Но негры, между нами говоря, тоже не ангелы.

— В исторических процессах ангелы, кажется, ни когда не участвовали.

— Не придирайтесь к словам. Вот что я имею в виду. Убили Кинга. Это, конечно, трагедия и варварство. Но разве негры встретили эту трагедию достойно? Нет! Они принялись бить стекла в домах, жечь чужое имущество. Разве это борьба за равноправие? Разве это протест? Это, извините, грабёж и безобразие.

— А как ещё могут выразить свой гнев люди в гетто? Неграмотные, неорганизованные, потерявшие надежду, разуверившиеся во всем, доведенные до отчаяния? Может быть, вы предложите им достойно писать письма сенаторам? Хорошая идея. Боюсь только, что сенаторы не разберут их почерка.

— Образование, вот что им нужно. А они вместо этого стёкла бьют.

— Образование им нужно. Даже очень нужно. Я согласен.

— Так в чём же дело? Тут всё зависит от них самих. Закон принят — многие школы интегрированы. Пожалуйста — учитесь!

— Это равенство, формальное. Я уж не говорю, что многие школы просто-напросто сегрегированы. Но возьмем другой вариант. Пятерых негритянских ребятишек принимают в белую школу где-нибудь в Меридиане, штат Миссисипи. В класс, где тридцать белых ребят. В ту самую школу, между прочим, где три

года назад первых негритянских детей белые взрослые встречали у порога с кусками водопроводных труб в руках.

— Но сейчас ведь не встречают.

— Допустим. Но на минуту представьте себе состояние десятилетнего негритянского мальчика, который всё это прекрасно помнит, потому что всё это происходило с его товарищем и в городе, где он живёт. Дальше. Они начинают заниматься. И быстро обнаруживается, что после своей черной школы они здесь не понимают и половины того, что объясняет учитель. Над ними смеются, на них смотрят с презрением белые ученики. Учителей они раздражают своей непонятливостью.

— Но ведь белые ребята в этом не виноваты!

— Правильно, во всем виноваты черные ребята. Виноваты в том, что родители их неграмотны, что в доме у них никогда никто не читал книг, и в том, что в школе для чёрных их обучали кое-как. Через месяц они не выдерживают этого чувства вины. Они уходят из школы, возненавидев белых ребят. А те надолго сохраняют в себе презрение к чёрным.

— Что же вы хотите? Какое ещё вам нужно равноправие?

— Такое «равноправие» в школьном образовании — та же дискриминация. Оно не учитывает триста пятьдесят лет рабства и угнетения. Оно не учитывает трёхвековой массовой безграмотности среди негров.

— Так что же, по-вашему, неграм нужны преимущества?

— В образовании — да.

— Ну уж это, знаете, слишком!

— В таком случае остается лишь один способ решения расовой проблемы. Геноцид. Перестрелять всех негров одного за другим, как убили Кинга. Или сгноить в гетто. Может быть, вы предпочитаете этот путь? Но предупреждаю — он небезопасен.

— Но почему, почему именно мое поколение должно расплачиваться за то, что было сделано триста пятьдесят лет назад? Ведь не я привёз рабов в Джеймстаун!

— Значит, если не вы начинали рабство, то не вы должны его и кончать? Что же, можно рассуждать и так. Но тогда за это будут расплачиваться ваши дети.

И снова пуст балкон «Даунтаунера». Нет этих двух людей, которых я много раз встречал за прошедший 1968 год.

Трудно сказать, куда кинется после этого разговора «приличный обыватель». Убедил ли его терпеливый собеседник? Или, может быть, прямо отсюда он направится в оружейный магазин, купит винтовку М-1 с оптическим прицелом и начнет стрелять, стрелять, стрелять…

Слепо и зловеще смотрят окна дома, что напротив. Так же

смотрели окна напротив отеля «Лоррейн» в Мемфисе. Ничто не изменилось после смерти Кинга. А если изменилось, то, кажется, только в худшую сторону.

Уже после смерти Кинга фашист Уоллес собрал для своей третьей партии самое большое число голосов, которое когда-либо собирала в истории США любая третья партия.

Уже после смерти Кинга полиция в Майами расправляется с неграми.

И после смерти Кинга происходит процесс, который многие здешние газетные обозреватели называют «поправением страны», но который, наверное, точнее было бы назвать активизацией правых сил.

Кинга убили только тогда, когда он окончательно сформулировал для себя ответ на вопрос — что же делать? «Нет более трагической ошибки в движении за гражданские права, чем думать, что черный человек может сам решить все свои проблемы». Это сказал Кинг за год до смерти.

«Не будь доктора Кинга, — сказал его ближайший друг и преемник, священник Ральф Абернети, — не было бы марша бедняков».

Он звал к объединению всех бедняков Америки — белых, черных, индейцев, мексиканцев. Он вплотную подошел к пониманию классовой сущности расовой проблемы.

Таков был ответ Кинга на вопрос «что же делать?».

Выстрел в Мемфисе был классовым аргументом в борьбе.

Вышел в свет очередной номер весьма известного американского журнала. Этот журнал тоже предлагает объединение черных и белых на классовой основе: «Негритянская буржуазия имеет больше общего с белой буржуазией, чем с негритянской беднотой».

Эти слова взяты мной из редакционной статьи журнала «Тайм». Она призывает к объединению «чёрного и белого капитализма».

Это, конечно, куда более мудрая и действенная классовая позиция в борьбе против ответа Кинга, чем позиция человека, стрелявшего из окна дешёвой меблированной комнаты.

Люди, которые оборвали жизнь и борьбу Кинга, надеялись, что после поставленной ими свинцовой точки будут невозможны слева «продолжение следует».

И действительно, время, наставшее после выстрела, было невероятно трудным для движения за гражданские права. Караваны бедняков, пришедшие в Вашингтон, не изменили ничего. Трансплантация города бедняков в сердце Вашингтона доказала пока только непреодолимость классового иммунитета

администрации. Город был отторгнут, как инородное тело.

Объединение бедняков Америки, имеющих разный цвет кожи, — дело очень сложное.

Водопроводчик, которого я подвозил на машине около Меридиана, не перестанет назавтра быть расистом, не перестанет завтра бояться, что негр займёт его рабочее место.

Два негра у могилы Мартина Лютера Кинга в Атланте не скоро избавятся от чувства враждебности к самому цвету белой кожи.

Но все же бедняцкие караваны еще раз доказали, что бедняки разного цвета кожи могут и должны бороться вместе.

И ещё они доказали, что продолжение борьбы следует, неотвратимо следует.

Новоорлеанский дневник

Благодатное место Новый Орлеан. Зима, а тепло. В Нью-Йорке снег, а около здания Новоорлеанского уголовного суда заключенные подстригают траву. В воде Миссисипи днем отражается вовсю работающее солнце, а по ночам — огни натужно шумящего пивного завода и неоновая надпись на его крыше «Дом пива Джэкс». По вечерам, правда, прохладно, и зазывалы во Французском квартале, как извозчики, бьют себя по бокам рукавами демисезонных пальто, кричат охрипшими голосами: «Заходите, заходите! Лучшие девочки в городе!» В барах подают свежие устрицы с пивом. В манерно грязном и захламлённом зале «Презервейшн-холла» играют гениальные негры-старики, могикане джаза диксиленд, обутые в домашние шлёпанцы.

Разгар туристского сезона.

Я в том же мотеле «Капри», что и тогда, когда впервые приехал в Новый Орлеан, чтобы писать о предварительном слушании дела Клея Шоу. В отеле ничто, кажется, не изменилось. Как и тогда, сдаем с моим другом Сергеем Лосевым фотокамеры портье, потому что, хоть окружной прокурор Джим Гаррисон и весьма авторитетен в Новом Орлеане, хотя за время его длительного пребывания на этом посту не осталось нераскрытым ни одно убийство, фотоаппарат стянут, конечно, за милую душу. И фотопленку. И авторучку стянут в этом (и не только в этом) очень удобном и очень чистеньком мотеле «Капри», с двумя голубыми плавательными бассейнами и прелестными обогревателями, нежные лучи которых направлены на стульчаки в ванных комнатах.

Здесь, в мотеле «Капри», соблюдаются те же

предосторожности, что и раньше. В уголовном же суде, где слушается, ныне дело Клея Шоу, изменилось многое. Здание, построенное 40 лет назад, конечно, всё то же — серое, тяжелое, почему-то с итальянскими фашинами при входе, с выразительными надписями на фронтоне: «Закон — порядок» и «Правительство закона, а не людей».

Но вот предосторожностей в суде значительно меньше

Наши документы оформляет парнишка лет двадцати — тонкий и легкий. На нем застиранная безрукавка, сатиновые синие брюки и далеко не новые матерчатые тапочки. Насвистывая какую-то песенку, он быстро заполняет для нас анкеты, записывает наши имена в книгу, присваивает нам номера 65 и 66.

На руке пониже локтя у него вытатуировано слово «Линда». Ниже изображен крест. И под ним ещё одно слово — «Восстание». Означает ли это, что непокорная Линда подняла восстание против владельца татуировки или что парнишка поклялся до смерти ходить в мятежниках против своевольной Линды, — неизвестно. Но зато на плечах застиранной безрукавки совершенно недвусмысленная и очень понятная надпись, сделанная черной краской через трафаретку: «Новоорлеанская тюрьма».

— Вы действительно из русской газеты? — спрашивает парнишка с интересом и, получив утвердительный ответ, удивленно качает головой.

Мы садимся на скамейку, и парень в тапочках фотографирует нас. Через три минуты снимки (цветные) готовы. Он прогоняет их через какую-то машинку, и они, запечатанные теперь в твердый прозрачный полиэтилен, становятся нашими документами.

Я не могу удержаться от вопроса:

— Вы заключенный?

— Да, — отвечает парень охотно. — Осталось сорок восемь дней. А приговор был — год. За попытку ограбления.

Он проверяет выправленные нам документы, остается ими доволен.

Спрашивает вежливо: «Не хотите ли кофе?»

Документы подписывает шериф, которого мы знаем по нашему первому визиту, — Луи Хайд. Симпатичный молодой, немного грузноватый человек, в белой рубашке и с небольшим пистолетом на боку.

— Всё спокойно, — объясняет он. — Нет никакого ажиотажа. Это не то что тогда. Поэтому мы не так тщательно охраняем. Если на этот раз назначат последнего присяжного заседателя, тогда, быть может, Джим Гаррисон выступит с обвинительной речью. Из этой речи станет ясно, хочет ли он доказать только, что в Новом

Орлеане был заговор с целью убийства президента Кеннеди, или намеревается вскрыть непосредственную связь заговора в Новом Орлеане с убийством президента Кеннеди. Вот после этой речи, возможно, многое переменится: снова возникнет интерес. И тогда придется увеличивать охрану. А пока тихо и спокойно.

У входа в зал всё же обыскивают. Не так тщательно, как раньше, но обыскивают. А вот ультрафиолетовую незаметную для глаза и несмываемую печать на ладонь не ставят. Всё проще и спокойнее. Только циклопический глаз телекамеры по-прежнему смотрит на вас, внимательно и строго.

Знакомые лица судебных стражников в зале. Знакомый крик над ухом:

— Па-арядок в суде!

Делать в зале пока нечего.

На капоте машины, на улице у здания суда, свесив вниз ноги, сидят два скучающих телеоператора.

— Ну как? — спрашивает нас один.

— Пока ничего.

Они вздыхают. На сиденье машины мы видим книгу, на обложке название — «Заговор».

Уходя, мы слышим, как один оператор говорит другому:

— Это будет самая большая липа, которую толь ко можно себе представить.

— А я тебе говорю, что это будет самый большой скандал в Америке за многие десятилетия…

Имя Джима Гаррисона — прокурора Нового Орлеана, не раз попадало в заголовки газет. Несмотря на протесты довольно влиятельных бизнесменов Нового Орлеана и мэра города, окружной прокурор всерьёз занялся чисткой знаменитой новоорлеанской Бэрбэн-стрит от дельцов чёрного рынка, сутенёров и проституток. У него были конфликты с местной полицией, с местными судьями. И каждый раз он выигрывал борьбу, показаз себя человеком решительного и независимого характера и высоких профессиональных способностей; за время пребывания Гаррисона на посту прокурора в его округе не было ни одного убийства, виновники которого остались бы безнаказанными.

За Джимом Таррисоном, бывшим лётчиком-истребителем (во время второй мировой войны), укрепилась в Новом Орлеане слава человека, который «крупно вершит крупное» и вряд ли начинает трудное дело, не будучи уверенным в его успехе.

Гаррисон прикоснулся к далласской трагедии через несколько дней после убийства Джона Кеннеди. Он арестовал тогда, в Новом Орлеане некоего Дэйвида Ферри, который, по

данным Гаррисона, был знаком с Освальдом и даже обучал его обращению с винтовкой, снабженной оптическим прицелом. Тогда Гаррисона насторожило то обстоятельство, что вечером 22 ноября 1964 года, когда вся страна напряжённо следила за телевизионными передачами из Далласа, Ферри неожиданно уехал на автомашине из Нового Орлеана в Техас.

Однако агенты ФБР сразу же отобрали Ферри у Гаррисона. И очень скоро, может быть, слишком скоро, сообщили комиссии Уоррена, что Дэйвид Ферри не имеет никакого отношения к убийству Кеннеди. Самого Ферри в комиссию не вызывали. Текст беседы с ним агентов ФБР не вошел ни в один из 26 объёмистых томов доклада комиссии.

И вот спустя ровно три года Гаррисон решил самостоятельно, на свой страх и риск заняться расследованием убийства Кеннеди. У него были на то формальные права, так как Освальд долгое время жил в Новом Орлеане. Гаррисон создал группу из десяти самых способных своих сотрудников и принялся за работу, держа её в строгой тайне. Однако полную тайну сохранить не удалось. 17 февраля 1967 года местная газета Нового Орлеана, сообщила о расследовании, которое ведут окружной прокурор и его люди. Газета даже назвала имена нескольких людей (в том числе, и Дэйвида Ферри), которых прокурор допрашивал в связи с этим делом.

Весть подхватили американская печать, радио, телевидение. Гаррисон вынужден был признать: да, он ведёт расследование, да, у него есть доказательства о существовании заговора, но теперь, в связи с шумихой, аресты придётся отложить, возможно, на несколько месяцев.

Прошло всего пять дней, и Дэйвид Ферри, одна из ключевых фигур в расследовании Гаррисона, был найден мёртвым в своем доме. Сразу возникла мысль об убийстве. Однако следов насилия на теле Ферри не обнаружили. Не удалось найти и следов яда. Врач, делавший экспертизу, утверждает, что Ферри умер от кровоизлияния в мозг. Сам; Гаррисон уверен и утверждал это несколько раз на пресс-конференциях, что Ферри покончил с собой. Доказательство тому записка, которую нашли в доме Ферри. В ней говорится следующее: «Уйти из этой жизни для меня — сладкое избавление. Я не нахожу в ней ничего привлекательного, а наоборот, только отвратительное».

В газетах сразу появились предположения, что теперь, конечно, Гаррисон воспользуется смертью Ферри и заявит, что по вине газет лишился главной фигуры в следствии и поэтому, мол, дело сорвалось. Однако вопреки этим намекам Гаррисон продолжал держаться твердо. Через некоторое время окружной

прокурор объявил, что, по имеющимся у него данным (показания свидетелей), незадолго до убийства Джона Кеннеди, в Новом Орлеане в доме Дэйвида Ферри обсуждался план покушения на жизнь президента. В этом совещании принимали участие Ли Харви Освальд, Дэйвид Ферри и известный новоорлеанский промышленник Клей Шоу. Окружной прокурор возбудил против него судебное дело. Большое жюри присяжных на предварительном слушании дела весной 1967 года пришло к выводу, что у прокуратуры есть для этого достаточные основания.

…Ланч подсудимому Клею Шоу обычно подают в небольшую комнату на первом, этаже Новоорлеанского уголовного суда, что рядом с кабинетом окружного шерифа. Душистый, белый, с хорошо прожаренной корочкой хлеб, ветчина, молоко или кофе.

Клей Шоу не любит ланчевать в одиночестве. И поэтому пресс-секретарь шерифа, очаровательная миссис Нина Салзер, каждый раз приглашает к нему кого-нибудь из прессы.

Нет, нет, не для интервью. Согласно судебным регуляциям, подсудимый Шоу не имеет права делать публичные заявления о ходе процесса. Шоу просто не любит одиночества — так объясняет миссис Салзер. Вчера у него был корреспондент журнала «Тайм», перед этим кто-то из «Ньюсуик» и так далее.

* * *

Вчера миссис Салзер сказала нам, что мистер Шоу был бы очень рад видеть на ланче и советских журналистов.

Это приглашение, сознаюсь, произвело на нас странное впечатление. Но мы решили, что отказываться было бы непростительным журналистским промахом.

Прямой, негнущийся, он сидит за столом, на короткое время ланча отложив сигарету. В соседней комнате занимаются делом четыре его адвоката. «Быть подсудимым — дорогое занятие у нас», — говорит Шоу и улыбается.

Улыбка у него трёхступенчатая. Она начинается уголками губ. На полпути застывает, и ему требуется видимое усилие, чтобы ее продолжить. Губы подрагивают, сопротивляются, но преодолевают сопротивление, и улыбка на лице всё же вылеплена.

Но он ничего не может поделать с глазами. Они в постоянном напряжении.

Однако он шутит. Последняя его шутка облетела недавно весь корреспондентский корпус. Шоу рассказал, что на другой день после избрания Ричарда Никсона президентом США в доме

некоей весьма богатой новоорлеанской вдовы собралась группа деятелей демократической партии, включая Шоу, чтобы обсудить, что делать теперь демократам, какой политики им придерживаться. Один из гостей вдовы обернулся к Шоу и спросил: «Ну-ка, скажите, Клей, как нам избавиться от Никсона?»

Журналисты слышали эту мрачную остроту из уст самого Шоу.

Беседе Шоу с нами, если приглядеться, тоже носила юмористический характер.

Я не могу рассказывать, что говорил нам Шоу касательно самого суда. Так было условлено. Но я имею право передать то удивление, которое мы испытали, узнав от Шоу, что он: а) согласен с очень многими положениями марксизма, кроме, пожалуй, учения о пролетарской революции; б) всегда считал себя либеральным демократом и согрешил в жизни лишь один раз, проголосовав за республиканца Эйзенхауэра; в) любил Джона Кеннеди, всей душой; г) на последних выборах был разочарован обоими кандидатами; д) предпочёл бы видеть президентом Юджина Маккарти, «хотя, конечно, Маккарти довольно странный человек».

Несколько наивная попытка завоевать симпатии двух русских журналистов закончилась совсем анекдотично.

— Мистер Уэггман, — сказал Шоу в конце ланча, поворачивая весь свой негнущийся корпус в сторону вошедшего адвоката, — не хотите ли вы дать моим гостям какие-нибудь советы?

— Какие советы, мистер Шоу?

— Ну, может быть, насчет того, что и как писать.

Губы мистера Шоу проделали трёхступенчатую эволюцию к улыбке.

Мистер Уэггман подождал немного, видимо желая узнать наше отношение к этому предложению, и сказал:

— Наверное, ваши гости не нуждаются в моих советах. Они сами знают, как писать…

* * *

Удивительное однообразие аргументов и насмешек в печати против свидетелей обвинения заставляет думать, что во время ланчей с другими корреспондентами Клей Шоу и его адвокаты не столь осторожны.

* * *

Процесс над Клеем Шоу продолжался несколько недель. Но всего сорок минут понадобилось двенадцати спокойным присяжным, чтобы вынести вердикт «не виновен».

На другой день две новоорлеанские газеты — одна чуть либеральнее, другая чуть консервативнее (обе принадлежат одному хозяину и помещаются на одном этаже одного здания) — вышли с редакционными статьями, требующими отставки; Джима Гаррисона, окружного прокурора Нового Орлеана.

За все время процесса Гаррисон лишь два или три раза появился в зале судебного заседания. Казалось, он потерял интерес к делу, которым так активно занимался более двух лет. У него просили интервью — он отказывал. Его ловили у входа в здание окружного суда, но он проникал туда одному ему известным ходом (загадка, которая до сих пор не даёт покоя журналистам, задевая их самолюбие).

Это дало немалые основания журналистам полагать, что Гаррисон раздавлен, сдался, поднял руки. И поэтому после вердикта присяжных и выступления двух газет для многих оказалось неожиданным то, что сказал окружной прокурор. А он сказал:

— Я ещё только начинаю борьбу!

Что за упрямый человек всё-таки Гаррисон!

Лично я не могу судить о нём достаточно компетентно. Я видел его не больше десятка раз, а беседовал лишь дважды: 45 минут в апреле 1967 года в его офисе в здании окружного суда и два часа у него дома в Новом Орлеане.

Поэтому я с большим интересом слушал то, что рассказывал мне о нем в Новом Орлеане известный американский юрист Марк Лейн, знавший Джима Гаррисона довольно близко.

— Он, конечно, человек своей системы. Но не совсем её продукт, — рассказывал Лейн. — Можно начать с того, что он был одно время агентом ФБР. Около года. Потом порвал с ними. Решил, что шпионить за людьми — занятие не для порядочного человека. Потом его — довольно богатого и известного жителя Нового Орлеана, занимавшегося юриспруденцией, — избрали окружным прокурором. В те времена прокуратура Нового Орлеана была коррумпирована до наглой откровенности. Адвокаты давали взятки помощникам окружного прокурора на глазах у всех, не скрываясь, прямо в коридорах здания окружного суда. Часть крупных бизнесменов города страдала от этой коррупции. Гаррисон должен был ее ограничить. И он с рвением принялся выполнять свою задачу.

Жизнь окружного прокурора круто изменилась в 1966 году, после встречи с сенатором Лонгом.

«Скажите, Джим, вы читали доклад Уоррена?» — спросил Лонг.

«Нет ещё, — ответил Гаррисон. — Но имел некоторое отношение к расследованию: через два дня после убийства президента я арестовал в Новом Орлеане друга Освальда, бывшего пилота Феррй. Там было кое-что весьма интересное, но я передал все сведения ФБР и больше этим делом не занимался».

«На вашем месте я прочитал бы доклад внимательно, — сказал Лонг. — Я глубоко сомневаюсь в том, что Освальд действовал один. В докладе это, во всяком случае, не доказано. А ведь до выстрела в Далласе Освальд несколько месяцев жил в Новом Орлеане. И вот что ещё, — добавил Лонг, — если дам, понадобится поддержка, можете на меня рассчитывать».

Лонг был тогда весьма влиятельным человеком — лидером демократического большинства.

Вернувшись в Новый Орлеан, Гаррисон внимательно прочёл все 26 томов доклада комиссии Уоррена. Его поразили многие противоречия, явные ошибки, заметные умолчания.

И он стал работать.

И странное дело, из конторы окружного прокурора не была ещё сообщена ни одна малейшая подробность по существу дела, ещё не известен был прессе ни один документ или свидетель, которыми располагали следователи окружной прокуратуры, но газеты, журналы, телевизионные компании уже заявили, что все, о чем говорит и будет впредь говорить Джим Гаррисон, — ложь, самореклама.

Насчёт, саморекламы первой написала газета «Нью-Йорк таймс». Ровно через неделю после того, как стало известно о самостоятельном расследовании Гаррисона, газета сообщила, что Гаррисон, конечно, преследует карьерные интересы: «добивается кресла губернатора Луизианы, сенатора в Вашингтоне и даже, может быть, вице-президента США».

— Реклама? — переспрашивает Марк Лейн. — Такая «реклама» может только уничтожить его, разрушить всю его политическую карьеру. Он мне сказал как-то: «Марк, я не знал бы никаких забот, если бы объявил, что Освальд — участник коммунистического заговора. Мне много раз намекали, что я должен „обнаружить“ коммунистический заговор. Вот тогда я мог добиваться любого кресла, вплоть до вице-президентского. Но, к несчастью для моей политической карьеры, заговор был организован не коммунистами, а антикоммунистами». Так обстоит дело с «саморекламой».

Вслед за этим крупнейшие американские журналы, еженедельные и двухнедельные, с тиражом от трех до восьми

миллионов экземпляров, крупнейшие телевизионные компании с аудиториями по 20–40 миллионов человек обрушили на читателей и зрителей статьи с продолжениями и многосерийные программы.

В них доказывалось, что расследование в Новом Орлеане — «фарс», «выдумка», «бессмысленная затея», «заговор», «ярмарка», «контрзаговор» и тому подобное.

Газеты, радио, телевидение начали коллективно разрушать новоорлеанское расследование еще до того, как Гаррисон смог представить публике свои доказательства.

Кампания была направлена против личности самого Джима Гаррисона.

Приёмы были довольно простыми. В газетах начали печатать снимки Гаррисона, сделанные в момент, когда он мигал, зевал, сморкался, кашлял или, чихал. Создавался, так сказать, зрительный образ. Потом появились словесные намеки на то, что окружной прокурор в Новом Орлеане «психически неуравновешен». И наконец, опубликовали сообщения, что Гаррисон был в своё время уволен из армии по причине психического заболевания.

И это несмотря на то, что во время войны Гаррисон служил пилотом в артиллерийских войсках и демобилизовали его с почётом, наградив «Воздушной медалью»; несмотря на то, что никаких документов о «психическом заболевании» не было и нет.

Ему предложили созвать пресс-конференцию и опровергнуть ложь, но он отказался. «Если бы я отвечал на все обвинения в мой адрес, — сказал он, — мне не осталось бы ни минуты для работы».

Марк Лейн рассказывал мне:

— Несмотря на свой большой жизненный опыт, этот человек наивен и доверчив. Он не поверил вначале, что газеты и журналы сознательно и планомерно создают образ «психически ненормального Гаррисона». Потом, когда убедился, очень тяжело переживал. Приказал не приносить в офис журналы и газеты со статьями о нем, чтобы не расстраиваться. Но разве изолируешь себя от всего этого?

Его дети учатся в школе. Слышат насмешки. Приходят домой, плачут, рассказывают.

Звонки по телефону, угрозы. Он меняет номера телефонов. Всё равно узнают и снова звонят.

Он сказал мне как-то, — продолжал свой рассказ Марк Лейн: «Я рад, что раньше не имел представления, куда все это зайдёт и где я окажусь. Если бы знал, может быть, и не решился. Но всё произошло постепенно, шаг за шагом. Теперь же я рад, что вошёл

во всё это…»

Наш разговор с Марком Лейном происходит в луизианском кафе на берегу Миссисипи. Официанты в длинных, почти до пят, не очень чистых фартуках — как половые в старом русском трактире — подают дамам в вечерних платьях отличный кофе с горячими пончиками. (У высшего новоорлеанского света и заезжих туристов считаемся хорошим тоном заканчивать вечер в грязноватом луизианском кафе, где сахарницы нанизаны на собачью цепь, накрепко вделанную в стену.)

Рядом фырчит вентиляторами большой пивной завод. На крыше огромная вывеска: «Дом пива Джэкс». В ста метрах от кафе притаилась Миссисипи. Ее нё слышно совсем. Только тянет свежестью…

Джим Гаррисон принял корреспондента Сергея Лосева и меня у себя дома в Новом Орлеане. В дверь кабинета, где мы сидели, то и дело заглядывали его многочисленные ребятишки, а белобрысая трёхлетняя дочка тут же играла с огромными, 46-го размера, отцовскими башмаками. Отец сидел за мирным письменным столом, на полках стояли книги (им собрана отличная библиотека по психологии фашизма), в комнате было очень мирно и уютно, если не считать тревожной ручки пистолета, торчавшей из кобуры на поясе хозяина и напоминавшей, что все в этой жизни не так просто.

— Сейчас, оглядываясь на прошлое, я понимаю наконец, как наивен был тогда, — говорил нам Гаррисон. — Я не представлял себе тогда, какую власть имеет ЦРУ в этой стране.

* * *

У нас были финансовые затруднения. Не хватало людей для ведения следствия. Поэтому, когда приходили люди и предлагали помощь, мы наводили о них лишь самые поверхностные справки, и если люди на первый взгляд казались честными, мы использовали их услуги. Представьте себе, приходит человек, который называет себя журналистом и даже показывает опубликованные в разных журналах статьи, подписанные его именем, и говорит: «Можете ничего мне не рассказывать и ничего не показывать — я просто хочу вам помогать». Ну как не принять?

Таких было несколько. Мы не сразу начали замечать, что между ними есть связь, единство, организованность. Честно говоря, я понял это последним, потому что привык верить людям. Потом обнаружилось, что они снабжали нас показаниями, которые уводили расследование в сторону. Запутывали

следствие. Давали нам ложные нити и ложных свидетелей, которые могли лишь скомпрометировать всё дело.

Кроме меня в офисе работают только три следователя. Мы не могли разрываться на части. Нам привносили письменное свидетельство человека, будто бы реального человека с реальным адресом, с телефоном в телефонной книге и даже с оплаченным телефонным счётом, на его имя. А потом оказывалось, что это были лживые адреса и фальшивые счета. Ведь ЦРУ ничего не стоило снабдить своего агента фальшивым телефонным счётом.

В офис проникали разные люди. Один из них, был агентом довольно высокого ранга. Возможно, он руководил всей операцией против следствия.

Мы разоблачили его через несколько часов, после того как он начал уничтожать наше досье и почти сделал это. Он удрал на машине ночью. Остальные скрылись вместе с ним, как тени. Значит, они были связаны с ним.

Конечно, лестно, что представители одной из самых могущественных сил в мире — ЦРУ — так испугались меня, но это малое утешение. За два года они смогли похитить у нас почти всё досье…

…И вот, несмотря на это, Джим Гаррисон не бросил начатого дела. Продолжал его супорством и всей возможной энергией. Откуда он черпал силы, поддержку?

Что говорить, большую роль сыграли личные качества окружного прокурора.

— При всей их осторожности и дальновидности, — говорил нам Джим Гаррисон, — люди из ЦРУ совершили одну ошибку: часть своего заговора против Кеннеди они планировали на территории Нового Орлеана, которая подлежит юрисдикции моей окружной прокуратуры. Единственно, что я могу посоветовать им в следующий раз, — планировать свои дела в других городах, а не в Новом Орлеане, — и добавил с улыбкой: — Если, конечно, я еще буду тогда у дел.

Но окружной прокурор все-таки действовал не совсем один.

У него была поддержка сенатора Лонга (никто, правда, не знает, в чем конкретно она выражалась).

У него была поддержка так называемого «Комитета совести», куда входили 50 крупных дельцов Нового Орлеана, возглавляемых нефтепромышленником-миллионером Ролтом. Они финансировали следствие.

Его поддержали слова, сказанные публично ближайшим другом семьи Кеннеди кардиналом Кушингом: «Я никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку. Я благословляю Джима Гаррисона на расследование».

Члены семьи Кеннеди не высказывались по этому поводу публично. На в одном из интервью Джим Гаррисон говорил, что Роберт Кеннеди с одобрением относился к следствию. Гаррисон, по его собственным словам, не ожидал от Роберта Кеннеди какой бы то ни было реальной поддержки, так как знал, что тот не мог себе этого позволить, не обезопасив себя предварительно президентским креслом. Что касается Эдварда Кеннеди, то лишь однажды в газетах промелькнуло сообщение (правда, неподтвержденное) о том, что сенатор в частной беседе, неодобрительно отозвался о расследовании в Новом Орлеане.

Марк Лейн даёт этому своё объяснение. Он считает, что Эдвард Кеннеди боится за свою жизнь: смерть двух братьев научила его быть предельно осторожным там, где дело касается интересов ЦРУ.

На поверхность океана американской информации не выплывали другие данные о силах, стоящих за спиной Джима Гаррисона.

Я пытался встретиться и взять интервью у одного из основателей «Комитета совести» — миллионера Ролта. Но тот отказался, сославшись на занятость.

Как рассказывал Лейн, Джим Гаррисон еще недавно не верил, что ему разрешат начать суд над Клеем Шоу. Однако, очевидно, он недооценил мудрость и опытность своих противников.

Ещё в июне 1967 года, когда в прессе раздались требования, чтобы министр юстиции США вмешался и прекратил расследование в Новом Орлеане, губернатор Луизианы Маккейтен заметил: «Если министр юстиции вмешается и остановит… это вызовет ещё большие сомнения (насчёт доклада комиссии Уоррена. — ***Г. Б.***) не только в США, но и во всем мире…»

Один судья в Новом Орлеане, очевидный сторонник Гаррисона, объяснил мне всё дело так:

— Они решили, что лучше взорвать дело изнутри, чем задушить его снаружи. В конце концов, риск был невелик. Гаррисон приподнял завесу только над одним из уголков огромного заговора. Они без особого труда подорвали следствие. Поэтому и разрешили суд. Запретить суд, — значило бы косвенно признать вину. О, они проделали хорошую подготовительную работу. Казалось бы, двенадцать присяжных заседателей — независимые люди. Только они решают — виновен или невиновен. На первый взгляд — так. Но вспомните все те телевизионные передачи по всей главнейшим программам, вспомните все те журнальные и газетные статьи, фотографии и карикатуры, которые они читали и видели до того, как пришли в

суд. Разве их не готовили исподволь? Разве вся эта кампания, кроме всего прочего, не была обработкой любых возможных присяжных заседателей?

Мне, иностранному журналисту, трудно занимать какую-то позицию по существу этого большого спора. Для того чтобы разобраться во всех перипетиях трагедии в Далласе и ее уголка в Новом Орлеане, нужны тысячи документов, которых нет у иностранного корреспондента, и время, которого тоже нет. Но доклад комиссии Уоррена, не убедил меня. В книгах, критикующих выводы доклада, я нашёл многое, что заслуживает серьезного внимания. Джим Гаррисон был первым критиком, у которого оказалась небольшая, но всё же власть в руках.

Я не взялся бы доказывать его правоту\или неправоту.

Но должен сказать, что абсолютное большинство американских журналистов, с которыми я встречался в Новом Орлеане, будучи явными противниками Джима: Гаррисона, не верят целиком и в доклад комиссии Уоррена. У каждого на этот счёт есть свои сомнения.

* * *

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил я Гаррисона в конце нашей беседы.

— Продолжать. Мы сделали всё, что могли. Сейчас мы посмотрим, что еще можно сделать, и будем продолжать, — ответил он.

Взгляд «оттуда»

Через тридцать минут после вывода космического корабля «Аполлон-8» с земной орбиты на «дорогу» к Луне были взорваны болты, которыми соединялась третья ступень ракеты с кораблем. Затем, включив на секунду один из двигателей, командир корабля Фрэнк Борман отдалился от последней ступени ракеты приблизительно на километр. Ступень осталась где-то «внизу». Через иллюминатор было видно, как из нее выливаются и, превращаясь в мягкие шары, плывут рядом с ней остатки неиспользованного горючего.

Потом корабль изменил свое положение, и через иллюминатор, стала видна Земля.

— Мы видим Землю, — доложил Борман в контрольный центр спокойно и буднично.

— Мы прекрасно видим Флориду! — возбужденно вмешался

штурман Лоуэлл. — Мы видим мыс Кеннеди! Просто точка. И одновременно — Африку. Западную Африку. Прекрасно! Я могу смотреть на Гибралтар и одновременно видеть Флориду, Кубу, Центральную Америку, всю северную половину Южной Америки, все вниз до Аргентины и Чили…

Оператор на земле не выдержал:

— Чёрт-те что! Вот это видик, наверное!

— Слушай, — спокойно сказал Борман. — Передай на Огненную Землю, чтобы надевали дождевики. Кажется, у них собирается гроза…

Радиоприемник, который стоит у меня на столе, через равные промежутки времени сообщает, как идут дела в «Аполлоне-8», как себя чувствуют астронавты, летящие к Луне (Борман прихватил с собой в полет грипп), что видят и что говорят.

Полковник Фрэнк Борман (командир корабля), капитан Джеймс Лоуэлл (штурман) и майор Вильям Андерс (ученый-радиолог) начали свой полет 21 декабря 1968 года в 7.51 утра с мыса Кеннеди. Ракета «Сатурн-5» — огромная махина высотой в 36-этажный дом — медленно оттолкнулась от земли пятью двигателями своей третьей ступени, равными по мощности двигателям 500 реактивных самолётов. Через 11 с половиной минут космический корабль «Аполлон-8» вышел на околоземную орбиту. Он должен был совершить почти два витка, чтобы за это время трое космонавтов и центр наблюдения за полетом на Земле могли проверить — исправно ли работают системы. В третьей четверти второго витка над Гавайскими островами трем космонавтам и контрольному центру в Хьюстоне (штат Техас) предстояло принять решение — выполнять ли полёт к Луне.

Все системы оказались в порядке. Об этом доложил Борман. И это же подтвердили в Хьюстоне. В 10.45 утра заработали двигатели третьей ступени ракеты, которые оторвали корабль от земной орбиты и вывели на курс к Луне. Через пять минут, когда скорость достигла 24 200 миль в час (одна миля равна 1,6 километра), двигатели были выключены.

— Вы на дороге! — передали космонавтам из Хьюстона и, видимо от волнения, повторили: — Вы действительно теперь на дороге!

Когда Фрэнк Борман принял окончательное решение лететь к Луне, на Гавайских островах стояли предрассветные сумерки, и люди могли видеть, как, выбрасывая пламя, заработали двигатели, направляя людей к спутнице Земли.

После того как были выключены двигатели третьей ступени, корабль под действием земного притяжения начал постепенно терять скорость. На расстоянии 20 тысяч миль от Земли скорость

уменьшилась до 10 тысяч миль в час. Когда корабль пройдёт $^5/_6$ своего пути до Луны (весь путь равен 250 тысячам миль), скорость его станет минимальной — 2700 миль в час. Затем она снова начнет увеличиваться под действием лунного притяжения и достигнет 5600 миль в час.

Ракета «Сатурн-5» вывела корабль на курс с нужной скоростью и весьма точно. Борману понадобилось включить главный двигатель своего корабля только на две секунды, чтобы «подправить» траекторию полета. Включение главного двигателя имело для космонавтов и психологическое значение. Оно дало им уверенность в исправности турбины, от которой завил сит их благополучное возвращение на Землю.

По плану полёта Борман, Лоуэлл и Дилере должны достичь Луны за 66 часов. Там, затормозив полет двигателями, они войдут в окололунную орбиту и сделают 10 витков вокруг Луны в течение 20 часов 24 декабря. Утром следующего дня «Аполлон-8» отправится в обратный путь. И 27 декабря космонавты должны быть «дома» — на волнах Тихого океана, где их ждут спасательные суда.

Космонавтов «Аполлона-8» подстерегают на их трудном пути весьма серьезные опасности. Самая большая опасность ждет их утром (по нью-йоркскому времени) 24 декабря, когда корабль будет выходить на окололунную орбиту. Если двигатели будут работать чуть дольше или интенсивнее положенного, корабль может просто врезаться в поверхность Луны. Следующая опасность — при выходе из окололунной орбиты. Если откажет двигатель, корабль не сможет преодолеть лунного притяжения и останется спутником Луны навечно. И, наконец, третья серьезная опасность — при входе в земную атмосферу. Если угол вхождения будет неточным, корабль либо развалится на части, либо, «скользнув» по «поверхности» атмосферы, уйдет на очень высокую земную орбиту. Пока космонавты снова приблизятся к Земле на расстояние, которое позволит им повторить попытку приземления, пройдет слишком много времени — ив корабле иссякнет кислород.

Перед полетом «Аполлона-8» в Америке и за ее пределами было много пересудов о том, оправдан ли риск. Известный английский ученый Бернард Лоуэлл, директор крупнейшей английской обсерватории, заявил недавно, что научное значение полета «Аполлона-8» не будет стоить того риска, которому подвергаются люди. Однако руководители проекта «Аполлона-8» ответили, что задачей полёта является не сбор научных данных, а испытание технологии полета человека в сторону Луны и обратно.

Наверное, бессмысленно спорить об этом. Дело сделано. Три посланца человечества впервые в истории летят в сторону Луны. Сами они, во всяком случае, были готовы идти на риск. Сами они верят в благополучный исход полёта.

Двоим из них по сорок лет — Фрэнку Борману и Джеймсу Лоуэллу Вильяму Андерсу — 35. Фрэнк Борман в 1965 году уже командовал космическим кораблем «Джемини-7», который совершил 14-дневный полёт вокруг Земли. Воспоминания о том полёте, видимо, ещё очень живы для него. Настолько живы, что вчера, связавшись с Землёй по радио, он сказал: «Говорит „Джемини-8“… поправка — говорит „Аполлон-8“». У него жена и двое сыновей. Вместе с ними за запуском ракеты на мысе Кеннеди следила по телевизору бабушка Фрэнка Бормана.

Штурман Джеймс Лоуэлл тоже не новичок в космонавтике. Он летал с Борманом на «Джемини-7» в 1965 году, а через год командовал космическим кораблём «Джемини-12». В общей сложности он провёл в космосе почти 18 суток. В этот раз он не полагал, что полетит на «Аполлоне-8». Он был лишь дублером штурмана Коллинса. Но тот, незадолго до полета, должен был лечь на операцию. У супругов Лоуэлл четверо детей: две дочери и два сына.

Для специалиста по радиации Вильяма Андерса это первый полёт в космос. У супругов Андерс пятеро детей — четыре мальчика и дочка.

* * *

Я пишу эти слова, когда три космонавта завершают десятый оборот вокруг Луны. Это критический, пожалуй, самый критический момент во всем полете. Молчит радио, молчит телевидение. Ни слова о космосе. Все ждут.

Корреспондент телевидения, заканчивая последний специальный репортаж о космическом полете, сказал: «Через полтора часа мы снова встретимся с вами, К тому времени станет известно — заработал ли двигатель „Аполлона-8“. Если он заработает — этот полёт войдёт в историю. Если нет — он станет нашей трагедией. Космонавты никогда не смогут покинуть окололунную орбиту».

20 часов назад Фрэнк Борман уже совершил опаснейший манёвр — он ввёл корабль в окололунную орбиту. Тогда тоже все зависело от правильной работы двигателя. Двигатель сработал. Но в течение 20 минут об этом знали лишь космонавты — здесь, на Земле, никому об этом не было известно, потому что Луна

своей массой преграждала путь радиоволнам… Это были 20 минут нервного ожидания. Но всё обошлось благополучно. «Аполлон-8» точно вышел на орбиту.

…Вот снова на экране телевизионного приёмника буквы «Apollo-8». «Через пять минут, — говорит диктор, — Фрэнк Борман должен включить двигатель. Двигатель будет работать две с половиной минуты. Если все благополучно, мы услышим голос астронавтов через 6 минут после окончания работы двигателя». На экране мелькают секунды, оставшиеся до включения двигателя. 30 секунд… 20 секунд… 10 секунд… Ноль.

Борман включил.

Заработает или нет? Хочется знать об этом немедленно. Проходят томительные, напряженные минуты. Диктор молчит. Передачу прерывает коммерческая минутка телефонной компании. Рекламируются телефонные аппараты. Покупайте телефонные аппараты. И людская тревога должна давать доллары. Проходит шесть минут. Но голоса «Аполлона-8» не слышно. Оператор в контрольном центре вызывает: «Хьюстон — „Аполлон-8“! Хьюстон — „Аполлон-8“!»

Семь минут. Восемь!..

— «Аполлон-8», — наконец-то доносится далёкий голос. — Мы включили двигатель, как было установлено по программе. Он сработал нормально.

Я не знаю, сколько людей сидит в этот момент у телевизоров. Наверное, несколько миллионов. И мне кажется, я слышу, как эти несколько миллионов людей облегченно вздыхают.

Пройдена, пожалуй, самая критическая, самая опасная стадия полета.

«Аполлон-8» покинул Луну и направился домой — к тёплой круглой Земле.

По плану у космонавтов на корабле предусмотрен праздничный рождественский обед, в меню которого входит жареная индейка.

Через несколько часов даст о себе знать земное притяжение. Корабль начнёт развивать скорость, и перед входом в атмосферу он будет пролетать 25 тысяч миль в час. Тогда для трех мужественных людей настанет последнее испытание — вхождение в земную атмосферу — посадка на волны Тихого океана.

* * *

Людям, изучающим вопросы связи литературы с. жизнью,

возможно, будет особенно интересно вспомнить, что писал сто с лишним лет назад о первом полете людей вокруг Луны Жюль Верн. Он предсказал, что на первом корабле полетят три человека, что они отправятся в космос с полуострова Флорида (мыс Кеннеди находится именно там), хотя этой чести будет добиваться и штат Техас (сейчас там находится центр контроля за космическим полетом). Отец научно-фантастического жанра предсказал также, что корабль войдет в окололунную орбиту, а затем, после включения двигателей, возвратится на Землю. Поразительная точность предвидения.

В знаменитом романе Жюля Верна еще один любопытный момент. Фантаст писал, что дороговизна проекта заставила его участников — героев романа «Из пушки на Луну» — обратиться за помощью к иностранным государствам. Любивший точность, Жюль Верн написал тогда, что 368 733 рубля были получены этими первыми астронавтами из Москвы. Помощь, пришедшую из России, Жюль Верн объяснил «вкусом русских к технике и тем импульсом, который они сообщили астрономическим исследованиям».

Трудно требовать от замечательного фантаста точности предвидения во всех деталях. Но предсказание насчет помощи американским космонавтам из Москвы кажется символичным.

Я беру «Нью-Йорк таймс» и цитирую из неё: «Замечательный полет (имеется в виду полёт „Аполлона-8“) был в известном смысле совершен с помощью русских, потому что, если бы с их стороны не было соревновательного импульса, можно почти с полной уверенностью сказать, что „Аполлон-8“ не был бы запущен, по крайней мере в этом десятилетии… С того времени, как русские запустили свой первый искусственный спутник Земли в 1957 году, они постоянно были впереди США во всех основных достижениях в космосе. Они не только впервые запустили на земную орбиту спутник, но они впервые осуществили и первый полет человека в космосе, и первую посадку на Луне, они первыми получили снимки лунной поверхности с космического корабля, и они первыми послали капсулу на другую планету (Венеру)…»

Как не воздать должное поразительному Жюлю Верну!

Когда я перебираю в памяти все виденное по телевидению, слышанное по радио, читанное в газетах о полете «Аполлона-8», я прихожу к выводу, что, пожалуй, больше всего меня поразил тон, в котором эти три человека говорили с Землей. Обыденный, лишенный возбуждения, деловой тон, каким разговаривают метеорологи, обмениваясь погодной информацией на расстоянии в 100 километров.

На Земле, кажется, было гораздо больше волнения, страха, чем у трех людей в 70 милях от лунной поверхности. Впрочем, это, конечно, вполне объяснимо.

Когда через 60 часов после начала полёта, совершив опаснейший маневр, «Аполлон-8» вышел на окололунную орбиту, оператор земного контроля в Хьюстоне не выдержал и закричал в микрофон:

— Мы взяли! Мы взяли! «Аполлон-8» на лунной орбите!

А оттуда, из невообразимой пустой дали, пришли монотонно произнесенные слова, (они неслись со скоростью 186 тысяч миль в секунду и всё же достигли Хьюстона только через две секунды после того, как были произнесены):

— Продолжайте, Хьюстон. «Аполлон-8». Двигатель сработал.

И всё.

Монотонность можно было бы считать признаком страха, если бы не юмор, который не покидал обитателей корабля в течение всего полета.

Они шутили в том же обыденном, я бы сказал, скучноватом тоне. Но простые слова, пробивая толщу пустоты, приобретают, как видно, особую силу. Вспомните, как в свое время проникло в сердце каждого человека простое слово, сказанное Юрием Гагариным перед включением двигателя ракеты: «Поехали!»

Тональность их разговоров с Землей не менялась. Даже в самые опасные моменты. Но чувствительные и бескомпромиссные приборы на Земле отметили, что перед тем, как Борман включил двигатель, чтобы войти в лунную орбиту, его сердце начало биться со скоростью 190 ударов в минуту.

Астронавтам предстоит кропотливейшая работа. Они будут рассказывать специалистам о полёте. Рассказ должен быть абсолютно полным, включать самые, на непосвященный взгляд, незначительные детали.

Ну, например, что чувствует человек, находящийся в состоянии невесомости на пути от Луны к Земле, после того, как «принял» в обед порцию спиртного? (Им было разрешено это сделать во время рождественской трапезы 25 декабря.)

Или — что ощущает, о чем думает человек, когда видит в иллюминатор удаляющуюся Землю, которая постепенно становится похожей на бейсбольный мяч, размером меньше, чем иллюминатор.

Видимо, это чувство незаурядное, если весьма спокойный человек Джим Лоуэлл после возвращения сказал морякам на авианосце: «О, ребята, это, я вам должен сказать, ощущеньице! Я думал — вернемся ли мы вообще. **Мир**-то становился всё меньше и меньше!»

Взгляд на Землю и на Луну «оттуда» был несколько затруднен для астронавтов, так как сразу после начала полета стекла трех больших иллюминаторов запотели (видимо, виноваты в этом испарения от прокладочного материала). Астронавтам пришлось пользоваться маленькими иллюминаторами. Тем более, конечно, поразительно ощущение, когда видишь Землю, умещающуюся в рамках окна.

Лоуэлл так описал цвет Земли «оттуда». «Воды, — сказал он, — это все оттенки королевской голубизны. Облака, конечно, ярко-белые. Районы суши чаще всего — коричневатого цвета, от темно-коричневого до светло-коричневого. Земля кажется шаром, раза в четыре большим, чем лунный диск с Земли, прекрасным, блестящим и таинственным шаром… Я все пытаюсь представить себя, — рассказывал Лоуэлл, — на месте одинокого путешественника с другой планеты. Что подумал бы я о Земле с этой высоты? Показалась бы она мне обитаемой или нет?..»

Трудно представить, что решил бы «одинокий путешественник с другой планеты». Вполне возможно, что Земля показалась бы пришельцу нежилым местом, уродливо несимметрично разделенным на воду и сушу, отравленным тяжёлыми испарениями и газами, неприятно поражающим глаз жителя другой планеты, где, возможно, все так замечательно симметрично, гигиенически голо и пусто.

Но три астронавта, как видно не сговариваясь, в разные моменты своих разговоров с Хьюстоном нежно называли Землю словом «хорошая».

— Луна, — комментировал Борман, — вся серая. Нет цвета… Будто вся из серого песка…

Огромное одинокое пространство ничего. Она выглядит, как нагромождение пемзового камня. Она, конечно, не покажется слишком гостеприимным местом для жизни или для работы.

— Она вызывает страх, — признался Лоуэлл. — И заставляет вас оценить, что осталось у вас позади, на Земле. Земля отсюда — это великий оазис в необъятном космосе.

Полёт трёх космонавтов навеял людям, разные мысли и чувства о соотношении человека и Вселенной.

Известный американский химик, лауреат Нобелевской премии Герольд Урей оказался пессимистом. «С идеей — человек — Особое создание — покончено, — считает он. — Отношение человека в самому себе радикально меняется. Человек теперь имеет возможность рассматривать себя маленьким организмом 30 Вселенной. Чем дальше он идет, тем меньше и слабей он становится».

Может быть, в этом и есть доля истины, но великий Паскаль в

XVII веке эту истину сформулировал более полно, точно и поэтому оптимистично: «С точки зрения размеров Вселенная охватывает и поглощает меня, как точку. С точки зрения мысли я охватываю её».

Болезнь Бормана (быстротечный желудочный грипп, который, к счастью, не стал «эпидемией» на корабле), перегруженность программы работ во время полета в сторону Луны, состояние невесомости, урывочный сон утомили команду корабля. Астронавты решили хоть немного наверстать упущенное на обратном пути. Борман сообщил на Землю: «Ну, мы сворачиваем сейчас все. Я остаюсь дежурить, но хочу, чтобы Джим и Билл немного отдохнули. Мы слишком устали».

Лоуэлл вскоре заснул, и оператор в Хьюстоне радостно констатировал:

— Мы слышим его храп.

Шесть дней в Америке прислушивались к дыханию астронавтов, следили за газетами, слушали радио, старались не пропускать телевизионные передачи. Полет «Аполлона-8», пожалуй, не смогла забить даже сенсация с похищением дочери одного флоридского миллионера. (Похитивший — он оказался учёным-биохимиком — положил девушку в специальный ящик, снабжённый запасом пищи, фонарём и шлангом для воздуха, закопал ящик в землю и потребовал от миллионера 500 тысяч долларов выкупа.)

В воскресенье, когда все три астронавта вернулись в свои семьи, я позвонил в телефонную справочную Хьюстона:

— Не могли бы вы мне дать телефон Фрэнка Бормана?

— Кого, простите? — спросил вежливый и приветливый голосок.

— Фрэнка Бормана!

— Повторите имя.

— Фрэнка Бормана, астронавта, который командовал «Аполлоном-8».

— Ах, астронавта! Сейчас, минутку.

Прошла минутка. Снова приветливый женский голос:

— Будьте добры, как пишется его фамилия по буквам?

Я сказал.

Фамилии в справочной книге не оказалось. Ну, это в порядке вещей. Не это меня удивило.

— Может быть, у вас есть в книге фамилии других? — спросил я. — Видите ли, я журналист, мне хотелось бы взять Интервью.

— Сейчас посмотрю… — крошечная пауза… — второй был, кажется, Лау… Луа…

— Лоуэлл.

— Да, да, Лоуэлл… А имя как?..

— Джеймс.

— Нет, его тоже нет.

— Извините, — не уступал я. — Их трое летало.

— Ах, ну да, их же было трое. А как фамилия третьего парня?.. Вы не помните?

Любопытный народ все-таки американцы!..

Полёт в никуда!

Я всё жду — когда же выйдет фильм. Я жду его как продолжения разговора.

Наверное, я пришёл к Антониони не в очень подходящее время. Было поздно — часов одиннадцать вечера. Он выглядел усталым. Его мучил нервный тик.

В большом, тяжеловесно обставленном номере — приземистые кресла, колониального стиля диван, солидные, на совесть начищенные отельной прислугой дорогие и тяжелые безделушки — итальянец казался особенно нездешним. Да и номер был каким-то нежилым. Ни окурка в пепельнице, ни галстука на спинке стула. Ничего. Как в комнате отдыха для транзитных пассажиров, когда не только твои вещи, но и твои мысли не здесь.

Антониони не приступал тогда ещё к съёмкам фильма, а только, как он сам выразился, «продирался» сквозь Голливуд.

Продираться было, как видно, совсем не легко, потому что выглядел он не только усталым, но и подавленным.

Я вспомнил, как узнал о том, что он в Голливуде. В той же знаменитой голливудской гостинице я завтракал с актёром и продюсером Т., неожиданно для себя ставшим звездой первой величины, миллионно разбогатевшим и до сих пор сохранившим по этому поводу удивленное выражение на лице Плечом он прижимал к уху трубку телефона (телефон держал почтительно склонившийся официант). В одной руке у Т. был бутерброд, а в другой — стакан молока.

— Слушайте, я видел сегодня внизу этого знаменитого итальянца. Вы не знаете, что он здесь делает?

— Какого итальянца?

Т. прожевал кусок, минуту мурлыкал в трубку и затем потер лоб рукой, освободившейся от бутерброда:

— А, чёрт, всё забываю его фамилию. Ну тот, который про фотографа — «Блоу ап», с Ванессой Редгрейв.

— Антониони. Микеланджело Антониони.

— Кажется, так.

Я удивился, когда узнал, что Антониони делает фильм в Голливуде. Как-то не совмещались в моем сознании эти два имени, ставшие, если хотите, понятиями. Они контрастировали и противоречили друг другу, как этот безвкусно богатый, напыщенный пустой номер и его усталый, сухощавый обитатель.

Поэтому прежде всего я спросил его, как возникла мысль снимать фильм в Голливуде.

Оказалось, почти случайно. Карло Понти как-то сказал Антониони, что его фильмы очень любят в Японии и почему бы ему не попробовать сделать там свой следующий фильм.

Антониони поехал в Японию. Через Америку, В Японии он отказался от идеи, предложенной Понти. И возвратился назад в Италию. Опять через Америку. А спустя некоторое, время поехал в Америку на несколько месяцев, чтобы увидеть её поближе. Точнее, увидеть американскую молодежь и попробовать разобраться, что же с ней происходит.

Как-то в Фениксе, штат Аризона, он прочел в местной газете заметку о том, как молодой парнишка пробрался на местный аэродром, написал на фюзеляже маленького самолета слова: «Хватит войн! Любовь! Мир!», — нарисовал на крыльях по цветку, сел в кабину, запустил двигатель и улетел. Куда? Неизвестно.

Антониони встречался с сотнями людей — руководителями и участниками разных молодежных движений в Америке. Он пришел к выводу, что процесс, который происходит в психологии и мировоззрении молодых американцев — очень глубокий и далеко идущий.

— Я неплохо знаю английскую молодёжь, — говорил он мне. — Там тоже происходят изменения. Но по сравнению с Америкой — они поверхностны. Если ребята стали иначе одеваться и иначе причесываться, вовсе не значит, что у них изменились взгляды на жизнь.

Он решил, что нашёл здесь молодёжь, которая глубоко и серьезно ищет новых путей в жизни. Он решил, что следующий свой фильм будет снимать здесь.

— Американская молодёжь, пожалуй, самое неожиданное и интересное явление сегодня на Западе.

Сюжет? Между двумя городами — Лос-Анджелес и Лас-Вегас (городами — символами американского счастья, американской мечты) — он нашёл местечко в Долине Смерти. Оно называется — Точка Забриски — Забриски Пойнт (фильм будет называться так же). Бензоколонка, десяток домиков и маленький отель. Вокруг — песок, пустыня. Здесь встречаются парень и девушка, ушедшие из городов-символов.

Вот всё, что он мне сказал. Наверное, сценарий был ещё не завершён. Я сужу вот по чему. Я рассказал ему о той встрече с белой спортивной машиной на безлюдной дороге у реки Миссисипи, когда один из четырёх молодых её пассажиров целился в нас из винтовки.

Я рассказал об этом Антониони просто так, к слову.

Он выслушал внимательно и сказал тихо:

— Смешная страна. Смешная… — Потом добавил: — Можно я возьму этот эпизод в фильм? Он таким и будет — неожиданным и без объяснений.

Он нашёл для своих героев двух непрофессиональных актёров. Парня зовут Марк Фречетте, девушку — Дарья Хэлприн. В фильме сохраняются их имена. Она — дочь актера. Он — сотрудник маленькой газетенки в Бостоне, ходил на демонстрации в защиту доктора Спока.

Агент МГМ (голливудская фирма «Метро Голдвин Мейер», с которой у Антониони контракт), нашедший Марка, рекомендуя его для пробы, сказал: «Я нашел вам парня, который действительно умеет ненавидеть».

— Это не ненависть, — говорит Антониони. — Они ещё не умеют ненавидеть.

Он собирался три месяца снимать и потом три месяца монтировать.

— Больше всего я люблю монтаж. Это самая творческая часть работы. Через шесть месяцев картина будет готова.

Но разговор был в июле. Прошло уже пять месяцев! В МГМ мне сообщили сегодня, что Антониони в самом разгаре съёмок.

Может быть, главная причина задержки — попытки «продраться» сквозь Голливуд?

— Я бы никогда не приехал в Голливуд делать фильм. Ещё ни один европейский режиссёр не сделал здесь хорошего фильма. Но делать фильм самостоятельно — нет денег.

Неожиданно спросил сам:

— Как вам понравился Голливуд?

— Интересно, — сказал я. Не потому, что осторожничал, а потому, что журналисту, приехавшему впервые в Голливуд, он действительно интересен.

— По-моему, это страшно, — сказал он тихо, — страшно. Самодовольный, богатый, немощный и грязный старик. Уже ничего не может сам, но может покупать. Вы знаете, в 1967 году они сделали только восемьдесят картин. А раньше делали по восемьсот, интересно это проанализировать.

— У вас нет никакой надежды насчёт Голливуда?

— Вы имеете в виду искусство?

— Да.

— Никакой. Я стараюсь, чтобы в моей съёмочной группе было как можно меньше людей из Голливуда. Даже подсобных, даже второстепенных. Они пропитаны голливудскими традициями, штампом, самодовольством. — Он усмехнулся: — Когда молодым ребятам, которых я снимаю в фильме, говорят, что я работаю вместе с МГМ, они отказываются сниматься — говорят, что это предательство. Мне приходится им объяснять, что я делаю это, только чтобы по лучить деньги. У меня нет денег. У МГМ есть. Почему мне не взять их деньги, если это даст мне возможность сказать то, что я хочу? Но мне нужна абсолютная независимость от них. Не только юридическая независимость. Но и независимость от их атмосферы, от здешних традиций. Если мне не удастся продраться сквозь них, я откажусь от идеи…

Он это сказал запальчиво. Мне показалось, что, может быть, именно сегодня у него были тяжелые переговоры с «немощным и самодовольным стариком».

Я спросил, что он собирается снимать после этого фильма.

Он махнул рукой.

— Пройдёт шесть месяцев. За это время так много изменится в мире. Разве можно сейчас сказать, над чем будешь работать?

Я подивился тогда этой, я бы сказал, журналистской привязанности большого художника к событиям и времени. И, честно говоря, тогда не думал, что за это время произойдёт много изменений в молодёжном движении Америки. Но с того времени действительно очень многое изменилось. Уже через месяц был Чикаго. Я не знал, что Антониони приезжал в Чикаго в те горячие дни, иначе я обязательно повидался бы с ним. Но я могу представить себе, что чувствовал он тогда возле знаменитого теперь отеля «Конрад Хилтон», когда полиция избивала молодежь. Я могу себе представить, как много нового эти чувства принесли в его будущий фильм.

В одном из интервью после Чикаго он говорил так: «Молодые люди утверждают, что покончили с этой страной. Что они не верят в неё больше… Но они верят. Даже в Чикаго. Я был там. Я видел, что ребята не поняли, что с ними произошло. Это было страшно. Они говорят: „В следующий раз мы придём с оружием“. Но позже они увидят, что не смогут стрелять, потому что они ещё не отчаялись до конца. Это ещё не то отчаяние, которое заставляет стрелять. Вы знаете, в Америке люди типа Никсона производят на свет свою полную противоположность… Во времена Эйзенхауэра были битники. Джонсон породил хиппи. А Никсон? Что будет при Никсоне?

Но, как бы ни был открыт сценарий для новых эпизодов, мне

трудно представить, что можно вплавить в него те изменения, которые произошли в Америке, условно говоря, после Чикаго.

За это время в общем-то умерли хиппи. Я не имею в виду внешнее проявление этого движения — бороды и наряд. Чикаго испугал тех, кто **играл** в протест или оказался слаб духом. Ну а тех, кто был искренен и. не был намерен бежать, Чикаго заставил, пожалуй, понять бессмысленность игры в цветочки с этим обществом».

И ещё одному научил Чикаго. Он заставил понять, что полёт мальчика, разрисовавшего самолёт и написавшего на нём хорошие слова, был полётом в никуда. Даже прекрасное парение бессмысленно, если, нет цели. В конце, концов оно обязательно кончается катастрофой.

Осень ушла на зализывание ран. Но появилась ли за это время у молодёжи цель «полёта» — никто не знает. Это покажет будущее. И это может предсказать художническая интуиция.

Я с нетерпением жду выхода фильма на экран. Я жду его как продолжения разговора.

Святой Джозеф не отвечает за будущее, или Всякое может случиться

Новогодние и рождественские пожелания счастья американцы развешивают дома на верёвочках — от стенки до стенки — как бельё для просушки. Чтобы гости видели, сколько у хозяина доброжелателей. Или — на жалюзи окон, чтобы и прохожие видели.

Свои — я держу кучками на столе. Если развесить — получится открыточного счастья метров на тридцать с гаком.

Отдельно лежат открытки не столько доброжелательные, сколько корыстные — так сказать, «требовательные». Например, от администрации дома. Эта открытка пришла с довольно длинным реестром — кому я должен вручить рождественские подарки. Подарки, чтобы не было недоразумений, работники администрации предпочитают брать деньгами.

В гараже вывесили заметное белое табло на стене. Вокруг него с настырной многозначительностью подмигивают разноцветные лампочки. Мрачные служители гаража время от времени заносят на табло крупными буквами фамилии клиентов, которые уже «внесли» подарок. Если ваша фамилия не появится до Нового года, то после 1 января может случиться несчастье — лопнет, например, шина.

Мой приятель получил в 1967 году поздравление от управляющего домом: «Желаю вам веселого рождества, сэр, и

счастья в новом году». Сэр закрутился и забыл о подарке. Пришла вторая открытка: «Снова желаю вам веселого рождества, сэр, и счастья, в новом году». Тот опять проволынил с подарком. И пришла третья открытка от управляющего: «Желаю вам веселья, сэр, и счастья в третий и последний раз».

Счастье выколачивают разными путями.

В церкви святого Джозефа на 42-й улице сыро и пусто, как в нетопленой бане. На весь огромный зал четыре-пять человеческих фигур. Стоят коленями на пластиковых подушечках. Локти на спинке передней скамьи. Голова — вниз. Пальцы рук переплетены, как большая застежка-«молния». Кто-то, привалившись лбом к скамье, просто спит. Служитель спокойно, но цепко берет за плечо. В церкви спать нельзя.

На стене плакатик: «Твори, счастье — жертвуй».

И неподалёку нечто вроде столика. На нём папье-машевый муляж книги. Навечно открытая страница крупными буквами диктует прихожанам образец молитвы святому Джозефу: «Святой Джозеф, апостол Христа, спаситель в нужде, творец счастья! Во всех своих молитвах я буду просить тебя: сотвори чудо, дай мне счастье…» За этими словами стоит многоточие, открыты скобки, и в скобках мелкими деловыми буквами. значится: «Ниже излагайте свои просьбы. Если вы хотите, чтобы их прочел святому Джозефу отец Джеймс, то запишите просьбы на листке бумаги и оставьте здесь вместе с пожертвованиями».

Рядом стопочкой и лежат эти самые «просьбы». Листочки бумаги, аккуратно сложенные или смятые, исписанные карандашом или шариковой ручкой, ломким старческим почерком или круглым ученическим.

«…Дай мне счастье, накажи Антонио за то, что украл мои щётки…», «…Он пришёл и положил деньги на стол. И тут же вошёл полицейский. А я ведь не собиралась брать деньги. Я хотела по любви. А он, нарочно деньги вынул, чтобы посадили меня…», «…Помоги устроиться в кафе на 54-й улице…», «…Пусть только выздоровеет Лесли, пусть только выздоровеет. На лекарство, ты же сам знаешь, денег нет…», «…Дай счастье, не дай разориться мистеру Крауну…», «…Она изменяет мне. Верни её в лоно семьи, святой Джозеф…», «…Машина совсем как новая, а они дают за неё полцены…», «…Я точно знаю, что Антонио украл мои щётки…».

После скобок на книжной странице идут заключительные слова молитвы святому Джозефу: «Я обращаюсь к тебе, святой Джозеф, зная, что ты не оставишь без внимания мои мольбы. Но я знаю также, что твой ответ может оказаться неожиданным для меня. Амен».

Последнюю фразу составлял, конечно, — личный юрист святого Джозефа или отца Джеймса — чтобы не было к апостолу никаких претензий. Ведь апостол, может быть, совсем иначе понимает, в чем состоит ваше счастье…

Кррэк… С хрустом разламывается в зубах пятицентовый рогалик. Из него выпадает бумажка. Там — счастье: «Если не будешь давать взаймы, не разбогатеешь», «Смело начинай, но будь осторожен», «Счастье — рядом».

Дзиннь… Десять центов падают в автомат. В обмен вылетает картонное счастье: «Если не будешь давать взаймы — не разбогатеешь», «Смело начинай, но будь осторожен», «Счастье обретёшь в семейной жизни». Для рогаликов и для автоматов счастье печатается в одной и той же нью-йоркской типографии. Даже шрифт одинаковый.

Рядом с автоматом медленный безмолвный старичок-сэндвич нарушает бешеное движение улицы. Он смотрит поверх голов, движется медленно и величаво, как апостол. На груди и на спине — плакаты. «Стрижка у Крауна (следует адрес), только 75 центов». Подумайте — только 75 центов! А ведь обычно стрижка 2 доллара. Уж не тот ли это Краун? Кажется, он все-таки разоряется.

Синий морячок с вещмешком-наволочкой за спиной сопя рассматривает рекламу фильмов «Пойман во время сношения», «Сексуальные революционеры», «Сто долларов за ночь».

Сто долларов? Глупости! Вон в тридцати футах одна покуривает. Да кто когда давал ей больше десятки? За пятерку пойдёт. За смятую, потную пятёрку. Вот и счастье. Если, конечно, пятёрка шевелится в кармане

И слава тоже стоит недорого. Трёшку. За трёшку наберут при тебе в печатной лавке первую страницу газеты. И большими буквами сверху — всё, что ты захочешь. Например: «Морской пехотинец Билл Смит из Вайоминга женился на дочери миллионера». (Надо только следить, чтобы не получилось больше сорока типографских знаков, считая и расстояние между словами: больше сорока знаков не принимают).

И посылай эту штуку в родной Вайоминг. Все обалдеют от удивления.

На морячка спокойными рачьими глазами посматривает толстая киоскёрша с оливковым носом. Могучие груди на могучей кипе газет. Жуёт сосиску в длинной булочке — «хот дог». На сосиске — шматок солёной капусты. Из-под грудей выглядывает мистер Моррисов — знаменитый астролог, предсказатель судеб. На всю страницу заголовок: «Будет ли Америке счастье в 1969 году»? Надо же! Только год назад сосиска

с булочкой стоила 20 центов. Теперь — 35.

Морячок интересуется насчет счастья. Получив с него центы, киоскёрша вытаскивает из-под грудей тёплую газету.

«Религиозная деятельность обещает быть весьма благодарной. Обращайте больше внимания на вести из дальних мест. Пишите друзьям и родственникам повсюду. Старайтесь иметь дополнительный отдых. Будьте интеллектуально наготове».

К чему наготове? При чем тут религиозная деятельность? Ничего определенного не говорит осторожный и таинственный мистер Моррисон, президент Всеамериканской гильдии астрологов.

И морячок сердито бросает газету в урну и что-то злое говорит тётке с сосиской.

Астрология нынче в США в большой моде. Некоторые считают, что даже слишком в моде, тревожно в моде.

Имеются астрологические поваренные книги — что когда готовить, астрологические руководства по женитьбе, астрологические книги свиданий. У бесподобного Тиффани можно заказать стаканы для коктейлей с вашим собственным гороскопом, выгравированным на стеклянной таре.

Имеется обширная астрологическая статистика.

Она утверждает, что в США около 10 тысяч астрологов, несколько десятков астрологических школ. Кроме гильдии, есть Американская федерация людей этой почтенной профессии.

За последние годы замечен явный астрологический прогресс, выражающийся в почти астрономических цифрах. Из 1750 ежедневных американских газет 1200 имеют постоянную рубрику «В мире звезд», где астролог печатает свою колонку с предсказаниями. В конце 40-х годов этим полезным делом занималось во всех Соединенных Штатах только 20 газет.

Известно, что у астрологов на приемах бывает в три раза больше женщин, чем мужчин. Социологи объясняют этот факт не тем, что мужчины не верят в астрологию, а просто они стеснительнее женщин.

Есть история американской астрологии. Она свидетельствует и о трудных моментах в развитии предсказательного дела. Например, большинство членов астррлогической федерации предсказало наступление конца света в 1962 году. Была названа даже точная дата. Предсказание было настолько аргументированно, что группа астрологических активистов, проживающая в штате Аризона, в ночь накануне гибели мира полезла на высокую гору, чтобы лучше было видно, как это все произойдет. Просидев на горе сутки, активисты разочаровались в астрологии и спустились вниз с твёрдой решимостью поколотить

членов федерации, имевших несчастье проживать в благословенном штате Аризона.

Однако федерация выстояла кризис 1962 года и даже приумножила число своих сторонников в разных слоях общества.

Например, как сообщала американская печать, к У Тану пришла на приём известная актриса Марлен Дитрих, чтобы предупредить Генерального секретаря ООН о том, что день открытия очередной сессии Генеральной Ассамблеи выбран с астрологичёской точки зрения неудачно. «Небо против», — сказала Марлен.

В Нью-Йорке есть астролог, который заявляет (проверить справедливость его слов пока не удалось), что он является официальным астрологом британской королевской семьи. По его словам, он лично указал Елизавете Второй, какой день выбрать для коронации. «Она короновалась в самый удачный в астрологическом смысле день, — сообщил астролог журналистам. — Самый удачный день на протяжении десятилетия!»

О влиянии астрологов на процессы, происходящее в Белом доме, пока в американской печати никаких данных нет. Дата вступления Ричарда Мильхауза Никсона в должность — 20 января 1969 года — установлена конституционно.

Из офиса 37-го президента США рассылается бессчетное множество («Нью-Йорк таймс» полагает, что не меньше 300 тысяч) конвертов с золотообрезными, крепенькими картонками: «Инаугурационный комитет просит Вас оказать честь своим присутствием на торжественной церемонии вступления в должность…»

Над планированием и организацией торжества, которое обойдется американским избирателям в 2 миллиона долларов, трудятся в Вашингтоне 3 тысячи человек и одна солидных размеров электронно-счетная машина. Функция компьютера — переварить в своем таинственном нутре и безошибочно совместить список приглашенных (длина — 5 миль) со списком заказываемых номеров в отелях (длина не установлена), чтобы никому не послали приглашение дважды и чтобы никто не остался без гостиничного номера.

Натужно урча, крутит свои интеллектуальные шестерни могущественный компьютер. А слабее, несовершенные люди всё ещё бьются над нерешенными проблемами: какого издания Библию следует держать в руках новому президенту, когда он будет произносить клятву? допускать ли приветственные речи присутствующих или не допускать? надевать ли будущему президенту фрак или обойтись простым темным сюртуком и

визиточными брюками в полоску?

Но хотя нерешенных проблем еще полным-полно, американцы, на мой взгляд, не испытывают особых волнений по поводу предстоящей инаугурации. Они оптимисты, они не сомневаются, что все многоважные вопросы касательно брюк в полоску будут в конце концов успешно решены. Можно уверенно предвидеть, что в полдень 20 января1969 года все буде так, как тому быть подобает.

Вот если бы с тем же оптимизмом и той же уверенностью американцы могли предвидеть и предсказать будущую политику избранного ими президента! Однако в этом деле даже самые прославленные американские астрологи и лишенные склонности к мистицизму седые газетные обозреватели пасуют.

Казалось бы — чего проще! Берите в руки предвыборные заявления нового президента — и там всё чёрным по белому. Но ведь вот что интересно: я прочёл сотни статей-гаданий и статей-предположений о том, какой будет политика будущего правительства, но ни одному автору даже в голову не пришло основывать свои предположения на том, что Никсон говорил перед выборами избирателям. Серьезный американский астролог или. журналист в ответ на такое предположение лишь поднимет густые брови и снимет очки, чтобы пристальней в вас вглядеться — действительно ли вы столь наивны или только притворяетесь?

Вот почему во многих газетах и журналах, обсуждающих возможную будущую политику президента, ее называют непредсказуемой. И еще одно слово стало модным и распространенным, как гонконгский грипп — «прагматизм». Тоже в применении к будущей политике.

Это слово сейчас произносят с ударением на каждом слоге: пра-гма-тизм. Звучит позитивно и определенно. Но на самом деле ничего не прибавляет к стремлениям американцев предугадать будущую политику своего президента.

После того как Никсон объявил состав нового кабинета и назвал своих советников по Белому дому, газеты писали, что назначенные Никсоном люди — не слишком правые и не слишком левые, а, так сказать, в самый раз. И опять стекало с пера удобное и ни к чему не обязывающее слово «пра-гма-ти-сты». Для тех, кто не слишком обременен политическим и философским опытом, пояснялось, что прагматисты — это люди, принцип деятельности которых стоит в том, чтобы не придерживаться никаких принципов.

Однако отказывать в принципах людям, которые 20 января 1969 года станут правительством Соединенных Штатов, было бы

несправедливым. Все они в основном крупные банкиры, юристы крупнейших корпораций, люди большого и очень большого бизнеса. Сам Никсон, направляясь в Белый дом, покидает весьма важные кресла (директорские и члена правления) нескольких корпораций с общим капиталом в 11 миллиардов долларов (крупнейшая среди них — «Мючуал лайф иншурэнс» — страховая компания с капиталом в 3,3 миллиарда долларов, контролируемая банками Моргана).

Вряд ли можно предполагать, что такая группа людей способна вести иную политику, кроме той, что должна обеспечивать им стабильность положения и упрочение позиций. И если это не политический и философский принцип, то, во всяком случае, политический и философский инстинкт классового сознания.

Аналитики американской политической жизни не ждут от нового правительства новых идей или смелых реформ. А посему к слову «прагматизм» для характеристики будущей политики прибавили еще прилагательное «консервативный».

На этом осторожном определении сходится, пожалуй, большинство буржуазных обозревателей.

Но как конкретно выразится политика «консервативных прагматиков», никто не решается предсказывать.

Некоторые обозреватели вообще склонны считать, что членам нового кабинета пока просто некогда думать о политике. Слишком уж много навалилось на них забот.

Разве переезд в Вашингтон простая штука? Миллион проблем, гораздо более актуальных, чем проблемы войны, расизма, преступности, нищеты: где жить? в. какую школу ходить детям — не в публичную же с неграми? что надеть жене на инаугурацию? что делать со старым домом — продавать или сдать внаем? ну а кухарка Мэри — как быть с ней? брать ли с собой в Вашингтон (она готовит такой замечательный яблочный пирог с помидорами!) или нанять там нечто более столичное?

Считают, что единству кабинета, о котором так много и часто говорит Никсон, грозит серьезное испытание, когда жены начнут охотиться за домами в Джорджтауне, пригороде Вашингтона. Вообще, жены в новом кабинете будут, как видно, играть немалую роль. По распоряжению будущего президента они, наравне с мужьями, проходят высшее «засекречивание», так называемую «Кю-чистку». Это делается для того, чтобы правительственные подруги смогли присутствовать на самых высоких государственных совещаниях, включая и совещания по международным и военным делам. Никсон мотивировал свое решение так: «Жены министров умны и кончали колледжи —

пусть же они будут в курсе того, чем занимаются их мужья, это даст им чувство причастности».

Не исключена возможность, что нововведение вызвано не только заботой о крепости министерских семей (не будет отговорки: был на совещании), но имеет значение и чисто научного эксперимента на тему: «Действительно ли женщины не умеют хранить секреты?»

Ну, а что делают те, кто покидает правительственные учреждения Вашингтона?

Для них это сложное, так называемое «транзитное» время наполнено заботами противоположного характера. Надо получить где-то хорошее место взамен государственного, надо решить, что делать с домом в Джорджтауне (слышали, как Катценбах выгодно продал?), надо поспешить с замужеством дочки и надо в конце концов побывать на всех вечеринках — поминках по уходящей администрации — и, между прочим, завязать связи с пришельцами — вдруг удастся остаться в должности.

Эти действия иногда напоминают поступок молодой вдовы из Бруклина, которая поместила на свежей могиле своего мужа такое объявление: «Здесь лежит Билл Смит. Его вдова, высокая блондинка 27 лет, принимает соболезнования по адресу…»

В распоряжении Никсона около трех с половиной тысяч постов с окладом от 23 до 35 тысяч долларов в год, которыми он может вознаградить друзей по партии или утешить перебежчиков. Среди постов есть такие необременительные, как, например, должность исполнительного директора Комиссии по непристойностям порнографии, которая, впрочем, если бы занималась своим делом всерьез, стала бы, пожалуй, самым загруженным ведомством во всём правительстве.

Поэтому далеко не все демократы щепетильны в вопросах «партийной принципиальности». Один из высших чиновников министерства транспорта, некий Джон Макгрудер, который всегда считался завзятым демократом, недавно повесил на стене своего кабинета портрет с собственноручной дарственной надписью Юлиуса Страуса, небезызвестного председателя Комиссии по атомной энергии во времена республиканца Эйзенхауэра. И всем посетителям из новой администрации Макгрудер объясняет: «Я был помощником Страуса по административной части. А вы понимаете, конечно, что нельзя быть другом Страуса и при этом оставаться очень примерным демократом». Говорят, Никсон собирается принять это обстоятельство во внимание и оставить транспортного чиновника на посту.

Нечего говорить, что к вдовьим ухищрениям прибегает лишь

сошка не более чем среднего размера.

Что касается, например, самого Джонсона, то его многомиллионное состояние избавляет его от хлопот о хлебе насущном.

Всё свободное время он собирается посвятить, как известно, созданию библиотеки своего имени и истории своего президентства. Кроме печатной истории, начинается работа над джонсонианой устной. Я имею в виду, понятно, не народные сказания и легенды, а вещи, более прозаические. Специальные люди пой руководством техасского историка Джо Бертрама Франца будут записывать на магнитофонную плёнку воспоминания о Джонсоне разных политических деятелей.

Джонсон, заинтересованный в том, чтобы история сказала о нем свое решающее слово еще при его жизни, спросил Франца, долго ли тот собирается возиться с пленками. «Года три», — ответил звуковик. «Не выйдет, — махнул рукой Джонсон. — Десяток, лет у вас уйдет только на запись моих врагов».

Видимо, не очень надеясь на точность воспоминаний своих современников, президент сам уже продиктовал на магнитофон несколько километров выдержек из своих бесед с Раском, Макнамарой, Клиффордом, начальником ЦРУ Холмсом, генералом Тэйлором. Все эти записи касаются советов, которые Джонсон получал от своих сотрудников по вопросам войны во Вьетнаме. Джонсон явно не хочет взваливать на себя всю ответственность, за позор Америки.

Так что, как видите, все заняты. И посудите сами — до политических ли проблем сейчас? До экономических ли?

Вот почему транзитное время в Вашингтоне в достаточной степени скучно, уродливо и, по мнению некоторых американских аналитиков, опасно, как всякий паралич, даже временный.

Институт Гэллапа провёл опрос общественного мнения: «Будет ли новый президент великим президентом, хорошим, удовлетворительным, или плохим?»

С обычным тщанием сотрудники института проинтервьюировали 1558 американцев в 300 географических пунктах страны. Вот этот массовый гороскоп на нового президента США. В то, что 37-й президент будет великим, верит 6 процентов американского населения. 51 процент полагает, что он будет хорошим. 34 процента не ставят ему оценки выше «уд». 6 процентов заявляют, что он будет плохим. 3 процента опрошенных, по разным причинам воздержались от высказываний по этому актуальному вопросу.

Само по себе наивное массовое гадание на кофейной гуще не имеет значения. Однако обращают на себя внимание несколько

небезынтересных деталей. Из тех, кто во время выборов в ноябре голосовал за Хэмфри, только один процент тешит себя надеждой, что следующие четыре года США проживут под управлением «великого президента». А вот среди тех, кто голосовал за Уоллеса, таких оптимистов — 7 процентов. Насчёт «хорошего президента» та же картина: среди бывших сторонников Уоллеса больше веры в Никсона, чем среди бывших сторонников Хэмфри.

Из голосовавших за Никсона 20 процентов считают, что он будет президентом «на тройку», и (это уж совсем интересно!) 1 процент из них же безнадежно полагает, что Никсон будет президентом плохим.

Ах это знаменитое-презнаменитое, странное-престранное, конкретное-преконкретное, наивное-пренаивное американское счастье! Оно так трудно ловится, оно так изменчиво, непредсказуемо!

Дошлые историки, изучая вопрос бурного увлечения астрологией в Соединённых Штатах, натолкнулись на опасную параллель. «Коррумпированные и гниющие великие империи древности всегда обращались к сверхъестественному. С астрологами постоянно консультировались и в Афинах ив Древнем Риме, в период упадка». Я привожу эти слова из журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» и поэтому оставляю на его совести опасную историческую параллель, которая, однако, если приглядеться, в данном случае не кажется совсем уж бессмысленной.

Где вы, члены Всеамериканской гильдии астрологов? Где ты, осторожный апостол святой Джозеф, так и не наказавший мошенника Антонио, похитителя чьих-то щёток, и не предотвративший разорение брадобрея Крауна? Расскажите, что будет с Америкой? С этой страной, где на мысе Кеннеди запускают к Луне космонавтов, а в 10 милях от космодрома обучают детей расизму и учителей арестовывают за упоминание теории Дарвина.

Молчат члены федерации. Молчит поднаторевший в юридических делах архиосторожный апостол.

Много непредвиденного принес 1968 год Америке. Я помню, как астрологи и газетчики весной предсказывали полное поражение Никсону, помню, как уверенно предопределяли победу Джонсону, как потом удивлялись его отставке, как видели будущим президентом Боба Кеннеди и как пуля, не считаясь с положением звезд, вычеркнула его из списка кандидатов и живых, помню, как поражались успеху Юджина Маккарти, а после Чикаго уверенно говорили о гибели левых сил.

Много было в 1968 году несбывшихся предсказаний.

Пожалуй, только одно исполнилось в полной мере. В Чикаго, во время конвента демократической партии, я увидел в руках у молодого парня, лицо которого было покрыто слоем вазелина (защита от газа «мэйс»), фанерный плакат. На нем черной краской было написано: «1968 год — год неспокойного солнца. Всякое может случиться». Парень стоял возле отеля «Конрад Хилтон» перед стеной полицейских в газовых масках и смотрел на них с сочувствием пророка.

Чуть позже я видел, как голубые полицейские зверски били пророка, а на фанерный плакат под ногами падали тёмные капли его крови.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава первая

Они ели медленно и разговаривали тоже медленно. Кинг брал на вилку кусочки трески, а потом снимал их пальцами и не спеша отправлял в рот. Абернети ел из той же тарелки, хотя рядом стояла другая, принесенная специально для него расторопным хозяином (хозяин сам обслуживал почетных гостей). Но Кинг, не произнеся ни слова, жестом руки предложил Абернети брать еду из одной тарелки. Последние годы они научились понимать друг друга по движению глаз, руки, по междометию. Когда после долгого молчания кто-нибудь из них начинал говорить, часто оказывалось, что другой в этот момент думал о том же. Постоянный мысленный разговор не прерывался. Они ели неторопливо и неторопливо перебрасывались фразами. Кинг больше молчал, а Абернети время от времени произносил что-нибудь малозначащее, не требующее ответа, понимая, что голова друга занята мыслями о предстоящем митинге.

— Ну, хорошо, надо собираться, — сказал Кинг и вытер бумажной салфеткой губы. Он долго не мог найти галстук и смешно досадовал — «кому понадобился этот кусок дрянной материи?». Внимательно осмотрел туалетный столик перед зеркалом и даже пошарил по нему руками, зачем-то включил и снова выключил телевизор, снял с крючка полотенце.

Наконец остановился возле кровати, заваленной кипами бумаг. Некоторое время смотрел на эту кипу, примеривался, как охотник, и вдруг, быстро запустив в нее руку, вытащил галстук как змею.

— Человечество погибнет от бумаг, — сказал Кинг, — и мы с тобой в первую очередь. Как он догадался заползти именно туда?

Держа галстук перед собой за узкий конец большим и указательным пальцами правой руки, он смотрел на него с интересом, как на'живое существо.

— Он действительно напоминает кобру, — констатировал Кинг. — Змея на шее. Почему модельеры избрали эту символику?..

Повязывая галстук, несколько раз поднял согнутые в локтях руки.

— Рубашка слишком узка, — сказал он, — неладно скроена.

— Ты просто пополнел, — улыбнулся Абернети. Он знал эту рубашку очень хорошо — утром он собственноручно выстирал её для Кинга.

— Эта рубашка слишком узка, — настойчиво повторил Кинг. Он был в хорошем настроении в тот вечер.

Кинг вышел на балкон. А Ральф остался в комнате — прибрать бумаги, умыться и освежить лицо любимой туалетной водой.

Перед митингом в церкви им предстоял ужин у священника Кайлса. Отец Кайле давно просил Кинга быть гостем в его доме, объяснив, что жена великолепно готовит пищу «для души» — знает старинные рецепты и обычаи, связанные с ней. В тот вечер Кинг наконец принял приглашение.

В раздумье он подошёл к перилам балкона и, облокотившись на них, посмотрел вниз. Чёрный «кадиллак», присланный владельцем местной похоронной конторы, чтобы с почетом отвезти Кинга в гости к' священнику, был уже во дворе. Рядом стояли Джесси Джексон, Энди Янг и Бен Бранч, местный музыкант.

— Ты знаешь Бена? — спросил Джесси Мартина.

— Да, — ответил Мартин. У него была великолепная память на лица, и он никогда не забывал никого, с кем хоть раз встречался. — Я знаю тебя, Бен, и хорошо помню. И прошу тебя, Бен, чтобы ты обязательно спел сегодня на митинге «О, боже великий, возьми меня за руку».

— Да, Мартин, — ответил музыкант.

— Постарайся спеть это действительно хорошо, как ты умеешь, с душой, — добавил Кинг.

— Да, Мартин, — ответил музыкант.

Из «кадиллака» вышел шофёр и смотрел вверх на Кинга. Он видел его впервые, хотя знал и любил давно. Ему очень хотелось сделать что-то полезное для Кинга. Просто от себя, а не по своей шофёрской обязанности. Он сказал:

— Вы бы надели пальто, прохладно.

Этой весной в Мемфисе стояла необычно холодная, дождливая погода. И вечер был действительно прохладным.

Кинг улыбнулся благодарно.

— Хорошо, я надену.

Это были его последние слова.

* * *

Звук выстрела был таким сильным, что сосед Кинга по мотелю «Лоррейн», занимавший комнату № 308, подумал вначале, что это не выстрел, а взрыв, и что взорвалось что-то в плавательном бассейне во дворе. Он только что включил телевизор, собираясь слушать шестичасовые новости. А главная-то новость оказалась здесь, совсем рядом. Те, кто был внизу, под

балконом, сразу поняли, что это выстрел. Звук его донесся со стороны старого дома, расположенного через улицу приблизительно в 70 метрах от «Лоррейна».

Кинг сделал головой движение вправо, будто хотел посмотреть в лицо человеку, выстрелившему в него. Но уже ничего не увидел. Пуля вошла в правую сторону лица, чуть повыше шеи.

Когда. Ральф Абернети выскочил из комнаты, Кинг уже лежал на балконе лицом вверх. Подвернутая нога застряла под прутьями балконной ограды. На цементном полу быстро увеличивалось тёмное пятно крови. Абернети бросился к другу.

— Мартин, Мартин! Это я, Ральф! — звал он, склонившись над своим учителем, ещё не веря в то, что произошло. — Ты слышишь меня, Мартин? Ответь мне, Мартин, Мартин!..

Эндрю Янг вбежал в комнату Кинга, схватил полотенце и, вернувшись на балкон, приложил его к месту, откуда текла кровь. Взял руку Кинга, пытаясь услышать пульс. Взглянул на часы: было 6 часов вечера с минутами. Вначале Энди не ощутил биения, но потом ему показалось, что пульс все-таки есть, слабый, совсем слабый, но есть.

К мотелю уже бежали люди. Несколько десятков людей, одетых в одинаковую форму. Абернети вначале, решил, что это полицейские. Но это были не полицейские, а пожарники, станция которых находилась напротив мотеля «Лоррейн».

Через несколько минут примчалась карета «скорой помощи», вспарывая воздух раскачивающим душу воем сирены.

Но было поздно. Доктор, сопровождавший в госпиталь раненого Кинга, констатировал смерть ещё до того, как машина остановилась у дверей приёмного покоя.

В официальном протоколе медицинской экспертизы значится, что смерть Мартина Лютера Кинга наступила через час после выстрела. А выстрел был сделан в 6.01 пополудни 4 апреля 1968 года.

Так в американском городе Мемфисе, штат Теннесси, был убит американский священник Мартин Лютер Кинг, лауреат Нобелевской премии мира, один из руководителей борьбы в защиту прав человека в США.

Если говорить о событиях, связанных с поисками убийцы, то они происходили в следующем порядке.

Через час после смерти Кинга страна (да и, пожалуй, весь мир) уже рассматривала через объективы телекамер балкон мотеля, где только что стоял Кинг, следила за действиями щеголеватых полицейских в белых касках, детективов ФБР, которые тщательно замеряли рулеткой положение тела Мартина

Лютера Кинга, отмечали их скорую работу, вслушивались в официальные заявления отделения ФБР в Мемфисе, каждое из которых начиналось словами: «Приняты все меры»… «Брошены все силы»… «Арестованы двое подозрительных»… Уже к раннему утру 5 апреля было объявлено, что ФБР «взяло след» и идёт за преступником, ему не уйти далеко.

Перечислялись улики.

— Выстрел раздался со стороны старого дома, находящегося напротив мотеля «Лоррейн». В этом доме помещается дешёвая гостиница, точнее, меблированные комнаты — руминг-хауз.

— Управляющая руминг-хаузом миссис Беси Брюэр сообщила агентам ФБР, что в три часа пятнадцать минут дня четвёртого апреля в гостиницу пришёл человек, назвавшийся Джоном Виллардом. Он снял, комнату на втором этаже дома, окна которого смотрят на мотель «Лоррейн», заплатил деньги за неделю вперёд, но после 6 часов вечера исчез.

— Постоялец меблированных комнат Чарльз Стефенс заявил полиции, что сразу после выстрела видел человека, который быстро вышел из ванной комнаты второго этажа гостиницы миссие Брюэр и, держа что-то длинное в руках, побежал к лестнице, ведущей к выходу из гостиницы. Чарльз Стефенс описал внешность человека, и с этих слов художники ФБР сделали его портрет.

— В десяти шагах от входа в руминг-хауз на тротуаре полицейские детективы обнаружили брошенный кем-то мешок, в мешке — одежду, бинокль, транзисторный радиоприёмник, две банки из-под пива «Шлитц», ещё какую-то мелочь. В мешке же была и винтовка «ремингтон» калибра 30.06.

Агенты ФБР сразу (и об этом вскорости официально было сообщено прессе) пошли именно по этой нитке следов: человек, поселившийся в отеле в 3.15, — человек, исчезнувший из руминг-хауза сразу после 6 часов вечера, — человек, который быстро шел от ванной комнаты по коридору к выходу из руминг-хауза, — человек, бросивший мешок и винтовку в 10 шагах от входа в руминг-хауз, — человек, умчавшийся на белом «мустанге».

Было объявлено, что благодаря винтовке и прочим вещам, оставленным убийцей, его настоящее имя (все понимали, что Джон Виллард — лишь псевдоним) будет скоро установлено.

Вечером 4 апреля в Мемфис прилетел министр юстиции Соединенных Штатов Америки мистер Рамсей Кларк.

И на другой же день, еще до того, как были выявлены и опрошены все возможные свидетели, Рамсей Кларк официально заявил прессе, что «убийца действовал в одиночку, никакого заговора не было».

Эти слова обеспечивались всем авторитетом министерства юстиции и подведомственного ему Федерального бюро расследований, которое, как отметил министр, снабдило его всеми данными на этот счет.

Чтобы не оставалось никаких сомнении, Рамсей Кларк повторил свое заявление — убийца действовал в одиночку, никакого заговора не было — через два дня — 7 апреля. И, видимо, считая это недостаточным, еще раз подтвердил то же самое 8 апреля 1968 года.

Министр юстиции США объявил также всему миру, что. ФБР не только сидит на пятках у преступника, скрывшегося на белом «мустанге», но даже знает, «на каких бензоколонках он заправляется бензином».

Реклама фебеэровским агентам, идущим по следам убийцы, была сделана на совесть.

Через 2 или 3 дня в газетах появился портрет подозреваемого убийцы, сделанный художником ФБР по показаниям Чарльза Стефенса.

Одним словом, убийца оставил так много следов и улик против себя — я бы сказал, неправдоподобно много следов и улик, — что не найти его в ближайшие дни, казалось, было просто невозможно.

Но время шло, бензин, как надо понимать, исправно заливали в баки белого «мустанга», а ФБР все сидело и сидело на пятках преступника, почему-то не в силах подобраться к его рукам и надеть на них наручники.

По номеру винтовки легко было установить, где и когда она была приобретена. Довольно быстро — 8 апреля — определили, что винтовка «ремингтон» была куплена 30 марта 1968 года, то есть за 5 дней до убийства Кинга, в городе Бирмингеме, штат Алабама, в магазине «Аэромарин сапплай» компани молодым человеком по имени Эрик Старво Голт. Наклеенная на рубашку, оставленную в мешке, метка прачечной позволила найти её в том же Бирмингеме и там узнать, что Эрик Старво Голт проживал одно время в дешёвеньком номере бирмингемского отеля.

Ещё через 3 дня — 11 апреля — в городе Атланте, штат Джорджия, был обнаружен белый «мустанг», принадлежавший преступнику. К некоторому смущению агентов ФБР, которые держали публику в полной уверенности, что «они» сидят на пятках у убийцы, оказалось, что брошенный «мустанг» стоит здесь в Атланте уже целую неделю.

Наконец, 20 апреля (через 16 дней после убийства) ФБР объявило: по отпечаткам пальцев на винтовке и на пивных банках установлено, что Джон Виллард, он же Эрик Старво Голт, на

самом деле является человеком по имени Джеймс Эрл Рэй, который отбывал наказание в тюрьме штата Миссури и бежал оттуда в апреле 19.67 года, то есть за год до убийства в Мемфисе.

Фотографии Джеймса Эрла Рэя появились во всех газетах и были показаны по телевидению. Я видел их на экране. Человек с моложавым лицом в вечернем костюме с бабочкой (его снимали во время вечеринки). На одном фото глаза закрыты (моргнул, когда вспыхнула лампа фотоаппарата), на другом — открыты (это уже работа полицейского ретушера). И тюремные фотографии: фас, профиль, внизу номер — СО 416.

Однако где находился этот человек с тремя именами, как ему удалось вырвать свои пятки из ухватистых рук фебеэровцев — всё ещё было неизвестно.

* * *

Итак, появилось реальное лицо, за которым стоял реальный человек с датой рождения, с мыслями, словами, поступками, друзьями и врагами, с реальной жизнью, наконец. А она — его жизнь — важна для нашего повествования. Поэтому, пока агенты ФБР преследуют Джеймса Эрла Рэя, познакомимся — очень коротко — с его жизнью до того момента, как он бежал из тюрьмы в апреле 1967 года.

Родился в 1928 году. Школу не окончил. В начале 1946 года был мобилизован в американскую армию. Служил в Западной Германии — в пехоте и в военной полиции. Был досрочно демобилизован за «неумение приспособиться к требованиям армейской службы». После армии долгое время не мог найти работы. В 1949 году попытался украсть старую пишущую машинку. Попался. Три месяца тюрьмы. В 1952 году, приставив пистолет к виску таксиста, отнял у него выручку — одиннадцать долларов. Попался. Тюрьма. Вышел на свободу и пытался ограбить бакалейную лавочку. Попался. Получил 20 лет. В общей сложности он провел за решеткой 13 с половиной лет. Несколько раз пытался бежать. За это срок был увеличен до 48 лет. Но он всё-таки бежал — в апреле 1967 года. И вот меньше чем через год разрядил винтовку «ремингтон» в Мартина Лютера Кинга. Так, во всяком случае, утверждало Федеральное бюро расследований, и это утверждение получило полную поддержку Министерства юстиции США устами министра Рамсея Кларка.

Биография Рэя свидетельствовала о том, что ФБР имело дело хоть и с профессиональным вором (если только признаком профессионализма можно считать неоднократные попытки

браться за одно и то же), но одновременно и с удивительным неудачником. Он попадался всегда. Попадался глупейшим образом. Один раз, проникнув в какую-то лавчонку и затем бежав оттуда с мелочью, о которой не стоило бы и говорить, он попался по той простой причине, что во время ограбления выронил и оставил на полу… своё удостоверение личности. В другой раз, ограбив прохожего и пытаясь скрыться, он перепутал улицы и… заблудился, а поняв это, не нашел ничего лучшего, как вернуться — к великому удивлению полицейских — к месту преступления, чтобы искать от печки нужную дорогу. Полицейские превозмогли удивление и, конечно, схватили преступника. Как-то раз он попался после ограбления какого-то мелкого учреждения, потому что, посчитав украденное, счел его недостаточным, вернулся и попытался снова залезть в разбитое им окно, чтобы унести что-нибудь ещё.

Таков был этот вор-неудачник, скорее персонаж для комедии, чем таинственный неуловимый злодей. Уж кого-кого, а такого человека ФБР, навалившись на него всей своей мощью, должно было арестовать, если не в первые минуты после выстрела, то хотя бы в первые часы. Однако прошла уже не одна неделя, а ФБР ничего не могло сообщить прессе, кроме того, что розыски ведутся в небывалых даже для Соединенных Штатов Америки масштабах.

Его разыскивали по «списку десяти» — самых опасных преступников страны. Все десять мест в списке были уже заняты, вакансий, что, называется, не было, но его имя всё-таки включили туда — одиннадцатым.

В истории американского сыска такое случилось лишь во второй раз.

Дни шли за днями. Прошёл апрель, май. Наступил июнь. Новых вестей об убийце Кинга не было. Каждый день того пульсирующего болезненными событиями года — года президентских выборов, войны во Вьетнаме, расовых беспорядков, антивоенных выступлений — приносил новые и новые вести о сенсациях или полусенсациях. Media[2] не могла пожаловаться на нехватку читабельного материала для заполнения газетных полос или дорогостоящего телевизионного времени. Казалось, после убийства Кинга вряд ли может случиться что-нибудь могущее «перекрыть» трагическую сенсацию 4 апреля или хотя бы стать с ней вровень. Однако через два месяца в ночь с 4 на 5 июня раздались новые выстрелы — на этот раз в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе. И снова, стукаясь о стенки телевизионного ящика, начала метаться Америка из конца в конец континента, из одного часового пояса в другой.

На сей раз жертвой стал Роберт Кеннеди, один из кандидатов в президенты США, только что одержавший победу на предварительных выборах в Калифорнии. А ещё через три дня, будто бы специально доказывая, сколь плотно переплелись в Америке преступления, 8 июня, после полудня, когда тело с гробом Роберта Кеннеди вынесли из собора Святого Патрика и траурная процессия (похороны и здесь были очень пышными) должна была двинуться вдоль 5-й авеню к вокзалу Пенсильвэниа стэйшн, вдруг были прерваны телевизионные передачи, и диктор сообщил, что в лондонском аэропорту Хитроу арестован Джеймс Эрл Рэй — человек, обвиняющийся в убийстве доктора Мартина Лютера Кинга. На экране возникли две уже знакомые фотографии…

Я видел, как на паперти собора Святого Патрика к вдове Кинга подбежал человек и что-то прошептал ей на ухо. Коретта резко повернула к нему голову. Несколько мгновений стояла неподвижно. Потом спокойно кивнула и медленно пошла дальше.

Так вдова Мартина Лютера Кинга узнала об аресте Джеймса Эрла Рэя.

Потребовалось ещё несколько часов, чтобы публике была выдана новая порция сведений, полученных корреспондентами у ФБР.

Один из паспортов Джеймса Рэя, как оказалось, был выдан ему в Оттаве (фотокарточка на его заявлении о заграничном паспорте и послужила нитью для поимки), другой — канадским консульством в Лиссабоне… Рэй появился в Торонто (Канада) на 4-й день после убийства Мартина Лютера Кинга. И жил там 4 недели… Один раз сменил гостиницу… Получив паспорт, купил за три с половиной сотни долларов билет на самолёт и отправился в Лондон… Потом — в Лиссабон… Там он, видимо, жил до последнего времени, а 8 июня вылетел в Брюссель с пересадкой в Лондоне…

Так это выглядело в тот жаркий, издерганный телевизионными судорогами день 8 июня 1968 года. Позже начали поступать уточняющие детали, часто противоречившие тому, что говорило ФБР представителям прессы вначале.

Стало, например, известно, что после побега из тюрьмы в 1967 году (обстоятельства побега были странными — охрана этой тюрьмы считалась одной из самых надежных) Джеймс Эрл Рэй, до этого мелкий вор-неудачник, вдруг стал богатым путешественником. Его фотографии, опубликованные во всех газетах Америки через две недели после убийства Мартина Лютера Кинга, помогли уточнить, что Рэй после тюрьмы побывал в Канаде, в Мексике, в Лос-Анджелесе, в Новом Орлеане.

Передвигался в основном на самолётах. Часто первым классом. Посещал бары. Платил безотказно наличными. Купил «мустанг» за 2 тысячи долларов. Учился в школе барменов в Новом Орлеане. Брал уроки танцев. Сделал небольшую пластическую операцию лица. Выправил себе документы на имена людей, реально существующих.

Это всё — до убийства Кинга.

Джеймс Эрл Рэй ещё находился в лондонской тюрьме, когда в газетах уже начали появляться некоторые детали его жизни после убийства Кинга.

Бросив свой белый «мустанг» в Атланте 5 апреля, он в тот же день улетел в Канаду. Хозяйка дешевёнькой гостиницы в Торонто, где он поселился 8 апреля, описывает своего постояльца так.

Хозяйка. Весьма благовоспитанный джентльмен. Весьма.

Вопрос. В чем выражалась эта благовоспитанность?

Хозяйка. Всегда аккуратно платил деньги. Ничем не беспокоил хозяев. Снимал комнату за 10 долларов в неделю.

Вопрос. Под каким именем он поселился у вас?

Хозяйка. Рамон Джордж Снейд — вот под каким.

Вопрос. Не можете ли вы сказать, как он проводил свои дни?

Хозяйка. Уходил обычно в половине девятого утра и возвращался к полудню. Затем снова уходил и уж не было его до вечера.

Вопрос. Он назвал вам свою профессию?

Хозяйка. Говорил, что агент по торговле недвижимым имуществом в какой-то солидной фирме. Хороший человек. Не пил, не шумел, не водил к себе гостей.

Вопрос. Вы ведь, наверное, видели его фотографию, когда она появилась в газетах? Не обратили ли вы внимание на сходство?

Хозяйка. Ну как же, конечно, видела. Я всё читала, что писали про убийство Кинга. Всё, что было в газетах. И вы знаете, мне как раз показалось, что наш постоялец похож чем-то на этого убийцу. Определённо похож…

Вопрос. И как вы поступили?

Хозяйка. Как поступила? Я пошла и рассказала об этом мужу. Тот даже руками всплеснул: «Ты с ума сошла! Чтобы такой человек кого-нибудь убил! Просто случайное сходство». Ну я и забыла про ту фотографию.

* * *

Как о человеке спокойном, уравновешенном, говорили о

Джеймсе Рэе и все, кто общался с ним в Канаде после 5 апреля. Например, мисс Спенсер, служащая конторы путешествий, с помощью которой Джеймс Рэй выправил заграничный канадский паспорт, говорила:

— Мистер Снейд произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Он пришёл ко мне 16 апреля и попросил продать ему билеты на самолет до Лондона и обратно. Назвался продавцом автомобилей Районом Снейдом. Я спросила, есть ли у него паспорт. Паспорта не оказалось, и я заполнила для него и отправила в Оттаву формальное заявление с просьбой о канадском заграничном паспорте…

По странной иронии судьбы, контора путешествий мисс Спенсер носит имя Кеннеди…

Оформив отправку заявления о паспорте, Рамон Снейд 19 апреля распрощался с гостеприимными хозяевами гостиницы, на которых он произвел столь хорошее впечатление, и в тот же день переехал в маленький отель в бедняцком итало-негритянском районе Торонто. Там он зарегистрировался под именем Пола Бриджмена, госпитального служащего, и снял на втором этаже маленькую комнату за девять долларов в неделю. Хозяева гостиницы, старики китайцы мистер и миссис Сан Лу, рассказывали, что постоялец, вел себя абсолютно спокойно и платил вполне аккуратно.

Паспорт был готов 25 апреля. 2 мая Рэй получил его на руки, предъявив мисс Спенсер свидетельство о рождении Района Снейда (как потом стало известно, в распоряжении Джеймса Рэя было и свидетельство о рождении Пола Бриджмена), и тут же приобрёл билет в Лондон, заплатив за него наличными 345 долларов.

По свидетельству мисс Спенсер, платил он американскими долларами, мелкими купюрами…

6 мая Снейд последний раз внес плату мистеру и миссис Сан Лу за постой и в тот же день отбыл в Лондон.

Оттуда он вскоре же вылетел в Лиссабон, где поселился в отеле «Португал». Жил там до 17 мая. В португальском отеле о постояльце тоже сложилось самое выгодное впечатление. Он, правда, часто бывал в барах, выпивал (любимый коктейль — screw driver — «отвёртка» — водка с апельсиновым соком), но платил исправно и держался уверенно. Настолько уверенно, что даже рискнул обратиться в канадское консульство за получением второго паспорта на имя Района Снейда, мотивируя это тем, что в написании его фамилии в первом паспорте была допущена орфографическая ошибка. Новый паспорт ему выдали.

17 мая Снейд исчез из отеля «Португал» и, где жил, чем

занимался, как себя чувствовал и вел, было неизвестно. Белое пятно простиралось до 28 мая, когда он появился в лондонском отеле «Нью эрлз корт» и снял там номер.

И опять самые благожелательные отзывы. Спокоен, воспитан, хорошо одет, аккуратен в платежах.

И только последние три дня перед арестом его будто подменили. Такой вывод можно было, во всяком случае, сделать из рассказа хозяев небольшого отеля без названия возле лондонского аэропорта, куда Джеймс Рэй неожиданно переехал из отеля «Нью эрлз корт» в среду 5 июня (в день, когда был убит Роберт Кеннеди). Хозяева рассказывали, что мистер Снейд был чем-то очень встревожен. Круглосуточно сидел в комнате, никуда не уходил, кроме коротких отлучек на угол за едой и газетами. Когда в первое утро хозяйка принесла, ему завтрак, он не открыл комнату и распорядился поставить поднос перед дверью. «Он казался больным, — рассказывала хозяйка, — и целыми днями лежал в постели. К нему никто не ходил. И только дважды звонили из британской авиакомпании по поводу его билета в Западную Германию».

Утром, в субботу 8 июня, он расплатился и поехал, в аэропорт. Через некоторое время он был арестован там агентами Скотланд-Ярда.

При нем оказался заряженный пистолет. Однако Джеймс Эрл Рэй не оказал сопротивления. Был немногословен. И, кажется, не очень удивился аресту. Но в полиции твердо и категорично заявил: «Я не убивал Мартина Лютера Кинга».

* * *

Уже первые сообщения, которые газеты получили разными путями, вызвали у читателей много недоумений.

Прежде всего стало ясно, что заявление Эдгара Гувера и Рамсея Кларка о том, что «ФБР сидит на пятках у преступника» и даже знает, где он заправляет свой «мустанг», было сплошным надувательством.

Мало того, оказалось, что ФБР практически не имело отношения к поимке Джеймса Эрла Рэя. Как потом выяснилось, все произошло случайно. Фотография Рэя попалась на глаза управляющему неким отелем в Монреале, в котором Джеймс Эрл Рэй жил осенью 1967 года после побега из тюрьмы. Увидев фотографию, управляющий узнал в Рэе своего постояльца и сообщил об этом в полицию. Канадская полиция тут же принялась проверять — кому были выданы заграничные паспорта с лета

1967 года. Так было найдено заявление на паспорт от Района Джорджа Снейда, которое тот направил в Оттаву через бюро путешествий мисс Спенсер. По фотографии на этом заявлении полиция установила 1 июня 1968 года, что паспорт был выдан Джеймсу Рэю. Ещё через 2 дня по регистрационным книгам авиакомпании было выяснено, что 6 мая Рамон Снейд улетел из Торонто в Лондон, а оттуда — 7 мая — в Лиссабон. Его принялись искать в Лиссабоне. Но Снейд в это время уже в течение 2 недель снова жил в Лондоне. 8 июня английская полиция, узнав, что британская авиакомпания получила заказ от Рамона Снейда на билет в Брюссель, арестовала его на аэродроме.

ФБР настолько было не в курсе дела, что в его официальном заявлении, выпущенном в день ареста, говорилось, будто Рэя арестовали при пересадке на пути из Лиссабона в Брюссель.

Выяснилось также, что ФБР узнало о том, что Джеймс Рэй скрывался некоторое время в Канаде, только 1 июня 1968 года, то есть, когда тот уже находился в Лондоне. ФБР не слишком-то усердно занималось преследованием убийцы Мартина Лютера Кинга…

К этим странным обстоятельствам добавлялись и другие, еще более странные.

Известно, что после выстрела в Мемфисе Рэй нигде не работал. Однако у него водились деньги, он посещал бары в Торонто, Лондоне, Лиссабоне, всегда расплачиваясь наличными — в американских долларах, не обращая внимания на невыгодный курс обмена валюты. Он покупал дорогостоящие авиационные билеты. Подобный же образ жизни он вел в США, Канаде и Мексике до убийства Кинга, после своего побега из тюрьмы штата Миссури.

Миссис Сан Лу, хозяйка маленькой гостиницы в Торонто, рассказала, что 2 мая к ее постояльцу Снейду приходил какой-то высокий грузный человек. Снейда Рэя не оказалось дома, и человек оставил для него конверт. В тот же день, после получения конверта, Рэй заплатил 345 долларов за авиабилет в Лондон и расплатился за гостиницу.

У Джеймса Эрла Рэя были документы на имя Района Джорджа Снейда, Эрика Старво Голта и Пола Бриджмена. Когда этот факт стал достоянием гласности, оказалось, что в городе Торонто имеются реально существующие люди, носящие эти имена и фамилии. Никто из них не знал друг друга и не знал раньше Джеймса Рэя. Но один из них — Эрик Старво Голт — физически был похож на Рэя (оба одинакового роста, телосложения, возраста, даже особые приметы сходились: у Джеймса Рэя два шрама на лбу и один на ладони, у Эрика

Голта — один шрам на лбу и по одному на каждой ладони).

Каким образом незадачливый вор, апофеозом карьеры которого была попытка стянуть старую пишущую машинку, попадавшийся на всех самых пустяковых кражах, чем вызывал удивление и даже смех полицейских, оказался обладателем такого количества денег, документов, столь умело преодолел все заградительные кордоны, которые поставили вокруг него полиция и ФБР?

Кто подбирал людей, чьими именами пользовался преступник? Кто выправлял документы на эти имена?

Неужели тот самый Джеймс Эрл Рэй? Неужели у него хватило ума, смелости, сообразительности, ловкости, да просто времени на все это?

Копилка с недоуменными вопросами продолжала наполняться.

По данным ФБР, 28 августа 1967 года Джеймс Эрл Рэй под именем Эрика Голта поселился в меблированных комнатах города Монтгомери, штат Алабама. Однако управляющий отелем в Монреале (который обратил внимание на фотографию Джеймса Рэя в газетах и сообщил о ней в полицию) утверждал, что 28 августа 1967 года Джеймс Эрл Рэй находился в Монреале и жил у него в отеле.

Когда хозяину меблированных комнат в Монтгомери показали фото Джеймса Рэя, он, как сообщил журналист из газеты «Дейли ньюс», не признал в нем жившего у него Эрика Голта.

По данным ФБР, человек, назвавшийся Эриком Голтом, купил 30 августа 1967 года в Монтгомери белый автомобиль марки «мустанг», на котором впоследствии Джеймс Рэй исчез из Мемфиса. Однако когда торговцу автомобилями показали фото Джеймса Рэя, он сказал: «Этот вовсе не похож на парня, которому я продал „мустанг“. Я просто не узнаю его».

По данным ФБР, 6 сентября 1967 года человек по имени Эрик Голт получил водительские права на это имя в Алабаме. Но по сведениям канадской полиции, Джеймс Эрл Рэй в это время все еще находился в Монреале.

Так, может быть, псевдонимами Джеймса Эрла Рэя пользовался не только он, но и какие-то другие люди, которые ему помогали?

Вопросы нанизывались один на другой, и в конце концов составили нескончаемую цепь, в самом начале которой стоял еще один вопрос, требовавший ответа: зачем Эдгару Гуверу и Рамсею Кларку понадобилось на другой день после убийства Мартина Лютера Кинга во всеуслышание заявлять, будто у ФБР есть

данные, что «никакого заговора не было, преступник действовал в одиночку»?

А тут ещё старший брат Джеймса Рэя — Джон Лэрри Рэй, у которого взяли интервью журналисты из телевизионной компании Эй-Би-Си, добавил: «Не думаю, что *он* сделал это. Я думаю, его использовали, в каком-то смысле, как приманку… Я думаю, с ним установили контакт уже после побега из тюрьмы. Кто-то знал, что он подойдет для этого…» И еще брат сказал: «Я не удивлен, что он был в Лондоне. Я удивлен, что его поймали. Если мой брат убил Кинга, он это сделал за деньги. Он никогда ничего не делал, если не получал за это деньги. А те, кто заплатил ему, не хотят, конечно, чтобы он сидел в суде и рассказывал все, что знает. Вот почему я удивлен его аресту…»

Но вопросы оставались вопросами — разрозненными, не связанными между собой. Они вели к выводу о возможном заговоре; но что это был за заговор, кто принимал в нем участие, как был организован — на все это ответ могло и должно было дать только следствие.

Газеты сообщали, что следствие идет своим чередом, быстро и споро. Улик предостаточно. Результатов ждали с нетерпением. И с таким же нетерпением ждали начала суда. Именно на суде все должно было стать явным. Именно на суде должны были быть получены ответы на все вопросы.

Наконец была установлена твердая дата — 12 ноября.

И вдруг — неожиданность. За две недели до начала суда вышел журнал «Лук» (номер датирован именно 12 ноября, но на прилавках он появился в конце ноября) с сенсационной статьей об убийстве Мартина Лютера Кинга. Это была первая статья в серии из трёх, обещанных журналом, в которой известный писатель из Алабамы Уильям Бредфорд Хьюи рассказывал историю Джеймса Рэя после побега из тюрьмы в августе 1967 года и до убийства Мартина Лютера Кинга. История была написана, по существу, самим Рэем. Он писал её на тетрадных листочках в тюрьме и передавал писателю. Хьюи заплатил Джеймсу Рэю за право публикации этих листочков и своих комментариев к ним 47 тысяч долларов.

Если коротко пересказать историю Рэя, написанную им самим для алабамского писателя, то она сводится вот к чему.

После побега из тюрьмы в 1967 году Рэй встретил человека по имени Рауль. Человек этот — кубинец по происхождению (в Соединенных Штатах, как известно, много контрреволюционных кубинских эмигрантов), небольшого роста, светловолосый — сам познакомился с Рэем. Он пообещал беглецу большие деньги и безбедное существование где-нибудь в безопасном месте, где

можно не бояться полиции и насильственного возвращения в тюрьму штата Миссури. За эти блага Рэй должен был выполнить несколько поручений Рауля. Рэй пытался узнать — каких поручений. Рауль ответил: «Деньги платят не за вопросы, а за дело».

И началась странная жизнь беглого узника. По поручению Рауля он переезжал из города в город, регистрировался в отелях под разными именами (документы обеспечивал Рауль), поступил в школу барменов в Лос-Анджелесе, учился в школе танцев в Новом Орлеане. Сделал небольшую пластическую операцию лица. Несколько раз ездил на машине в Мексику и возвращался обратно. Как догадывался Рэй, он перевозил контрабанду, вероятнее всего наркотики, в надутой камере запасного колеса. Он получал от Рауля деньги, довольно большие деньги. По его приказу Рэй обзавелся автомобильными правами, приобрел автомобиль «мустанг» за 2000 долларов. В конце марта Рэй по приказу Рауля купил винтовку «ремингтон» и на своем «мустанге» приехал 4 апреля 1968 года в Мемфис. Строго выполняя предписания Рауля, он снял в старом доме на Саут-Мейн-стрит дешевенькую меблированную комнату № 5 рядом-с ванной комнатой, из окна которой был хорошо виден балкон мотеля «Лоррейн», как раз в том, месте, где находится дверь с табличкой «306».

* * *

Хьюи построил свои статьи очень убедительно. Каждому абзацу, написанному самим Рэем, сопутствовало несколько абзацев, написанных Хьюи. В них он рассказывал читателям, как проверял каждое имя, каждое место, каждого человека и каждый адрес, на которые ссылался Рэй. Хьюи изъездил всю страну, повторив весь маршрут поездок Рэя, которые тот совершал по поручению Рауля. Он встретился почти со всеми людьми, с которыми встречался Рэй, записал беседы с ними на магнитофонную пленку и. убедился, что Рэй не переврал ни одного разговора, не ошибся ни в одном адресе (если Рэй не помнил или не знал адреса, он по просьбе Хьюи рисовал подробную схему — и ни разу схема не оказалась придуманной или неточной).

Так писал Хьюи в своей первой статье и затем во второй, которая появилась в следующем номере журнала.

Хьюи, конечно, не встречался с Раулем, потому что и сам Рэй не знал постоянного адреса своего таинственного хозяина.

Инициатива встреч всегда исходила от светловолосого кубинца. Рэй был лишь обязан находиться в том месте, где приказывал ему быть хозяин. Журнал опубликовал две статьи. Обещал третью. В анонсе объявлялось, что именно в ней автор расскажет, как был убит 4 апреля 1968 года Мартин Лютер Кинг. Американцы — да и не только они — с нетерпением ждали этой третьей, заключительной статьи. Ждали с не меньшим нетерпением, чем начала суда в Мемфисе.

* * *

Всё было готово к суду. Сто городских полицейских и наличные силы шерифа графства Шелби были выделены для охраны. Каждый, кто входил в четырехэтажное здание суда, прежде всего был обязан предъявить документы, затем заполнить специальную анкету. После этого человека фотографировали и брали у него отпечатки пальцев. Кроме того, его снимали на видеомагнитофон, чтобы зафиксировать походку, характерные жесты, мимику. Затем человека обыскивали. Ловкие полицейские руки рылись в бумажниках, отвинчивали колпачки авторучек, заставляли стягивать башмаки, вынимали стельки, простукивали каблуки. Только после всего этого разрешалось войти в небольшой зал судебного заседания.

В самом зале, кроме охранников, стояли телевизионные камеры, направленные на публику и регистрирующие каждое движение присутствующих в зале. Ежедневному обыску и всей процедуре проверки должны были подвергаться без исключения все, кто входил в зал заседаний, даже судья Бэттл.

Другими словами, власти города Мемфиса предприняли все возможное, чтобы с Джеймсом Рэем в их городе не произошло то, что случилось в Далласе с Ли Харви Освальдом, обвинявшимся в убийстве президента Кеннеди.

К разочарованию журналистов, для них было отведено весьма ограниченное число мест в зале суда. Было отказано в пропусках представителям таких газет, как «Вашингтон пост», «Нью-Йорк дейли ньюс», «Нью-Йорк пост».

Предполагалось, что суд продлится как минимум недель шесть.

Вдруг случилось непредвиденное. За сутки до начала суда, то есть 11 ноября 1968 года, Джеймс Эрл Рэй, человек, обвиняемый в убийстве Мартина Лютера Кинга, заявил, что он решил сменить адвоката…

Суд откладывался.

Вначале никто не мог понять — что означало это неожиданное решение подсудимого (а судебные власти в Мемфисе объяснили прессе, что это решение принял именно Джеймс Рэй и никто никакого давления на него не оказывал). Ведь с момента, когда его адвокат Артур Хэйнс взялся за дело, прошло почти полгода. Услуги адвоката всеамериканской известности стоят не одну тысячу долларов и даже не один десяток тысяч. Правда, Рэй получил 47' тысяч долларов от писателя Уильяма Бредфорда Хьюи за право публикации статей в журнале «Лук». Но этих денег (особенно после вычета налогов) явно не хватит на оплату второго адвоката (им был объявлен не менее, а еще более известный в США адвокат Перси Формэн), который должен был теперь приниматься за все дело с самого начала, знакомиться, с материалами следствия, проводить свои собственные экспертизы, делать собственные выводы. В чем крылась причина отказа Рэя от опытного адвоката? Может быть, Хэйнс был Недостаточно активен как защитник? Может быть, не веря в успех защиты убийцы Мартина Лютера Кинга, он сам отказался от дела?

Журналисты бросились к Хэйнсу за разъяснениями и нашли его взбешенным.

— Как вы объясните это неожиданное решение вашего подзащитного?

— Какого чёрта! Как я могу объяснить?! Я услышал об этом вместе с вами! — почти кричал Хэйнс.

— Что вы собираетесь делать?

— Что я могу делать?.. Ничего я не могу делать. Но одно я обещаю — я не передам своих материалов тому, кого он наймёт после меня, пока не получу те пятнадцать тысяч долларов, которые этот идиот ещё должен мне… Сполна. До одного цента!.. Пусть Перси Формэн и не пытается звонить мне, пока у меня не будет 15 тысяч!..

— Вы считаете, что Рэй виновен в убийстве Кинга?

— Виновен! Возможно, виновен. Но я уверен, что не он один. Он только соучастник. Причём, вполне возможно, соучастник невольный. Соучастник убийства, в котором не участвовал… Только сейчас об этом уже бессмысленно говорить…

— Вы согласны с версией писателя Уильяма Хьюи?

— Вот-вот, почитайте его статьи… Там многое сказано. В последней статье будет рассказано всё до конца…

* * *

Суд в Мемфисе откладывался. Откладывались ответы, которые желала услышать Америка, да и не только Америка. Ну что ж, с тем большим нетерпением принялись люди ждать. появления третьей, заключительной статьи Уильяма Хьюи в журнале «Лук». В ней писатель обещал рассказать о 4 апреля 1968 года в Мемфисе, о том, кто целился в Мартина Лютера Кинга из окна ванной комнаты напротив мотеля «Лоррейн», кто нажал спусковой крючок винтовки «ремингтон» калибра 30.06, как удалось Рэю — мелкому вору-неудачнику — столь долго и столь мастерски водить за нос ФБР, полицию США, Канады, Англии, Португалии и даже Интерпол.

И вдруг — новая неожиданность. За несколько дней до выхода журнала «Лук» с ожидавшейся заключительной статьей Хьюи в газетах появилось сообщение, что статьи не будет. Ни в следующем номере, ни в последующем, ни через последующий. Вообще не будет.

Как так? Ведь было объявлено!

А вот так. Не будет, и все. Без объяснения.

Газеты писали, что статья была в редакции. Ее то ли набрали, то ли собирались набрать. И вдруг решение — статью не печатать. Чьё решение? Автора? Редакторов? Владельцев журнала?

Неизвестно.

Надо сказать, решение не печатать статью, которая уже разрекламирована, которую ждут миллионы читателей, необычно для американской прессы. Необычно прежде всего потому, что первые две статьи вызвали огромный интерес. Тираж двух номеров «Лука» увеличился почти на миллион экземпляров. Третья статья обещала увеличение тиража ещё на столько же: Рекламодатели спешили закупить для себя место именно в этом третьем номере. Барыш сам шёл в руки, и барыш немалый. А для журнала, финансовые дела, которого были не блестящи, такой рост тиража и популярности — огромное дело, залог возможных успехов в будущем.

И всё же статья не появилась. Не появилась, хотя владельцы журнала понимали, какой колоссальный, урон не только финансовому положению, но и престижу их издания принесет отказ от публикации обещанной статьи (через несколько лет «Лук» скончается, подточенный нерентабельностью). Понимали и все же решились не печатать…

Да, это было весьма необычное для американских нравов решение.

Сведения о содержании третьей статьи все же проникли за стены редакции. Как их убережёшь, если статья была в редакции и её читали десятки людей.

Вот в общих словах её содержание.

Рэй, по его собственным словам, действительно снял комнату в доме, напротив мотеля «Лоррейн» с окнами, выходящими в сторону балкона номера, где жил Кинг. 4 апреля в эту комнату пришел Рауль, а Рэй по его приказу спустился вниз.

Через несколько мгновений после того, как раздался выстрел, Рауль подбежал к машине (по дороге бросив на тротуар мешок и винтовку в чехле), влез в неё, лёг на пол у заднего сиденья и накрылся подстилкой. Рэй погнал «мустанг» в северную часть города. Через некоторое время, когда он остановил машину перед светофором, Рауль открыл дверцу, вышел из машины и исчез.

Как было установлено, Рэй доехал на машине до Атланты, оттуда на самолёте улетел в Канаду, а затем с паспортом, полученным по документам, которыми заранее снабдил его Рауль, улетел в Лондон. Позже его должен был найти Рауль и отдать причитавшиеся деньги — 12 тысяч долларов.

Такова была история, рассказанная Рэем и, насколько было возможно, проверенная Уильямом Хьюи. И хотя третья статья не появилась, но уже вторая статья Хьюи заканчивалась твёрдым выводом автора: убийство Кинга было результатом заговора, в заговоре участвовали люди, которые стремились к обострению расовых противоречий в Соединённых, Штатах. Что это за люди? Ответ дал сам Хьюи в интервью по радио в связи с публикацией его статей. «После длительной поездки по южным штатам для проверки рассказа Рэя, — сказал он, — я убедился, что речь идет о заговоре правых реакционных сил».

Надо сказать, что Хьюи убедил многих в Америке. Рассказанное им трудно было опровергнуть. В добросовестности известного автора мало было сомнений.

* * *

Приблизительно в это время, когда улик, говорящих о заговоре — причем о заговоре справа, — казалось, накопилось немало, вдруг неожиданно выплыла версия о том, что Кинга убили «сами левые», его друзья.

В год убийства Кинга писатель Трумэн Капоте был сравнительно нестар. Небольшого роста, блондин со светлыми глазами и очень белой кожей лица. Обычно он появляется на публике в широкополой чёрной шляпе и длинном черном пальто, застегнутом на все пуговицы. Это его «торговая марка» — трейд-марк, как говорят американцы. Часто этот наряд дополняют ещё чёрные очки и всегда неожиданно тонкий мяукающий голос и

жеманная медленная манера разговора — с придыханиями. С тех пор как появился его известный документальный роман «Хладнокровное убийство», Капоте считается в Америке специалистом по психологии преступления и иногда берется распутывать весьма сложные уголовные дела — просто так, ради интереса, ради, как говорится, интеллектуального моциона.

Разговор, который я сейчас приведу, состоялся в программе Джонни Карсона, популярнейшем «разговорном шоу» американского телевидения. Капоте — нужный гость на ТВ. Он необычен, а необычность привлекает. И Джонни Карсон ради него даже пожертвовал встречей с сестрой жены президента Джонсона, которая уже была запланирована на тот вечер.

— Скажите, пожалуйста, Трумэн, у вас, как говорят, есть версия убийства Кинга?

— М-да, кое-что есть.

— В чем она состоит? По-вашему, Мартина Лютера Кинга убил Рэй?

— Я согласен назвать убийцу этим именем. Но в наше время имена настолько не имеют значения, а поддельный документ, который выглядит лучше настоящего, настолько не проблема, что я готов назвать убийцу любым именем. Если хотите его называть Рэем, пожалуйста, пусть это будет Рэй.

— Джеймс Эрл Рэй?

— Джеймс Эрл Рэй, если вам угодно.

— В чём же ваша версия, отличается от официальной?

— Я не ставил себе целью, чтобы моя версия отличалась или не отличалась от официальной. Разве официальная версия — это какой-нибудь эталон?

— Но всё-таки вы считаете, что Кинга убил Джеймс Эрл Рэй?

— Я не знаю настоящего имени убийцы Мартина Лютера Кинга, но мы с вами условились называть его Джеймс Эрл Рэй. С таким же успехом мы могли бы назвать его Икс, Игрек, Зет. Версия моя состоит в том, что тот Рэй, который убил Кинга, мертв. Он мёртв уже месяц или около того.

— Он погиб или его убили?

— Его убили свои же. Те, кто организовывал убийство Кинга.

— Вы имеете в виду правых, расистов?

— Нет. Я имею в виду левых. Может быть, даже очень близких к Кингу людей. Они организовали это убийство.

— Мотив?

— Ну, это совсем просто: для того, чтобы спровоцировать расовые беспорядки в городах Америки.

— Зачем они им?

— Любым левым всегда полезны беспорядки… Впрочем,

правым они, возможно, ещё более полезны.

— Чем, позвольте спросить?

— Дают повод, чтобы расправиться с левыми…

— Не кажется ли вам, что наш разговор похож на разговор двух регулировщиков уличного движения? Справа, слева, слева, справа?

— …Я хочу вам ответить прямо: Кинга убили левые, ультралевые, которые недовольны были Кингом из-за того, что он отрицал насилие. Из этого убийства они извлекают две выгоды: убирают со сцены ненужного им миротворца и вызывают расовые беспорядки в городах. Они убили Кинга, они же убили и того человека, которого мы с вами условно назвали Джеймс Эрл Рэй…

У Капоте удивительно холодные глаза, и его сравнительную молодость или, точнее, сравнительную нестарость подводит жеваный подбородок и нижняя губа, которую он по временам, как старушка, поджимает, отчего лицо его принимает одновременно обиженное и кокетливое выражение. Говорит он, мяукая, тоненьким голоском, заводит при этом глаза вверх, под свою шляпу, будто хочет рассмотреть, что там под этой, известной всей Америке шляпой. Американец, он говорит с английским акцентом, очень медленно…

— Преступник рождается преступником, — продолжает Капоте. — В нем заложены гены преступлений.

— Вы можете по внешнему виду отличить преступника от честного человека?

— Не всегда, но многие убийцы имеют нечто общее.

— Например?

— Ну, например, я никогда не встречал жестокого убийцы — я, естественно, имею в виду не убийство в состоянии аффекта, а предумышленное жестокое убийство, — который не имел бы татуировки.

— Но ведь это, наверное, зависит от среды?

— Вы меня спросили, могу ли я отличить по внешнему виду преступника, я вам отвечаю. А о среде мы с вами в данный момент не говорим.

Джонни Карсон улыбнулся и хотел задать следующий вопрос…

— И ещё один внешний признак, — домяукал Капоте, глядя на ведущего почти насмешливо: — Я никогда не встречал убийцы, который, принимаясь рассказывать о совершенном им преступлении, не начал бы улыбаться…

* * *

Идею об убийстве Кинга «слева» выдвигал не только Трумэн Капоте. За ним эту версию повторил, например, журнал «Тайм». Но в дальнейшем, по-видимому, было решено придерживаться сценария «одинокого убийцы» — он считался безопаснее, и версия «заговора слева» заглохла.

Новый адвокат, которого назвал в своём письменном заявлении Джеймс Эрл Рэй, — техасец Перси Формэн, сказал, что для изучения дела ему потребуется минимум три месяца. Судья удовлетворил просьбу, суд был отложен на три месяца.

Три месяца прошло. Ещё раза два откладывалось начало суда.

Наконец, была назначена окончательная, как говорили, дата — 12 марта 1969 года.

И вдруг — новое странное и на первый взгляд невероятное событие. Накануне назначенного дня судебные власти в Мемфисе объявили, что между обвинением и защитой заключено соглашение: Рэй признаёт себя виновным и в обмен получает не электрический стул, а 99 лет тюрьмы.

Суда, же в общепринятом виде не будет. Не будет показаний свидетелей, не будет перекрестных допросов, не будет сомнений. Будет лишь выступление обвинителя, в котором он приведет основные доказательства виновности подсудимого в убийстве Мартина Лютера Кинга, будет выступление адвоката, в котором он согласится с неоспоримостью аргументов обвинения, и будет сообщение, что подсудимый признает себя виновным. Вот и всё.

* * *

Так оно и было. Суд начался 12 марта и в тот же день и закончился.

Обвинитель выступил перед присяжными с короткой, но энергичной речью, в которой заявил, что сомнений в виновности Джеймса Эрла Рэя нет, как нет сомнений и в том, что Рэй действовал в одиночку, что никакого заговора не было, а улик против подсудимого более чем достаточно, чтобы посадить его на электрический стул, но поскольку тот поступает благоразумно, признает себя виновным и тем самым избавляет всех от утомительной и дорогостоящей процедуры слушания дела, то обвинение согласно заменить электрический стул 99-летним тюремным заключением.

Защитник в ответ произнёс несколько комплиментов в адрес обвинителя и, не пытаясь защищать подсудимого, просил верить ему, что Рэй действовал в одиночку и что улик совершенно достаточно для того, чтобы посадить подзащитного на

электрический стул. Однако, сказал защитник, поскольку Рэй проявил благоразумие, признал себя виновным, освободил суд от необходимости долгого, хлопотного и дорогостоящего слушания дела, то защитник согласен с гуманным требованием обвинителя о 99-летнем тюремном заключении.

Судья похвалил обвинителя, похвалил защитника, сказал, что раз обвиняемый благоразумно признал себя виновным, избавив суд и т. д., то разбираться тут не в чем, все ясно. Гуманный закон штата Теннеси позволяет, сказал судья, в подобных случаях безо всякого слушания дела приговорить обвиняемого, преступление которого достойно, конечно, смертной казни, к мере наказания, с которой согласны как обвинение, так и защита, то есть к 99 годам тюремного заключения.

Рэй выслушал приговор, растерянно крутя головой.

— Вы хотите что-нибудь сказать? — милостиво обратился к нему судья. — Последнее слово подсудимого?

Рэй встал, одёрнул рукава, посмотрел на своего защитника, потом на обвинителя, на присяжных, на судью.

— Ваша честь, — сказал он, — да, я хотел бы кое-что поправить…

Обвинитель, судья, защитник воззрились на него с некоторым удивлением.

— Нет, я не собираюсь менять что-нибудь из того, что уже сказал, — счёл нужным успокоить их Рэй. — Но я хотел бы кое-что дополнить…

— Что? — угрожающе спросил судья.

— Одну вещь надо сказать… насчет того, что я не согласен с мистером… — Рэй снова посмотрел вначале на защитника, потом на обвинителя, потом на судью.

— С кем вы не согласны? — спросил судья.

— С мистером Кларком.

— С каким мистером Кларком? — удивился судья.

— Мистером Рамсеем Кларком, — уточнил защитник Формэн.

— Мистер кто? — не расслышал судья.

— С мистером Кларком и мистером Эдгаром Гувером, — сказал Рэй.

— С мистером Кларком и мистером Эдгаром Гувером?! — В словах судьи прозвучало весёлое удивление.

— Но я не собираюсь ничего менять… — снова успокоил Рэй.

— Так с чем же вы не согласны? — спросил судья.

— С мистером Кэнейлом. С мистером Кларком, мистером Гувером и мистером Кэнейлом[3]. — Рэй добавил уже третье имя.

— Ну, понятно, понятно. С чем же вы всё-таки не

согласны? — Терпение судьи начинало иссякать.

— Насчёт заговора, — тихо сказал Рэй. — Потому что…

— Что насчёт заговора? Какого заговора? — прервал его судья. — Ведь вы признали себя виновным!

— Я признал себя виновным, я виновен. — Рэй дёргал себя за рукава пиджака. — Но я не согласен насчёт того, что заговора не было… нельзя сказать, что заговора не было.

— Это уже не имеет значения, — судья решил поставить точку, — главное, что вы признали себя виновным. Ещё раз я вас спрашиваю: согласны вы признать себя виновным и получить 99 лет вместо электрического стула?

Рэй беспомощно повертел головой, увидел глаза, лишенные сочувствия к нему, и сказал хрипло:

— Да, сэр… согласен…

Сенсационная весть разлетелась по всей стране. Журналисты осаждали здание суда в Мемфисе. Их туда не пускали. И оттуда никто не выходил. Рэя держали там взаперти. Корреспонденты решили стоять насмерть и дежурить возле здания суда всю ночь. Они заняли позиции у всех дверей, откуда могли вывести Джеймса Рэя. Продрогли — мартовские ночи в Мемфисе холодные. Злились на полицию: о времени вывода Рэя никто не сказал корреспондентам ни слова.

Но журналистов все-таки обманули. В час ночи Рэя, переодетого в форму заместителя шерифа, провели перед самым их носом. Никто из них и глазом не моргнул — не представляли, что полиция может пойти на такую хитрость.

Рэя посадили на заднее сиденье полицейского автомобиля, с окнами, забранными пуленепробиваемой металлической сеткой, и отвезли вначале в домик дорожного патруля, а оттуда, переодев в штатское, в пять утра в караване из восьми полицейских машин помчали со скоростью 80 миль в час в Нашвилл, штат Теннесси. В 8 часов утра его ввели в здание нашвилльской тюрьмы в наручниках и кандалах, соединенных общей цепью, чтобы оставить его здесь на 99 лет.

Его поместили в камеру № 4. Два метра ширины, три — длины. Койка, стульчак, умывальник. Железобетонные стены, выкрашенные зелёной масляной краской.

Только под утро разошлись обозленные фотокорреспонденты от здания судебной тюрьмы в Мемфисе, поняв, что их всё-таки ловко обманули. И бросились к Уильяму Хьюи — человеку, который печатал в журнале «Лук» сенсационные статьи. Что он думает обо всем этом? Ведь он так убедительно доказал, что Рэй действовал не один, что убийство Кинга — результат заговора, в котором Рэй, приговорённый к 99 годам, — далеко не главная

фигура! Как совместить это с решением суда в Мемфисе, суда, которого, по существу-то, и не было?..

Хьюи долго не принимал журналистов, отказывался отвечать на их вопросы, а когда принял, журналисты встретились с новой неожиданностью.

— Я тоже пришёл к выводу, что Рэй действовал один, — сказал им Хьюи.

— Но, позвольте, вы так убедительно доказывали обратное?!

— Да, доказывал, но потом изменил свое мнение.

— Вы получили дополнительные свведения? Рэй отказался от своей версии?

— Нет, просто я изменил свою точку зрения.

— Почему?

— Я нигде не мог найти мистического Рауля. Я не встречал его и не видел людей, с которыми он встречался. И Рэй мне не смог назвать ни однегбо человека, который бы знал Рауля. Я пришёл к выводу, что Рэй выдумал его. Поэтому я сам отказался от публикации третьей статьи.

Ответ был весьма странным. Хьюи собирал материал и проверял его досконально в течение 5 месяцев. Он не изменил своей точки зрения после того, как была напечатана первая статья, не изменил своей точки зрения, когда появилась вторая статья. И вдруг в короткий промежуток времени, между публикацией второй и третьей статей, он повернул свою позицию на 180 градусов. В этот промежуток он нигде не был, никуда не ездил, никаких неожиданных дополнительных сведений получить не мог, да и не ссылался на них. И вдруг изменил свою точку зрения на полностью противоположную!

Ну хорошо. Он действительно не встречался с Раулем и не видел людей, которые с ним встречались. И Рэй действительно не мог назвать ни одного человека, который бы знал Рауля. Но ведь главная задача Рауля — если такой существовал — как раз и состояла в том, чтобы встречаться с Рэем без свидетелей и сделать все так, чтобы ни Рэй, ни Хьюи, ни кто бы то ни было другой не могли найти его следов. И разве нельзя допустить мысли, что Рауль преуспел в этом?

К цепи недоуменных вопросов прибавилось ещё несколько: кому нужно, было замять дело о заговоре? Кто заставил Уильяма Хьюи «убедиться» в версии, противоположной той, которую он недавно так уверенно доказывал сам? Кому было нужно не допустить открытого суда над Рэем? Кому была необходима и выгодна сделка между прокуратурой и защитой? Много, очень много вопросов…

* * *

Ну, а что же сам Рэй? Что заставило его признать себя виновным?

Уже через несколько часов после того, как его поместили в нашвилльскую тюрьму отбывать, без года вековой срок, он заявил тюремному начальству, что хотел бы получить нового адвоката. «Меня убедили, — сказал он, — что если я не признаю себя виновным, то попаду на электрический стул. Мой адвокат в течение шести недель говорил мне, будто лучшее, что я могу сделать, это признать себя виновным. Тогда, мол, защита сможет заключить сделку с обвинением, и меня избавят от электрического стула. Он говорил мне, что этого можно было бы добиться… Чёрт побери, сейчас я понимаю, что зря это сделал, потому что со всем тем, что они на меня понавешали, — жизнь для меня самое страшное наказание…»

* * *

В Мемфисе обманули не только журналистов. Ловко обманутыми оказались миллионы людей, которым, как выразилась Коретта Кинг, «небезразлично это убийство» и которые ждали ответа — кто же стрелял и кто помогал стрелять в Мартина Лютера Кинга. Люди ждали фактов, тщательного расследования, публичного обвинения и публичной защиты, объяснения многих странностей и противоречий, которыми изобилует это преступление.

— Нельзя позволить, чтобы признание вины закрыло процесс или положило конец розыскам тех, кто помог нажать курок, — сказала Коретта Кинг, узнав о решении суда в Мемфисе. — Все, кому небезразлично это убийство, должны требовать от штата Теннесси и правительства Соединённых Штатов, чтобы расследование продолжалось, пока не будут названы все, кто принимал участие в этом преступлении.

С тех пор прошло много лет, однако и сейчас ещё не выпрямлен круто согнутый знак вопроса — кто же всё-таки убил Мартина Лютера Кинга и кто организовал это убийство.

Расследование дела об убийстве Мартина Лютера Кинга, проведенное конгрессом США и закончившееся в конце 1978 года, не изменило положения.

Глава вторая

За стойкой отеля, на которой ничего нет, кроме календаря, и большой стеклянной банки с разноцветными конфетами, стоит хозяйка отеля миссис Бесси Брюэр, женщина пожилая, небольшого роста, полная, с седыми, чуть голубоватыми, аккуратно уложенными волосами. Она отвечает на вопросы спокойно и держится тоже спокойно. А чего ей, собственно, волноваться? Ко всей этой истории она не имеет ни малейшего отношения. Мало ли людей на свете, мало ли у кого какие с кем счеты, мало ли кто кого хочет убить, может быть — за дело! К ней пришли, спросили комнату, она дала комнату, вот и все. Чего же ей волноваться? Поэтому она держится спокойно и с достоинством. Кажется, она даже не без симпатии говорит о том человеке, который, как полагают, стрелял.

Брюэр. Это был чистый, опрятный господин. Очень аккуратно подстриженные волосы. Ничего в нем такого не было. Тёмный костюм. В руках какой-то баул, больше ничего.

Вопрос. Какую комнату он у вас просил?

Брюэр. Какую-нибудь, он не назвал — какую. Я сказала, пожалуйста, вам № 8 с кухней за 10 долларов в неделю. Свободна. Но он ответил, что номер восемь не подойдет, ему нужна только спальня. Кухня не обязательно. Ну, спальня так спальня. Я тогда предложила пятую. Он сказал: «Вот и прекрасно». Вежливый был господин.

Вопрос. Он ходил наверх осматривать комнату?

Брюэр. Нет, сразу согласился. От восьмой отказался, а на пятую согласился. И говорит: «Вы хотите, чтобы я сейчас расплатился?» Я говорю: «Как угодно». Тогда он: «Лучше сейчас». Вынул из бумажника 20 долларов — новенькая была бумажка — и протянул мне двумя руками.

Вопрос. Двумя руками?

Брюэр. Да, очень просто. Держал её двумя руками. Так и протянул.

Вопрос. С каким акцентом он говорил?

Брюэр (чуть помедлила и потом сказала таким тоном, каким признаются в чём-то не без гордости). — С южным. Он не янки.

Вопрос. Как он выглядел?

Брюэр. Я ведь уже сказала вам — костюм тёмный, пострижен аккуратно.

Вопрос. А лицо, какое лицо?

Брюэр. Что значит — какое лицо? Лицо, как лицо. Нос, два уха, глаза.

Вопрос. Вот вы и расскажите, какой нос — длинный или короткий, какие глаза — голубые или, скажем, чёрные, в общем, опишите лицо.

Брюэр. А зачем мне нужно было его лицо? Я не смотрела на него. В книгу я его записала, в регистрационную. Джон Виллард. Не могу же и в книгу записывать и вверх глядеть, на лицо.

Вопрос. Но прическу вы, однако, заметили?

Брюэр. Не прическу я заметила, а стрижку. Сейчас много патлатых, а этот — нет, этот был аккуратный.

Вопрос. Кто, кроме вас, мог его здесь видеть?

Брюэр. А кто же здесь? Я одна. Может быть, кто-нибудь из постояльцев на втором этаже?

Миссис Брюэр, по-видимому, действительно не глядела в лицо человеку, который назвал себя Джоном Виллардом. Потому что, когда Джеймса Эрла Рэя, наконец, поймали и фотографии его обошли все газеты, миссис Брюэр посмотрела на фото, высунула язык и, покачав головой, сказала: «Я бы в жизни его не признала… Ни за что бы не признала».

Так миссий Брюэр отвечала на вопросы корреспонентов вскоре после 4 апреля 1968 года. Но, может быть, она потом во время следствия дала показания более точные? Это можно проверить у господина Кэнейла, обвинителя, который через много лет после мини-суда в Мемфисе признал:

Кэнейл. Миссис Брюэр не. утверждала, что Рэй — это тот самый человек, который зарегистрировался в ее гостинице под именем Вилларда.

Вопрос. Вы хотите сказать, что Рэй не приходил к ней в отель?

Кэнейл. Нет, этого она тоже не утверждает. Она говорит… Она говорит… что… что она ни разу не посмотрела тому человеку прямо в лицо. Ну вот что-то в этом роде. Таковы были её показания…

Кто же всё-таки видел Джеймса Эрла Рэя в меблированных комнатах миссис Брюэр? Где же та неопровержимая доказательность, на основе которой Джеймс Эрл Рэй признал себя виновным и получил без суда 99 лет тюрьмы?

И тут на сцену выступает господин Стефенс. Полностью — Чарльз Стефенс, постоянный жилец меблирашек, который, как заявило обвинение, «услышал звук выстрела и вышел в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть левый профиль подсудимого, когда тот повернул вниз на лестницу».

* * *

Сенсации в Америке создаются и сменяют друг друга с такой быстротой, информация сегодняшняя настолько плотно заслоняет информацию вчерашнюю; а привычка да и необходимость жить только сегодняшним днем так настоятельно требуют поскорей, как можно скорей забывать день вчерашний, что в массе своей американский читатель не имеет ни желания, ни возможности сопоставлять газетные сообщения, разграниченные даже более короткой дистанцией времени, чем два с половиной месяца. Может быть, поэтому никто особенно не удивился тому, что пойманный в июне 1968 года в лондонском аэропорту Джеймс Эрл Рэй нисколько не был похож на своё изображение, созданное вскоре после 4 апреля 1968 года фебеэровскими художниками со слов Чарльза Стефенса, давнего обитателя одной из меблированных комнат миссис Брюэр.

Я в то время жил в Америке, внимательно по своим журналистским обязанностям следил за делом об убийстве Мартина Лютера Кинга, но и я, каюсь, в водовороте событий не сразу обратил на это несходство внимание, не сразу нашел время порыться в старых газетах, взглянуть на фебеэровский портрет Рэя и сравнить.

А различие было большим.

* * *

Сразу после убийства Мартина Лютера Кинга журналисты бросились в Мемфис к Чарльзу Стефенсу. Ведь он был единственным человеком, который видел предполагаемого убийцу, когда тот сразу после выстрела направлялся к лестнице, ведущей вниз к выходу из гостиницы. По словам Стефенса, убийца был небольшого роста, даже «коротышкой», мелкого телосложения. Это описание имело мало общего с человеком, арестованным в лондонском аэропорту. Но выяснить у Стефенса — почему Джеймс Эрл Рэй мало похож на человека, которого Стефенс видел бежавшим из гостиницы после выстрела, было для журналистов не так-то просто. Точнее — невозможно. Я сам звонил в Мемфис в июле 1968 года, пытаясь разыскать Стефенса и хотя бы побеседовать с ним по телефону. Но оказалось, что главный свидетель обвинения был… посажен в тюрьму.

Полицейские и судебные мемфисские власти объясняли это по-разному. Одни говорили, что Стефенса упрятали в тюрьму для того, чтобы оградить его от возможных угроз (хотя, как признавали сами представители власти, никто никогда не

угрожал Стефенсу), другие заявили, что Стефенс страдает алкоголизмом и его держат в тюрьме, чтобы сохранить до начала суда свидетеля, который мог бы опознать в Джеймсе Эрле Рэе того самого человека, который после выстрела направлялся из ванной комнаты на втором этаже к выходу из гостиницы, миссис Брюэр.

Но истинной причиной заключения Стефенса в тюрьму, по-видимому, было желание властей оградить Стефенса не столько от мнимых угроз, сколько от возможных расспросов со стороны журналистов. Потому что ответы Стефенса на эти неизбежные расспросы могли сильно подорвать доверие к его будущим свидетельским показаниям на суде

* * *

На портрете человека, виденного беднягой Стефенсом и нарисованного с его слов художниками из ФБР, было изображено худощавое лицо (три четверти левого профиля) с неровной и резкой линией нижней челюсти, выдающимся вперед твёрдым подбородком, ясно очерченными ноздрями длинного носа, четким рисунком бровей, посаженных низко над глазами.

Портрет печатался во многих газетах, в том числе и в «Нью-Йорк таймс» от 11 апреля 1968 года.

Если сравнить этот рисунок с фотографиями Джеймса Эрла Рая, которые появились значительно позже, то несходство их бросается в глаза.

Зато портрет, созданный со слов Стефенса, удивительно напоминает лицо другого человека, фото которого промелькнуло в одной далласской газете за четыре с половиной года до убийства Мартина Лютера Кинга, то есть вскоре после убийства президента Кеннеди.

* * *

Это сходство и продолжало бы оставаться никем не замеченным, если бы не случай, происшедший вскоре после того, как в газетах появился фебеэровский портрет предполагаемого убийцы и сообщение о том, что преступник пользовался псевдонимом Эрик Старво Голт. К одному из настоящих Эриков Голтов, то есть человеку, действительно носившему это имя, однажды подошел знакомый шофер грузовика и сказал, что у него есть фотографии убийцы Мартина Лютера Кинга.

— Откуда у тебя может быть его фото? — спросил удивлённый Голт.

— Из газеты, — ответил водитель.

— Разве его уже поймали?

— Нет, но он, понимаете ли… как-то так… наверное, не первый раз занимается…

— Чем?

— Его один раз уже поймали — в Далласе… ну, знаете, когда убили Кеннеди… Джона, я имею в виду…

И шофёр протянул вырезку из далласской газеты, относящейся к ноябрьским дням 1963 года. На фотографии была изображена группа людей, задержанных по разным поводам полицией в Далласе сразу после убийства Кеннеди и проходивших проверку в полицейском участке. Один из этих людей удивительным образом был похож на человека, изображенного на портрете предполагаемого убийцы Мартина Лютера Кинга и нарисованного со слов Стефенса.

Шофёр объяснил, что газету он нашел однажды во время поездки по городам Соединенных Штатов под сиденьем у себя в кабине (видимо, кто-то из случайных пассажиров оставил), вырезал снимок и хранил. И вот теперь, сравнив два изображения, подивился сходству.

В следственном деле Джеймса Рэя Чарльз Стефенс упоминается как **единственный** свидетель, который утверждал, что Джеймс Эрл Рэй и человек, бежавший после выстрела из ванной комнаты к выходу из гостиницы, одно и то же лицо. Не, странно ли это? Не странно ли, что ни судья, ни обвинитель ни словом не обмолвились на суде о том, что портрет, нарисованный в ФБР со слов Стефенса, не похож на действительного Рэя. Не странно ли, что Стефенс был упрятан в тюрьму для того, чтобы преградить к нему доступ журналистов?

Не странно ли, наконец, что обвинение не приняло во внимание показание другого свидетеля, точнее, свидетельницы, которая находилась в гостинице во время выстрела рядом со Стефенсом и которая была трезва, в ясном уме и твёрдой памяти? Я имею в виду миссис Грэйс Стефенс — жену Чарльза Стефенса.

Если бы миссис Грейс Стефенс была вызвана в качестве свидетеля, её показания (которые она повторяла в первые дни после убийства журналистам) выглядели бы приблизительно так:

Вопрос. Где вы находились около 6 часов вечера 4 апреля 1968 года?

Грейс Стефенс. Я была в своей комнате в гостинице. Около шести часов я услышала выстрел.

Вопрос. Откуда шел звук?

Грейс Стефенс. Я не могу сказать — откуда шёл звук. Но я знаю, что он отдался эхом под навесом около моего окна.

Вопрос. Это то, что вы слышали. А что вы видели?

Грейс Стефенс, Сразу после выстрела из ванной комнаты вышел человек, прошел в холл и оттуда вниз по ступенькам, к выходу на Саут-Мейн стрит.

Вопрос. Каким образом вы увидели его?

Грейс Стефенс. Я видела его через открытую дверь из моей комнаты.

Вопрос. Можете ли вы сказать, как он выглядел?

Грейс Стефенс. Мне кажется, ему было лет за пятьдесят. Невысокий. Пониже меня ростом. Щуп-ленький. (Обратите внимание, описание человека, данное Грейс Стефенс, сходится с первоначальным описанием его, данным Чарльзом Стефенсом в интервью журналистам. — ***Г. Б.***) Одет в армейского цвета незастёгнутую охотничью куртку и тёмные брюки. Волосы с проседью, знаете, соль и перец.

Вопрос. Он что-нибудь нес в руках?

Грейс Стефенс. Да, у него что-то было в правой руке, какой-то мешок или баул, но я бы не взялась сказать, что это такое.

Вопрос. Скоро ли после выстрела пришли полицейские в гостиницу?

Грейс Стефенс. Вначале прискакали репортёры. И они вошли в нашу комнату. Но ни одного полицейского офицера не было, в нашей комнате, по крайней мере в течение 4 часов после выстрела. Когда они, наконец, зашли, то взяли меня в полицейский участок, и там меня допрашивал инспектор Зэкери…

* * *

Итак, оказывается, свидетелей, которые видели человека, бежавшего из гостиницы после выстрела, было двое. А не один как утверждали в полиции.

Однако показания миссис Стефенс не фигурировали в официальных бумагах следствия и не упоминались во время мини-суда. Поскольку то, что говорила она, опровергало версию об убийце-одиночке. Джеймс Эрл Рэй — выше среднего роста. А человек, которого видела миссис Стефенс, — низкорослый. Рэй — крепкого телосложения, мускулистый. А миссис Стефенс видела щупленького. Рэю тогда не было 40, а женщина видела человека, возраст которого перевалил за 50.

Впрочем, первые показания Чарльза Стефенса, судя по

фебеэровскому портрету Рея, тоже не подходили для ФБР, но алкоголика, по-видимому, легко было уговорить, чтобы он в конце концов «узнал» в Джеймсе Эрле Рэе хого человека, которого видел в коридоре гостиницы. Тем более что «уговаривать» Чарльза Стефенса помогала тюремная камера, в которую его заключили.

Ну, а миссис Стефенс, видимо, оказалась упрямее и честнее мужа. Её не удалось «уговорить». И тогда, чтобы лишний свидетель не запутывал ясного дела, его просто-напросто вывели из игры. 8 июля 1968 года Грейс Стефенс была отведена двумя полицейскими, одетыми в штатское платье, в городской госпиталь в Мемфисе. Предлог для этого был избран простой — у неё после вывиха ноги болела щиколотка. Но в отделении первой помощи Грейс Стефенс почему-то попала не в руки хирурга, а психиатра. Тот без лишних разговоров обнаружил у нее «склонность к самоубийству» и с этим распорядился оставить её в госпитале, в отделении для душевнобольных. А еще через три недели Грейс Стефенс перевезли в дом умалишенных штата Теннесси.

Но вот что интересно. По свидетельству многих людей, знавших её давно, Грейс Стефенс была психически здоровым человеком и могла целиком отвечать за себя и за свои поступки. Более того; ни в одной из историй ее болезни (до помещения, в госпиталь), не было никаких записей, свидетельствовавших о каких бы то ни было признаках психического заболевания. Её поместили в госпиталь незаконно, как по существу, так и с точки зрения процедурных норм, требующихся в таких случаях. По закону администрация психиатрической больницы должна была заранее уведомить родственников миссис Стефенс о предполагаемой её госпитализации. Но никто из её родственников такого уведомления не получал. И ещё одно: история болезни миссис Стефенс исчезла из мемфисской больницы, где она лечилась до этого.

В начале 1978 года я звонил в Мемфис, чтобы выяснить, где находится Грейс Стефенс. Мне сообщили, что её всё ещё держит в больнице для умалишённых.

Её продержали там более десяти лет.

* * *

Описать человека, виденного в течение десятка секунд через открытую дверь комнаты, когда он, этот человек, проходил мимо, — дело непростое, не исключающее ошибок.

Но надо полагать, что всё-таки у обвинения (и у защиты, которая, как известно, целиком согласилась с обвинением) имелись бесспорные доказательства того, что именно Джеймс Эрл Рэй был в ванной комнате, находящейся рядом с комнатой № 5 и стрелял оттуда.

Такими бесспорными, исключающими всякий субъективизм и ошибки доказательствами могли бы быть отпечатки его пальцев.

Об отпечатках пальцев и ладони Джеймса Эрла Рэя, оставленных в ванной комнате, писал знакомый нам Уильям Хьюи, когда через полгода после осуждения Рэя на 99 лет опубликовал статью, в которой пытался опровергнуть все то, что так убедительно доказывал в первых двух статьях, напечатанных в журнале «Лук».

Хьюи: Часть времени между 4.30 и 6.01 дня 4 апреля Рэй провёл в наблюдении за доктором Кингом из окна комнаты № 5. Свидетельства этому — отпечатки его пальцев и тот факт, что после убийства кресло и стол в комнате № 5 были найдены передвинутыми к окну… А отпечаток его ладони был найден на стене ванной комнаты…

Вопрос. Но, позвольте, неужели Рэй настолько легкомыслен, что не догадался надеть перчаток? Уж эту-то меру предосторожности он мог бы предусмотреть?

На этот, как мне кажется, весьма логичный вопрос отвечает адвокат Рэя — Перси Формэн (заменивший Артура Хэйнса).

Перси Формэн. Я знаю, почему Рэй не надевал перчаток и оставил отпечатки пальцев. С одной стороны, он хотел скрыться, но, с другой — он жаждал дать миру доказательство своей причастности к этому делу. Он хотел быть героем.

Ну что же, такое объяснение вполне возможно.

Вообще через печать было создано мнение, что чего-чего, а уж отпечатков пальцев Рэй оставил на месте преступления больше чем достаточно.

Но вот что интересно. **Обвинение** нигде не объявляло о том, что отпечатки пальцев или ладони Рэя были найдены в меблированных комнатах — в комнате № 5 или в ванной комнате.

Почему? Как можно было даже в краткой речи на том кратком мини-суде не сказать о такой серьезной, решающей улике?

Мы можем это выяснить у капитана Дьюэла Рэя из отделения внутренней безопасности мемфисской полиции и у инспектора Зэкери.

Вопрос. Насколько мы знаем, вы обследовали комнату № 5 и ванную комнату на предмет обнаружения отпечатков пальцев и

других подобных улик?

Капитан Рэй. Да.

Вопрос. Вы действительно обнаружили отпечатки пальцев и ладоней преступника?

Капитан Рэй. Мы обнаружили отпечаток ладони в ванной комнате. И отпечатки пальцев мы тоже нашли — в комнате № 5.

Вопрос. Вы занимались дальнейшей экспертизой, связанной с этими отпечатками?

Капитан Рэй. Нет, это уже дело инспектора Зэкери.

Обратимся к инспектору Зэкери, главе отделения мемфисской полиции по расследованию убийств.

Вопрос. Вы проводили экспертизу по отпечаткам пальцев и ладони?

Инспектор Зэкери. Да, под моим руководством мы покрыли специальным составом отпечатки ладони и провели экспертизу. Отпечатки пальцев в комнате № 5 тоже покрыли составом и тоже проверили.

Вопрос. И что же? Эти отпечатки принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю?

Инспектор. Нет. Было установлено, что ни отпечатки пальцев в комнате № 5, ни отпечаток ладони в ванной комнате, не были оставлены Джеймсом Эрлом Рэем…

Но ведь это же всё меняет!

Это значит, что либо в комнате № 5 и в ванной комнате в момент выстрела находился не только Рэй, но и кто-то, другой, либо Рэя там вообще не было. Это, вероятнее всего, означает также, что из окна ванной комнаты стрелял не Рэй, а кто-то другой. Если. Рэй сам хотел уничтожить следы, то он один не мог бы стереть все возможные отпечатки своих пальцев (судя по отпечаткам его пальцев на винтовке, он должен был работать без перчаток). Значит, и в этом случае кто-то ему помогал, значит, и в этом случае речь идет о сообщниках, о заговоре.

Обвинение умышленно умолчало обо всем этом. А писатель Хьюи умышленно лгал, заявляя, что отпечатки пальцев в комнате № 5 и ладони на стене ванной комнаты принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю.

Делались ли попытки установить личность человека, которому принадлежали отпечатки пальцев и ладони, найденные в комнате № 5 и в ванной комнате руминг-хауза?

Я не нашёл указаний на это ни у кого из людей, официально причастных к следствию.

* * *

Выстрел в Кинга был сделан из окна ванной комнаты на втором этаже гостиницы миссис Брюэр. Если посмотреть план улицы и обоих домов, находящихся друг против друга, то можно убедиться, что окно ванной комнаты — самая (если не единственная) удобная позиция для стрельбы по человеку, который хотя бы на несколько секунд появится на балконе второго этажа мотеля «Лоррейн».

Оба дома, как я уже сказал, находятся друг против друга по улице Мэлберри. Однако адрес мотеля «Лоррейн» — Мэлберри стрит. А адрес меблированных комнат (руминг-хауза) — Саут-Мейн стрит, № 422 $^{1}/_{2}$. То есть вход в руминг-хауз не напротив мотеля «Лоррейн», а с другой улицы, идущей параллельно улице Мэлберри. А в сторону мотеля «Лоррейн» смотрят окна лишь задней стены руминг-хауза, не имеющей ни входа, ни выхода.

Чтобы оказаться возле окна, откуда стрелял преступник, надо войти в здание гостиницы со стороны фасада на Саут-Мейн стрит, подняться на второй этаж и по короткому пере-ходу пройти в другое здание, которое соседствует с гостиницей, но второй этаж которого относится к ней (первый этаж занимает «Ресторанчик Джима»).

Если смотреть на окно, откуда был произведён выстрел со стороны улицы Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн», никак не догадаешься, что это окно может относиться к меблированным комнатам миссис Брюэр. Если непосвящённый человек будет смотреть на руминг-хауз со стороны фасада, он никогда не подумает, что второй этаж дома, где помещается «Ресторанчик Джима» по адресу Саут-Мейн стрит, имеет отношение к гостинице. Непосвященному человеку трудно также догадаться, что окна этого дома выходят не только на Саут-Мейн стрит, но и на улицу Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн». Одним словом, убийца должен был заранее знать обо всем этом. Он должен был заранее знать и о том, что по балкону мотеля «Лоррейн» возле двери комнаты № 306 можно прицельно выстрелить лишь из окна ванной комнаты руминг-хауза. Из других окон этой части дома стрелять по балкону мотеля было неудобно, либо просто невозможно. Два из них закрыты слишком густыми и высокими деревьями (перед окном ванной комнаты деревья пониже), из остальных окон дверь комнаты № 306 не видна вообще, поскольку она закрыта частью здания мотеля «Лоррейн».

Итак, убийце надо было не просто поселиться в гостинице миссис Брюэр, но занять комнату только на втором этаже примыкающего здания в номере, который соседствует с ванной комнатой, чтобы в нужное время пройти туда и выстрелить в Кинга с этой единственно удобной позиции.

Убийца должен был знать, что Кинг остановится в мотеле «Лоррейн», что ему отведут там комнату № 306, очень точно знать план гостиницы миссис Брюэр и знать также, что около шести часов вечера 4 апреля Кинг отправится в гости на ужин к священнику Кайлсу и что, направляясь туда, он обязательно выйдет из своей двери на балкон. Последнее обстоятельство убийце нужно было знать для того, чтоб за несколько минут до шести часов с винтовкой в руках перейти из комнаты №.5 в ванную комнату (иначе, выжидая момент для стрельбы, ему пришлось бы занимать ее слишком долго, а слишком долго запертая дверь в ванную комнату могла бы вызвать подозрения постояльцев еще до выстрела).

Судя по тому, что убийца действовал четко, он, видимо, действительно все знал заранее: и план гостиницы, и номер комнаты, в которой остановится Кинг в мотеле «Лоррейн», и расписание его дня.

Мог ли Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, обладать всеми этими сведениями?

Маловероятно.

Человек, назвавшийся Джоном Виллардом, не поднимался на второй этаж, не заходил ни в комнату № 8, ни в комнату № 5: Однако он сразу же отказался от номера восьмого, предложенного поначалу хозяйкой гостиницы, и немедленно согласился на номер пятый.

Значит, Джон Виллард прекрасно знал расположение комнат, знал, что будет стрелять из окна ванной комнаты, а жить будет поблизости от неё в комнате № 5, из окна которой удобно наблюдать за балконом мотеля «Лоррейн».

Кто-то, заранее снабдил его планом руминг-хауза с инструкцией — какую комнату снимать.

Комната № 5 была свободна в этот день. Предположить, что миссис Брюэр держала ее свободной специально для убийцы, конечно, можно, но слишком уж на поверхности лежит вероятность ее участия в заговоре, слишком опасно это было бы для нее, почти самоубийственно.

Вероятнее другое. Кто-то приходил сюда заранее, кто-то из тех, кто знал или надеялся, что Мартин Лютер Кинг остановится именно в мотеле «Лоррейн», кому нужно было найти именно такое окно, откуда «Лоррейн» просматривается наилучшим образом.

Значит, тот человек не просто приходил сюда и крутился здесь, потому что прийти и покрутиться, зайти в одну комнату или в другую — это дело не простое, это дело заметное. Гораздо вероятнее, что он поселился здесь, хотя бы на один день, как

только стало известно о возможном приезде Кинга в Мемфис. А поселившись, облюбовал ту самую ванную комнату, откуда так удобно можно было стрелять по мотелю «Лоррейй».

Сколько времени он жил здесь? Один-два дня? Несколько часов? Неделю? Месяц? Съехал перед самым появлением убийцы? Неважно. Важно другое: кто-то обязательно должен был жить здесь, подготавливая план убийства. Кто?

Меблированные комнаты миссис Брюэр — это ведь не отель «Плаза» в Нью-Йорке, в котором каждый день поселяется и из которого выезжает несколько десятков или, может быть, сотен человек. Это маленький дешевый и невзрачный дом, где люди обычно живут долго, и если есть два-три новых постояльца в неделю (если не в месяц), то и это уже много. Так что, наверное, если бы посмотреть и проанализировать список жильцов в течение месяца до 4 апреля, можно было бы найти 10–12 человек, а может быть, и того меньше, которые приезжали и оставались в отеле день-два, не больше.

Такой список существует в регистрационной книге каждой гостиницы. В книгу записывают всех постояльцев: кто приехал, когда приехал, марку и номер автомашины, какую комнату занимал, когда выехал, сколько заплатил. Анализ записей в этой книге мог бы стать бесценным материалом для следствия.

Мог бы. Но не стал.

Я нигде не нашёл ссылок на эту книгу. Удивившись, стал выяснять причину. Оказалось, что книга эта была… утеряна. Да, да, **утеряна**. Вскорости после того, как миссис Брюэр передала ее агентам ФБР.

Так, во всяком случае, объяснило её исчезновение следствие.

Потеряли, и всё. Бывает же в суматохе.

Правда, регистрационная книга — это одно из главных вещественных доказательств. А главные вещественные доказательства, как, впрочем, и второстепенные, терять не полагается. Особенно в таком высокопрофессиональном учреждении, каким, надо понимать, является ФБР. И особенно в связи с расследованием преступления, которое возмутило весь мир.

Однако — **утеряли**.

Причина? Можно предположить только одну. Вероятнее всего, в этой книге была запись о регистрации в отеле человека, чьё пребывание в нём ФБР очень не хотелось делать достоянием гласности. Причём убрать имя этого человека было настолько важным делом для ФБР, что оно пошло на то, чтобы «убрать» книгу.

Глава третья

Все помнят эту фотографию.

Первые минуты после выстрела.

Кинг лежит смертельно раненный на балконе мотеля «Лоррейн», правая рука откинута в сторону и назад, локоть левой — безжизненно подвернут под тело, ступня ноги зажата между полом балкона и нижним прутом прямоугольной фигурной ограды.

Один из друзей Кинга уже приложил к тому месту, куда вошла пуля, белое полотенце, безуспешно пытаясь остановить кровь. По-видимому, в это время кто-то внизу спросил, откуда стреляли. И все, кто был на балконе рядом с Кингом, все повернули головы и протянули руки туда, откуда пришел выстрел. Все — в одну сторону.

Это уже второе или третье мгновение после того, как Кинг упал на цементный пол. Уже первый порыв — помочь, помочь Кингу! — отступил. Темное пятно под его головой — все больше и больше. И сейчас они, еще сердцем надеясь, что выживет Кинг, а разумом понимая — нет, все кончено — уже в силах подумать о другом: кто? И после вопроса, который раздался снизу, все они на балконе вдруг подумали — да, да, откуда стреляли, ведь это тоже важно.

Жизнь есть жизнь, и борьба будет продолжаться, и во имя этой борьбы… Они оторвались от Кинга, поднялись с колен, и каждый, не сговариваясь, протянул руку вперед и вправо — в сторону, где сквозь чащобу деревьев еле-еле можно было разглядеть окна того дома, о котором теперь знает уже весь мир.

Их на фотографии пять человек. Не считая Кинга… Их можно назвать поименно. Это все — друзья Кинга, соратники по борьбе, его самые близкие люди. Каждый из них с готовностью подставил бы свою грудь под пулю, чтобы защитить Мечтателя. Если бы только знать заранее, если бы успеть, если бы суметь предупредить… Оттолкнуть Кинга от летящей пули, не пустить смерть на балкон, который весь на виду у окон того дома напротив. Если бы проверить заранее все те окна — не притаилось ли там дуло винтовки калибра 30.06, не прищурен ли человеческий глаз за линзами оптического прицела, спрятанного в чащобе деревьев.

Если бы знать, если бы предугадать, если бы принять все меры предосторожности.

Но обо всем этом должна была позаботиться охрана.

Я так подробно вспомнил о той фотографии, всмотрелся еще

раз во всех, кто был с Мартином Лютером Кингом на балконе в те трагические минуты после 6 часов вечера 4 апреля, потому что — странное дело — **на балконе рядом с Кингом не было охраны**.

И во дворе, внизу, там, куда он, склонившись, бросил последний взгляд, исполненный улыбки и. добра, там тоже не было охранников. Ни одного! (Я перечислил, кто там был, в самом начале этого повествования.)

Но позвольте, Кинга обязана была охранять полиция Мемфиса. Обязана по той простой причине, что смертью ему грозили многие — это было каждому ясно; обязана — потому что Кинг был одним из известнейших американцев, политическим и общественным деятелем мирового масштаба. Обязана, как обязана охранять жизнь каждого гражданина. А Кинг был великим гражданином!

Попробуем выяснить, как была организована 4 апреля 1968 года в Мемфисе охрана Мартина Лютера Кинга.

Учитывая обстоятельства, которые возникли перед возвращением Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля, меры для обеспечения его безопасности должны были быть широкими и всеобъемлющими.

Начальником полиции в Мемфисе в эти дни был некто Фрэнк Холломен. Точнее, он был начальником и полицейского и пожарного департаментов города. В его распоряжении были также 4 тысячи солдат национальной гвардии, помощь ему должны были оказывать агенты ФБР, которых в городе было великое множество.

Для обеспечения безопасности человека обычно полиция устанавливает открытый или скрытый пост охраны поблизости от его жилья, которая может принять экстренные меры по сигналу с поста наблюдения и быстро связаться с полицейским штабом, чтобы, в случае необходимости, вызвать подмогу.

Никаких телохранителей для Кинга полиция Мемфиса не выделила.

Напротив мотеля «Лоррейн» находились два дома, из окон которых хорошо просматривался весь мотель «Лоррейн» и улица в обе стороны. Этими домами были известный нам руминг-хауз и пожарная станция № 2. В обоих Холломен мог бы установить посты полицейского наблюдения.

И уж, во всяком случае, должен был обеспечить, чтобы оба эти здания не использовались возможным убийцей.

Холломен принял решение организовать пост охраны Кинга во время его пребывания в мотеле «Лоррейн» в здании пожарной команды.

Мемфисская полиция и раньше организовывала подобные

посты обеспечения безопасности поблизости от отелей, где жил Кинг, когда приезжал в Мемфис. Так что у полиции имелся значительный опыт.

Однако обстоятельства, связанные с обеспечением безопасности Кинга 3–4 апреля, отличались от предыдущих.

Расовая напряженность в эти дни в городе была настолько острой, ненависть расистов к Кингу настолько явной, что меры безопасности должны были быть приняты особые, усиленные в несколько раз.

Обычно полицейский пост по обеспечению безопасности Кинга в прошлые его приезды формировался из 10 человек — детективов, офицеров и прочих чинов полиции. 4 апреля это число было изменено в 5 раз. Но не в сторону увеличения… а в сторону уменьшения. Полицейский пост в здании пожарной команды, откуда было очень удобно вести наблюдение за мотелем «Лоррейн», на этот раз состоял всего из 2 человек: детектива негра Эда Реддитта (командир) и его помощника, белого полицейского офицера из Мемфиса — Уильяма Ричмонда.

Детектив Реддитт пользовался славой честного и серьёзного работника, он не в первый раз занимался обеспечением безопасности Кинга в Мемфисе, знал в лицо всех людей, которые его обычно окружали, весь персонал «Южного совета христианского руководства», знал их машины, номера машин. Знал он прекрасно местных куклускскланновцев, самых рьяных расистов — не столько потому, что был детективом, сколько потому, что был негром, — а также всякого рода экстремистов. Он был весьма удивлен, когда узнал о решении начальства направить на пост охраны только двух человек.

Два человека — это очень мало для обеспечения безопасности Кинга. Но Реддитт все-таки надеялся на себя. Он выработал точный план действий на случай, если Кингу грозила бы конкретная опасность.

План был простым и, пожалуй, единственно возможным и уже поэтому правильным. Реддитт условился с Ричмондом, что в случае возникновения какой-нибудь конкретной угрозы Кингу он, Реддитт, выскакивает немедленно из здания пожарной охраны с тем, чтобы помешать нападению на Кинга, а Ричмонд остается на месте, продолжает вести наблюдение и при помощи портативной рации, которая была в их распоряжении, немедленно связывается с полицейским штабом и вызывает подмогу.

Однако этот план не был приведен в исполнение по той простой причине, что Реддитта не было на месте в момент убийства, Кинга.

Приблизительно за полтора часа до трагического события в

здание пожарной охраны приехал лейтенант Аркин, который служил в разведотделе мемфисской полиции. Он поднялся по лестнице на второй этаж в комнату, где сидели оба детектива, подошел к Реддитту, хлопнул его по плечу и сказал:

— Эд, тебя вызывают в штаб.

— Зачем?

Аркин пожал плечами.

— А кого вместо меня?

— Не знаю, — ответил Аркин, — по-моему, никого.

— Так что же, на весь пост останется один человек? Один Ричмонд? — удивился Реддитт.

— Послушай, задавай, вопросы полегче. Это приказ Холломена, — и Аркин повернулся к выходу.

Делать было нечего. Ни о каком «обеспечении безопасности» Кинга, конечно, уже вообще не могло быть и речи. Что мог сделать один человек? В лучшем случае, вызвать по рации подкрепление. Но, как известно, в ситуациях, когда для злодейства требуется один выстрел, подкрепление обычно прибывает тогда, когда дело уже сделано. Так рассуждал Реддитт, идя вслед за лейтенантом. И надеялся лишь на то, что начальство будет держать его недолго и он вскоре снова будет на месте.

Реддитт сел в машину к лейтенанту Аркину и поехал в полицейское управление.

* * *

В тот день, 4 апреля 1968 года, приблизительно за час до убийства Мартина Лютера Кинга в комнате начальника полицейского управления Мемфиса Фрэнка Холломеяа проходило совещание начальников и заместителей начальников всех полицейских и других подразделений, которые представляли собой реальную силу в Мемфисе. В кабинете Холломена находились шериф, глава и заместитель начальника дорожной полиции, командующий отрядами националной гвардии и его заместитель, начальник и заместитель начальника пожарной охраны и т. д. и т. п. Такое совещание, обезглавливавшее все подразделения службы порядка Мемфиса в момент, когда расовая напряженность в городе подходила к апогею, само по себе удивительно. Ведь совещание можно, было провести по селектору, по многономерному телефону. Можно было, наконец, вызвать к себе только начальников подразделений, оставив на месте действия их заместителей. Однако — нет, Холломен собрал у себя всю верхушку власти.

Когда Реддитт вошёл в кабинет Холломена, он застал их всех. Начальник полиции поднялся навстречу детективу.

— Ну вот, наконец-то ты пришёл, Эд. Слушай, тут есть важное дело для тебя. — Холломен положил руку на плечо Реддитта и увлек его в сторону, подальше от стола, за которым шло совещание.

— Слушаю, сэр.

— Понимаешь, какая штука, — сказал Холломен, не снимая руки с плеча негра. — Тебя, понимаешь ли, готовятся убить, вот в чём дело.

— Меня? Кто? — удивился Реддитт.

— Да, видишь, какая ты у нас теперь важная птица, — засмеялся Холломен, — уж и покушение на тебя готовят.

— Ошибка какая-нибудь. Кому я нужен?

Холломен понизил голос:

— Вон видишь того джентльмена? Он из секретной службы. Из Вашингтона. Специальна приехал сюда из-за тебя. У них есть абсолютно точная информация от дорожной полиции штата Миссисипи, что одна тамошняя организация тупоголовых приняла решение убить тебя.

— Из Миссисипи? — ещё более удивился Реддитт. — Да что я им сделал? За что?

— Уж не знаю. Знаю только, что они отрядили для этого снайпера из Сент-Луиса. Вполне возможно, он уже здесь, в Мемфисе. Благодари секретную службу. Их человек, понимаешь ли, специально летел сюда из Вашингтона для того, чтобы сообщить нам об этом. Так что тебе лучше всего, брат, ехать домой. Дам тебе двух офицеров на всякий случай и езжай.

— Как же с охраной Кинга? — спросил Реддитт.

— Тут не беспокойся, это, понимаешь ли, моё дело. А ты давай домой и сиди там с обоими офицерами, пиво пей.

— Зачем же домой? — спросил Реддитт. — Перепугаю всю семью. У меня тёща больная.

— Нашёл о чём говорить сейчас — тёща! — недовольно поморщился Холломен. — Ну, хорошо. Можно не домой. Поставь машину неподалёку от дома и сиди в ней. Эти двое будут вместе с тобой. В машину.

— А Кинг? — ещё раз спросил Реддитт.

— Что Кинг?! Ничего, понимаешь ли, не сделается с твоим Кингом. Там все будет в порядке. Езжай домой. Это приказ. Понятно?

— Конечно, понятно.

Реддитт в сопровождении двух полицейских офицеров сел в служебную машину, которая отправилась к нему. Неподалеку от

дома она остановилась, офицер за рулем выключил двигатель и откинулся на сиденье. Все трое молчали.

Это было глупейшее сидение. Именно сейчас они представляли собой наилучшую, наиудобнейшую мишень для возможного снайпера. Но приказ оставался приказом, они сидели и молчали.

Реддитт не думал о снайпере. Он был уверен, что вся эта история — какая-то ошибка, она скоро выяснится, и его снова пошлют охранять Кинга. Реддитт был уверен также, что Холломен, конечно, послал кого-нибудь заменить его в здании пожарной станции № 2. Ричмонд, понятно, расскажет этому новому детективу, какой план действий они составили на случай возникновения реальной угрозы жизни Мартина Лютера Кинга. Одним словом, он думал о Кинге. Он так часто бывал с ним — каждый раз, когда тот приезжал в Мемфис, — так часто слушал его речи, что, наверное, был его последователем, хотя в общем-то никогда серьезно не задумывался над этим.

Так, молча, каждый со своими думами, они просидели в машине минут десять-двенадцать. Затем Реддитт, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, включил радио. И буквально сразу — диктор будто ждал того момента, когда Реддитт повернет ручку приемника, — услышал торопливые слова: «Только что совершено покушение на Мартина Лютера Кинга!..»

Когда ждешь чего-то страшного, это страшное большей частью случается. Реддитт боялся и ждал беды с Кингом. И она пришла.

Сами слова диктора показались ему выстрелом. Даже не в Кинга — в него самого. Он выскочил из машины, побежал к телефону-автомату. Позвонил в полицейское управление, попросил разрешения немедленно включиться в дело, в расследование. Дежурный офицер попросил обождать, видимо, звонил кому-то, разговаривал, затем ответил: «Делайте то, что вам приказано».

Он позвонил на следующий день, в пятницу, 5 апреля, и в субботу, 6 апреля, тоже позвонил. И каждый раз получал подтверждение приказа — оставаться дома. А когда позвонил в воскресенье, 7 апреля, ему сказали, что расследование закончилось и что с понедельника он может возвращаться на работу.

Так обстояло дело с «охраной» Мартина Лютера Кинга в тот день 4 апреля 1968 года, судя по тому, как об этом рассказал сам Реддитт американскому юристу Марку Лэйну.

Ну, а что же с покушением на жизнь Реддитта, спросит читатель? А ничего. Он никогда больше не слышал о нем, и никто

из начальства ни разу ему об этом не напомнил.

В этом эпизоде все чрезвычайно странно и непонятно.

Кому в штате Миссисипи пришло в голову убивать полицейского детектива из штата Теннесси?

Предположим, расистам. Но почему решили убить именно Реддитта, ведь в полицейских силах Мемфиса было несколько черных детективов?

Каким образом и зачем об этом поставили в известность секретную службу в Вашингтоне? Ведь секретная служба Соединенных Штатов занимается охраной лишь президента, вице-президента, членов их семей и кандидатов на эти должности.

Если, допустим, каким-то случайным образом секретной службе США стало известно о заговоре с целью убийства одного из детективов штата Теннесси, зачем нужно было посылать туда чиновника секретной службы, почему нельзя было сообщить об этом по спецсвязи или даже просто по телефону?

Почему нужно было вызывать Реддитта с поста охраны Мартина Лютера. Кинга? Почему Холломен приказал Реддитту ехать домой? Ведь если на его жизнь планировалось покушение, то заговорщикам наверняка был известен адрес его дома, и — наоборот — вряд ли они могли знать, что Реддитт находиться в здании пожарной команды.

Какой смысл было держать Реддитта в автомобиле вместе с двумя офицерами? В случае, если бы кому-нибудь пришло в голову бросить в машину гранату или стрелять по ней, кроме Реддитта наверняка погибло бы ещё два человека.

Первоначальный план Холломена держать Реддитта в его доме под охраной двух полицейских офицеров был тоже лишен смысла. Сидя дома вместе с Реддиттом, офицеры не могли бы предотвратить ни обстрела дома, ни броска гранаты через окно.

Всего этого не мог не понимать Фрэнк Холломен, опытный полицейский начальник. Не мог он не понимать и того, что самым безопасным местом для Реддитта в этой ситуации был его пост в здании пожарной станции № 2.

Все эти странные обстоятельства, необъяснимые с точки зрения элементарного полицейского профессионализма и простой человеческой логики, выстраиваются, однако, в одну стройную, линию, если предположить, что полицейское начальство Мемфиса по каким-либо причинам не желало держать Реддитта, негритянского детектива, человека, благоговейно относившегося к Кингу, в охране Мартина Лютера Кинга и; более того, хотело фактически посадить его под стражу.

Если сопоставить действия Холломена 4 апреля 1968 года с его биографией, то предположение может перерасти в

уверенность.

Дело в том, что в течение 25 лет Фрэнк Холломен являлся сотрудником ФБР. Был начальником отделения ФБР в Атланте, штат Джорджия, начальником отделения в Джэксоне, штат Миссисипи, начальником отделения в Мемфисе, штат Теннесси. И восемь лет из 25 работал непосредственно в штабе ФБР в Вашингтоне. Со стариком Гувером Холломен пребывал в дружеских отношениях, о чём не раз и при разных обстоятельствах объявлял с гордостью.

И ещё одно. Сам Реддитт уже после событий 1968 года пытался установить, кто же все-таки сообщил Холломену об угрозе покушения на черного, полицейского детектива. И не очень удивился, когда узнал, что «сикрет сервис» не посылала людей в Мемфис 4 апреля 1968 года, а официальные лица из этой организации никогда не слышали о какой бы то ни бкло угрозе жизни Эдварда Реддитта.

Давая показания в комиссии конгресса США через десять лет после описываемых событий, Фрэнк Холломен сказал, что он «не помнит», кто был тот человек из секретной службы, который примчался из Вашингтона, чтобы оповестить начальника мемфисской полиции о «возможном покушении» на жизнь чёрного детектива Эдварда Реддитта.

Комиссия палаты представителей конгресса США, занимавшаяся в конце семидесятых годов расследованием убийства Мартина Лютера Кинга, объявила, тем не менее, что удаление Реддитта с поста в здании пожарной команды № 2 «не являлось частью какого-нибудь заговора с целью способствовать убийству Мартина Лютера Кинга». Основанием для такого вывода послужило заявление полиции Мемфиса, что задачей Реддитта и Ричмонда было «не охранять Мартина Лютера Кинга, а **наблюдать** за ним».

Основание, мягко говоря, неубедительное.

Глава четвертая

ФБР начало «заниматься» Кингом ещё в конце пятидесятых годов. Но скорее не как объектом «охраны», а как объектом для нападения. Первый серьезный удар по нему Гувер нанес в 1962 году.

Обоим Кеннеди — Джону и Роберту — президенту и министру юстиции — было доложено в форме служебной записки от Гувера, что «лидер движения за гражданские права М'артин Лютер Кинг находится под коммунистическим влиянием, это подтверждается хотя бы тем, что его ближайший помощник Стэнли Ливайсон является членом Коммунистической партии США».

Удар был традиционен, вполне в духе времен Маккарти, однако точно рассчитан и вовсе не однозначен, как могло бы показаться на первый взгляд. Выстрел был сделан в Кинга, но рикошетил он и в Джона Кеннеди и в его брата Роберта.

Кеннеди — Кинг — Кеннеди.

Это не только формула, выражающая хронологию крупнейших политических убийств в Америке в 1963–1968 годах. Это и формула связи, которая образовалась в начале шестидесятых годов, когда все трое ещё были живы. Как охарактеризовать эту связь? Как политическую? Чисто человеческую? Духовную? Возникшую на основе общих принципов, взглядов на демократию, на проблему расовых взаимоотношений?

Может быть, там были элементы всего. Но доминировал все же политический расчет. Расчет — не со стороны Кинга, конечно (хотя поддержку Джона Кеннеди он, по-видимому, ценил), но со стороны братьев. Кинг попал в «коробочку» между двумя Кеннеди. И где-то рядом примостился Гувер, бессменный директор ФБР, пользовавшийся этим странным сочетанием К-К-К для своих (и не только для своих) целей. Сочетание К-К-К установилось в 1960 году, когда в Атланте Кинг был арестован за участие в очередной мирной демонстрации в защиту прав черного населения Америки и приговорен к трём месяцам каторжных работ.

* * *

Октябрь 1960 года.

В большой комнате гостиничного номера стены увешаны

плакатами: «Голосуйте за Джона Кеннеди!», «Джон Кеннеди и Линдон Джонсон — вот кто вернет Америке идеалы!», «Джон Кеннеди объединит Америку!», «Объединим Америку с Кеннеди!». На сером металлическом канцелярском столе, неожиданном в этом довольно прилично обставленном номере, — почти десяток телефонов. Лампочки- то на одном, то на другом требовательно подмигивают. Звонков не слышно. Но это мигание достаточно настойчиво и утомительно. Джон Кеннеди сидит на диване без пиджака. Рукава белой рубашки подвернуты чуть ниже локтей. Ноги в носках — на журнальном столике, заваленном кипой бумаг. Голова откинута на спинку дивана, глаза закрыты. Кандидат в президенты то ли спит, то ли думает о чем-то, то ли просто отдыхает.

У телефонов — Роберт Кеннеди. Он сидит на канцелярском столе, поставив ноги на стул. Одна телефонная трубка укреплена у него на плече, две другие он держит в руках.

Тэд Соренсен сосредоточенно, опустив очки к пишущей машинке, печатает очередную речь кандидата. Только что протиснулся в дверь, не дав войти в комнату кому-то, оставшемуся там в коридоре, Пьер Сэллинджер, пресс-секретарь будущего президента, и сразу запахло в номере дымом от его вечной сигары.

Сэллинджер подходит к дивану и садится рядом с Джоном Кеннеди.

— Это ты? — не открывая глаз, спрашивает Кеннеди.

Оэллинджер кивает, будто Кеннеди может видеть его.

— Узнаю по запаху. — Всё ещё не открывая глаз, устало добавляет тот так, чтобы слышали все в комнате. — С сегодняшнего дня Сэллинджеру не разрешается подходить ко мне, кандидату от демократической партии в президенты Соединённых Штатов Америки, ближе чем на один метр.

— Расстояние, непреодолимое для фамильярности? — спрашивает Сэллинджер.

— Нет, расстояние, на котором ты не можешь поджечь кандидата своей сигарой.

Никто в комнате не улыбается. Не улыбается и Сэллинджер. Не улыбается сам Кеннеди. Все устали.

Идут последние — самые горячие — дни предвыборной борьбы. 8 ноября — выборы, к которым в бешеной гонке мчатся два кандидата в президенты — Кеннеди и Никсон.

— А я решил, кандидат настолько уверен в своей победе, что уже боится фамильярности тех, кому он этой победой будет обязан, — говорит Сэллинджер.

— Кандидат далеко не уверен в победе. Но он также далеко

не уверен в том, что если он ее и одержит, то будет обязан ею тебе, мой дорогой.

Джон Кеннеди наконец открывает глаза, берет какие-то листки бумаги с журнального столика и начинает их просматривать, отхлебывая кофе из пластмассового стаканчика.

— Кандидат будет обязан именно мне своей победой, если примет моё предложение.

— Ты опять о Кинге? И опять выдаешь эту идею за свою, хотя она принадлежит Бобби…

— Потому что для всякой, идеи сторонник важнее, чем автор, — откликнулся Роберт Кеннеди.

— Я опять о Кинге. Его арест слишком большое событие, чтобы кандидат в президенты мог промолчать об этом.

— Не преувеличивай.

Голову от машинки поднял Тэд Соренсен, снял очки, протер уставшие глаза пальцами рук, снова надел и сказал:

— В эту кампанию ничего нельзя преувеличить. На нынешних выборах невозможен нокаут. Победу будут присуждать по очкам. И ты, высказав своё отношение к Кингу, получишь — не надо много — сто тысяч дополнительных голосов негров, это, может быть, как раз те пол-очка, которые тебе необходимы.

— Сто тысяч негритянских голосов — в плюс и двести тысяч голосов белых южан — в минус? — полуутверждает, полуспрашивает Джон Кеннеди.

— Южане в любом случае не пойдут за тебя горой, — говорит Сэллинджер. — Они в кармане у Никсона.

— Кроме того, многое зависит от того, в какой форме ты выскажешься о Кинге, — добавляет Соренсен.

— Пресс-конференция? — Джон Кеннеди вопросительно смотрит на Сэллинджера.

— Никоим образом! — качает головой Соренсен: — Ты должен это сделать тоньше. Человечнее. Позвонить, например, жене Кинга и найти тёплые слова сочувствия. А уже Пьер потом случайно «проболтается» корреспондентам об этом звонке. Ведь проболтаешься, Пьер?

— Обязательно проболтаюсь, — кивает Пьер.

— Тёплые слова, личные звонки… Ты неисправим, — говорит Джон Кеннеди, не отрываясь от листка бумаги, который он продолжает читать, делая пометки. — Неужели Америка до сих пор не выбила из тебя остатки твоего русского происхождения? Неужели земля этого маленького городка, где родилась твоя мать, как его?..

— Чернигов, — отзывается Соренсен.

— Вот-вот, Чернигов. Неужели эта земля заложила в тебя

столько сентиментальщины, что ни холодная шведская кровь отца, ни наш американский футбол не выбили из тебя эту бесполезную дребедень?.. — Джон Кеннеди говорит почти зло. — Когда-нибудь старик Гувер докопается до твоего Чернигова и объявит тебя коммунистическим шпионом. И тогда тю-тю наша с вами президентская карьера.

Соренсен пожимает плечами и снова склоняется к машинке. Сэллинджер серьезно смотрит на Кеннеди, понимая, что все эти ничего не значащие слова — лишь прикрытие: сейчас кандидат думает, думает именно о том, что говорили ему Сэллинджер и Соренсен, выполняя поручение Роберта Кеннеди (Бобби).

— Я не знаю, докопается ли Гувер до Чернигова, — подает реплику Роберт Кеннеди, на секунду оторвавшись от телефонов, — но Кинга он тебе не простит.

— Не простит, — соглашается Джон. — Но, во-первых, не надо играть в детскую подначку. Во-вторых, бояться Гувера ещё рано. Бояться его мы станем после победы. А сейчас будем бояться только Никсона. Врагов надо бояться по очереди, а не всех сразу.

— Так что же с Кингом?

— Распорядитесь соединить меня с Кореттой Кинг, — говорит Кеннеди.

Сэллинджер — будто и не сомневался в решении своего патрона — спокойно поднимается и идёт к телефону.

Соренсен протягивает Джону листок бумаги.

— Что это?

— Я тут приблизительно набросал то, что ты хочешь сказать ей.

Джон Кеннеди пробегает глазами несколько строк.

— Чернигов! Ну ничего, я подсушу, и всё будет как надо, — говорит он и оборачивается к Сэллинджеру. — Сразу после моего звонка ты расскажешь о нём корреспондентам, но так, между прочим, среди других дел, почти случайно. Ты понял меня?

— Да, господин президент.

— Вот так-то лучше.

— Но всё-таки своей победой вы будете обязаны именно мне, — говорит Сэллинджер и стряхивает с пиджака пепел сигары.

* * *

Джон Кеннеди позвонил Коретте Кинг, выразил сочувствие ей в связи с арестом её мужа, сказал также, что высоко ценит его

благородную борьбу за гражданские права негров.

Через несколько минут после этого разговора Сэллинджер уже рассказал о его содержании корреспондентам — так, между прочим, среди других дел. Но те оценили новость и, топая башмаками, помчались к телефонным трубкам, чтобы сообщить об этой сенсации в свои агентства и газеты…

Расчёт оказался точным. Несколько нелишних тысяч негритянских голосов оказались в предвыборной копилке Кеннеди и в конце концов решили результаты очень «тесных» выборов в его пользу. (Перевес Кеннеди над Никсоном равнялся всего. 119 тысячам голосов.) Однако с тех пор между именами Кеннеди и Кинга в сознании американцев установилась некая моральная общность. И когда Гувер решил обвинить Кинга в «связях с коммунистами», он прекрасно понимал, что это угроза и в адрес обоих Кеннеди.

* * *

Свою «записку» директор Федерального бюро расследовали Джон Эдгар Гувер передал в Белый дом 8 января 1962 года сразу же, буквально через несколько часов после того, как Кинг публично обвинил ФБР в том, что агенты и высокопоставленные чиновники этого мощного учреждения попустительствовали избиению местной полицией негритянской демонстрация в Олбани, штат Джорджия.

В записке Гувера было сказано, что поскольку Стэнли Ливайсон, близкий друг и доверенный сотрудник Кинга, «является членом Коммунистической партии США», то, следовательно, сам Мартин Лютер Кинг «находится под контролем этой партии».

Как результат этого вывода — досье на Мартина Лютера Кинга в картотеке Федерального бюро расследований было перемещено в «секцию А».

Эта, казалось бы, техническая процедура — перемещение бумаг из одной секции фебеэровской картотеки в другую, значила, однако, очень много. Отныне в случае возникновения в стране «чрезвычайного положения» Кинг подлежал немедленному аресту и изоляции.

С этого дня в картотеке Федерального бюро расследований он значился под рубрикой «**Коммунист**». А Гувер теперь имел право требовать от министра юстиции Роберта Кеннеди официального разрешения на прослушивание телефонных разговоров негритянского лидера.

Маленькая деталь. Министерство юстиции, в ведении которого находилось Федеральное бюро расследований, имело право (если не обязанность!) потребовать от Гувера доказательств того, что доверенный сотрудник Кинга является коммунистом и что Кинг находится «под „контролем Компартии США“». Министерство юстиции имело полное право (если не обязанность!) просмотреть гуверовское досье, связанное с этим обвинением. Однако министр юстиции Роберт Кеннеди не сделал этого. Не решился.

Другая деталь. Если Гувер обвинял сотрудника Кинга в принадлежности к КП США, то естественным было бы с его стороны запросить разрешения у министра юстиции на прослушивание телефонных разговоров именно этого сотрудника, подозреваемого в «подрывной деятельности». Однако Гувер требовал прослушивания разговоров только Кинга.

Если бы Министерство юстиции побеспокоилось перепроверить обвинения Эдгара Гувера в адрес сотрудника Мартина Лютера Кинга, то оно без труда обнаружило бы, что все обвинение ФБР было построено лишь на том, что один из информаторов ФБР **предположил**, что Ливайсон в 1954 году принимал участие в. деятельности организации, которая значилась в картотеке ФБР как «подрывная», однако даже там нигде не называлась (и, кстати, никогда не была) коммунистической организацией.

* * *

Однако ничего подобного Министерство юстиции не предприняло. Мощная фигура старика Эдгара Гувера внушала ужас. Его боялись все президенты Соединенных Штатов. Джон Кеннеди не был исключением. И отличался от своих предшественников по Белому дому, может быть, только тем, что ненавидел Гувера больше, чем они. Но поделать с ним в то время ничего не мог.

А может быть, и не считал нужным. Ведь Старик, кроме неприятностей, всегда мог принести любому президенту немалую пользу. И кстати — приносил. У любого президента имелись политические противники. На каждого из них Старик имел секретное досье, весьма полезное для человека, обитавшего в Белом доме и сидевшего в кресле под знаменем США в Овальной комнате.

В этой ситуации предать Мартина Лютера Кинга, поддержку которому в том телефонном разговоре президент провозгласил

публично, было для него легче и безопасней, чем поссориться со Стариком и оказаться безоружным перед лицом политических противников, настоящих и будущих. Так, по-видимому, размышляли президент и его брат — министр юстиции. И логику их размышлений отчетливо предвидел Гувер начиная свой поход против Кинга.

А чтобы оба Кеннеди не сомневались в решительности главы ФБР и чтобы ускорить их раздумья — разрешить или не разрешить ФБР прослушивание телефонных, разговоров Мартина Лютера Кинга, — Старик распорядился, чтобы «слух» о том, что в окружении Мартина Лютера Кинга есть коммунисты, «проник» в печать. Первой ласточкой оказалась статья в газете «Огаста кроникл», в которой утверждалось, что один из руководящих сотрудников при Мартине Лютере Кинге «является членом Национального комитета Коммунистической партии США».

Другими словами, Старик вынул нож и показал его холодное лезвие. Более тяжелого обвинения для политического или общественного деятеля в США, чем обвинение в подверженности коммунистическому влиянию, не существует. Такого боятся все — от кинорежиссеров до президентов. «Время негодяев» — эпоха маккартизма — показало, что привычный наркотик антикоммунизма обладает большой силой и те, кто спекулирует им, весьма часто остаются с наживой.

* * *

Старик Гувер, конечно, вовсе не был простым бульдогом, который, наклонив голову и не разбирая дороги, бросается на жертву. Он умел предпринимать и обходные маневры, умел, если нужно, даже выдать себя защитником Мартина Лютера Кинга.

Из записи разговора директора. ФБР Эдгара Гувера с министром юстиции США Робертом Кеннеди (запись сделана Гувером в 1962 году):

«…Я указал Роберту Кеннеди, что если Кинг будет продолжать свои предосудительные связи, он неизбежно повредит своему собственному делу. Поскольку появляется все больше и больше коммунистов, пытающихся воспользоваться преимуществами, которые

дает им участие в Движении Кинга. А фанатики южане, которые выступают против интеграции, начинают обвинять Кинга в связях с коммунистами. Я заявил, что эти связи теперь известны довольно широким кругам и при нынешней кристаллизации внимания к Движению для него не может быть ничего вредоноснее, чем возможность разговоров о связях Кинга с коммунистами…»

В этой записи, конечно, не сказано, что обвинение в «связях Кинга с коммунистами» идет от ФБР, а не от «фанатиков южан» и не от каких-то «широких кругов», которым якобы «известны» эти «предосудительные связи».

* * *

Так или иначе, но оба Кеннеди спасовали перед Гувером, понимая, что угрозы против Мартина Лютера Кинга — это одновременно и угрозы против них самих — президента и министра юстиции.

Президент Кеннеди решил направить к Кингу Берка Маршалла, помощника министра юстиции, для того, чтобы «уговорить» Кинга расстаться со своим советником. Маршалл встретился с Кингом и Эндрю Янгом, одним из его ближайших помощников.

Эндрю Янг. Маршалл сказал на той встрече, что ФБР информировало Министерство юстиции о том, что в движении за гражданские права просматривается коммунистическое влияние и в связи с этим ФБР называет имя советника Ливайсона. Когда я спросил Маршалла, имеются ли у него доказательства того, что Дивайсон связан с коммунистами, он ответил — нет, не имеются. Он сказал также, что никаких, доказательств на этот счет от Федерального бюро расследований он не получил.

* * *

Когда через 13 лет после описываемых событий — Гувер к этому времени был уже мертв — комиссия сената расследовала деятельность ФБР, она не обнаружила никаких свидетельств того, что советник Стэнли Ливайсон был когда бы то ни было членом Коммунистической партии США.

* * *

Вашингтон, Министерство юстиции США.

Кортни Эванс (связной офицер между ФБР и Министерством юстиции США). Я могу доложить шефу ФБР о вашем решении разрешить прослушивание телефонных разговоров интересующего нас человека?

Роберт Кеннеди (министр юстиции США). Да.

— До того, как вы пошлете ему официальный меморандум?

— Да.

— Хорошо. Один вопрос, однако, по-видимому, потребует уточнения.

— Наверное, всё-таки вас интересует не столько уточнение вопроса, сколько уточнение ответа, а? Ну, давайте.

— Ваше разрешение касается телефонов интересующего нас человека в его доме и в его офисе?

— Касается…

— Интересующий нас человек…

— Я прошу вас, называйте его по имени. Я никак не могу привыкнуть к вашей таинственной терминологии.

— Но если кто-то узнает, что министр юстиции Роберт. Кеннеди распорядился установить электронное оборудование…

— А что, такое оборудование стоит уже и в моём кабинете? Во-первых, я не распорядился, а **согласился** с требованием Федерального бюро расследований. Это уточнение будем считать важным. Хорошо? Во-вторых, я надеюсь, что без моего разрешения ваше ведомство не устанавливает прослушивающей аппаратуры…

— Господи, конечно!..

— …хотя бы в моем кабинете…

— Можно продолжать?

— Пожалуйста. — Роберт Кеннеди поставил ногу на стул и принялся перешнуровывать ботинок, стоя к Эвансу вполоборота.

— Так как известно, что интересующий нас чело… простите, Мартин Лютер Кинг, — произнёс Эванс отчетливо, будто диктуя имя машинистке, — как известно, много путешествует по стране и за границей… Можно сказать, большую часть времени он проводит вне дома и вне офиса…

— Я согласен, — прервал его Кеннеди.

— Согласны на что?..

— На требование вашего учреждения устанавливать электронное оборудование во всех отелях, где останавливается Кинг, по всем телефонам, по которым говорит и будет разговаривать Кинг. Если речь идёт о возможности

коммунистического влияния, я считаю, что наблюдение должно быть максимально полным.

— Вы не забудете отметить это в своём мемо?

— Не забуду, — ответил Кеннеди и, закончив перешнуровывать ботинок, опустил ногу. — Вот теперь, кажется, всё в порядке, — довольно произнёс он и даже попрыгал на одной ноге, наслаждаясь тем, что ботинок больше не жмет… — Мне прислали новые кеды для тенниса — Джека Креймера, — сказал он офицеру. — Такие удобные, что после них любые ботинки — даже мои старые — жмут. Вы не пробовали играть в креймеровских кедах?

— Я не очень люблю теннис.

— Зря. Единственная игра, в которой интеллект полностью отключается.

— Мне, опасно отключать свой интеллект, — без улыбки сказал офицер. — Вдруг после игры не включится.

Роберт Кеннеди захохотал громко и хлопнул Эванса по плечу.

— Передайте привет своему шефу.

— Спасибо, ему будет приятно. — Офицер направился к выходу.

— Да, и вот ещё что, — сказал министр юстиции, остановив собеседника уже у самой двери. — Это разрешение действительно только на один месяц.

— Не понимаю…

— Если в течение этого месяца вы выловите что-либо существенное, что подтвердит ваше заключение о его связях с коммунистами, мы продлим разрешение на прослушивание. Если же невод придет пустым — прекратим. Ясно?

— Ясно. Однако…

— Всего хорошего.

— Всего хорошего…

* * *

С этого момента ФБР имело право устанавливать электронное оборудование во всех частных домах или гостиничных номерах, в которых останавливался Мартин Лютер Кинг. Бесстрастная пленка записывала все разговоры. Конечно, не только те, которые вел Кинг. Но и те, которые вели по этим телефонам его собеседники и другие люди. Получив разрешение прослушивать **телефонные** разговоры, ФБР воспользовалось им и для того, чтобы подслушивать все вообще разговоры, которые вел Кинг — не только по телефону — дома ли, в офисе, в

гостиничном номере, в гостях, — везде, где только было возможно установить микрофоны. В ФБР это называлось *full treatment* — «полная обработка».

* * *

Вопрос. Итак, министр юстиции дал разрешение, хотя у него не было никаких данных о том, что Мартин Лютер Кинг занимается деятельностью, опасной для интересов Соединенных Штатов?

Роберт Кеннеди. Если бы я не дал санкции на прослушивание разговоров Кинга, кто-нибудь в конце концов разрешил бы прослушивать мои собственные разговоры.

Вопрос. Эта фраза была произнесена министром юстиции в присутствии Кортни Эванса, сотрудника Гувера?

Роберт Кеннеди. Да.

Вопрос. Для того чтобы Старик получил не только то, чего добивался, но еще и насладился поражением Роберта Кеннеди?..

Роберт Кеннеди. Наши отношения с ним были очень напряженными. Нужен был этот жест — только слова, ничего больше! — чтобы привести его в хорошее расположение. Я надеялся получить за это некоторые уступки в дальнейшем.

Вопрос. Разве Старик был способен на уступки?

Роберт Кеннеди. Он был весьма маневренным человеком. Несмотря на тяжёлую комплекцию. Если нужно, он умел уступать.

Вопрос. То, что сделал министр юстиции США, было нарушением закона?

Роберт Кеннеди. Гувер хотел уничтожить Кинга, это ясно. Мне известна одна история о человеке, который какое-то очень короткое время был членом коммунистической партии, а затем порвал с нею. В 1960 году он работал в Национальном комитете демократической партии. В то время мой брат Джон Кеннеди выставил свою кандидатуру на пост президента. Гувер ненавидел брата. Он стал собирать досье на всех, кто имел отношение к предвыборной кампании Джона. Когда он узнал о том человеке, он распорядился, чтобы в прессу «просочилась» информация, будто у Кеннеди в Национальном комитете служит коммунист. В газетах появились заголовки, и это вызвало такие кривотолки, что Джону пришлось расстаться с тем человеком. Я знаю много способов, как можно злоупотреблять подобными сведениями… Предположим, я отказал бы Гуверу — не дал бы разрешения на прослушивание телефонных разговоров Кинга. Вы представляете

последствия? Не только для Кинга… Нет в стране человека, который мог бы похвастать, что не боится Джона Эдгара Гувера. Нет. Во всяком случае, среди тех, кто хотя бы в какой-то степени занимается политикой. Поверьте мне. И все же у этого решения имелся и другой мотив. Более важный.

Вопрос. Какой?

Роберт Кеннеди. Гувер хотел этим подслушиванием уничтожить Кинга. Мы оба были уверены, что подслушивание не подтвердит обвинения, которое выдвинул против Кинга Гувер…

* * *

Первый «отельный» микрофон для круглосуточного подслушивания всех разговоров, ведущихся в номере, был спрятан в вашингтонском отеле «Уиллард», где Кинг останавливался, всего в одном квартале от Белого дома. Ведя наблюдение за Кингом, ФБР устанавливало также микрофоны в других отелях Вашингтона, в Милуоки, Гонолулу, Лос-Анджелесе, Детройте, Сакраменто, Саванне, Нью-Йорке. По распоряжению ФБР местная полиция Майами, Нью-Йорка и нескольких других городов устанавливала микрофоны и прослушивала разговоры Кинга даже в церквах.

Эндрю Янг, один из ближайших сотрудников Мартина Лютера Кинга, свидетельствует: «Однажды — это было в Селме, штат Алабама, — мы нашли микрофон, спрятанный в церковной кафедре. Мы извлекли его и поставили перед оратором на виду у всех, а преподобный Абернети назвал его „маленьким мерзавцем“ и сказал: „Я хочу напомнить мистеру Гуверу, нехорошо держать такой дорогой микрофон где-то внизу в дырке, где так много статического электричества. Пусть этот маленький мерзавец стоит тут перед нами — прямо, без помех“. И принялся молиться в микрофон Федерального бюро расследований».

* * *

28 августа 1963 года 250 тысяч участников Движения за гражданские права вышли на улицы Вашингтона, чтобы этой демонстрацией ускорить принятие Акта о гражданских правах.

В тот день Мартин Лютер Кинг произнес свою, ставшую известной всему миру речь, начинавшуюся словами: «Я мечтаю…»

«Я мечтаю о том дне, когда на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за стол братства. Я мечтаю о том дне, когда даже штат Миссисипи, штат, изнемогающий от зноя угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

Я мечтаю о том дне, когда четверо моих маленьких детей будут жить в стране, где о них станут судить не по цвету их кожи, а по их характерам.

Я мечтаю о дне, когда каждая долина будет возвышена, а каждый холм и гора понижены. Неровные места будут выровнены, а кривые — выпрямлены. С этой верой я вернусь на Юг. С верой в то, что из горы отчаяния мы сможем высечь камень надежды. С верой в то, что мы сможем работать вместе, молиться вместе, бороться вместе, идти в тюрьму вместе, вставать за свободу вместе, зная, что когда-нибудь мы станем свободны…

Если мы дадим свободе звенеть, если мы дадим ей звенеть в каждом городе и поселке, в каждом штате, мы сможем приблизить тот день, когда все божьи дети — черные и белые, верующие и неверующие, протестанты и католики — смогут взяться за руки и словами старого негритянского духовного гимна сказать: „Свободны, наконец! Свободны, наконец, Великий всемогущий боже, мы свободны, наконец!“»

Эту речь цитировали во всем мире. Кадры хроники, запечатлевшие выступление Кинга, демонстрировались на киноэкранах многих стран.

ФБР доложило правительству, что среди 250 тысяч демонстрантов оно насчитало «не менее двухсот коммунистов». Разведывательное управление ФБР направило Эдгару Гуверу меморандум, в котором, к удовольствию директора, признавало, что разведуправление ФБР до сих пор недооценивало степень влияния коммунистов на Движение американских негров.

В тексте меморандума говорилось:

«Кинг на голову выше всех других негритянских лидеров, вместе взятых, если речь идет о его влиянии на огромные массы черного населения. **Мы должны отныне считать его… самым опасным негром для будущего нашего государства с точки зрения коммунизма, негритянского движения и**

национальной безопасности…

Легальные методы борьбы с ним могут оказаться недостаточными. Было бы неразумно ограничивать самих себя юридически законными методами или обязательно убедительными свидетельствами для доказательства перед комитетами конгресса связи Кинга с коммунистами…»

Практически — это было началом войны против Кинга **всеми средствами**. Дозволенными и недозволенными.

* * *

18 октября 1963 года ФБР официально распространило в столице США «меморандум» о Кинге. Меморандум этот был направлен не только в Министерство юстиции, но также руководящему составу в Белом доме, в Центральном разведывательном управлении, в Государственном департаменте, в Министерстве обороны, в Разведывательном управлении Министерства обороны (РУМО). В этом меморандуме Кинг обвинялся в связях с коммунистами, но нападки на него не ограничивались только этим.

Вопрос. Там были какие-нибудь данные о связях Кинга с коммунистами?

Берк Маршалл (помощник министра юстиции). Нет, этот официальный меморандум фактически был документом личного характера…

Вопрос. То есть?

Маршалл. Атакой на личность Кинга, атакой — безо всяких доказательств — на его характер, его моральный облик, на самого человека, доктора Мартина Лютера Кинга.

Вопрос. Но ведь все эти вопросы, связанные с характером человека, не имеют никакого отношения к ФБР. ФБР, насколько известно, занимается вопросами безопасности США, не так ли?

Маршалл. Этот документ только очень отдаленно относился к чему бы то ни было, связанному с такими вопросами, как, например, существует ли коммунистическое влияние в Движении за гражданские права… Это была просто персональная, личная атака на человека.

Вопрос. Но ведь каждый здравомыслящий человек из руководящего состава учреждений, куда был послан меморандум ФБР, должен был понимать это. По логике вещей они должны были вернуть меморандум Гуверу с протестом. Сделал ли кто-

нибудь это?

Маршалл. Насколько мне известно — нет.

* * *

Распоряжение Роберта Кеннеди о том, что для прослушивания разговоров Мартина Лютера Кинга агентами ФБР устанавливается испытательный срок в один месяц, не было выполнено. За этот месяц произошло множество событий. Одно из них — выстрелы 23 ноября 1963 года в Далласе, оборвавшие жизнь президента Кеннеди.

Мартин Лютер Кинг. «Хотя вопрос — кто убил президента Кеннеди — важен, еще более важен вопрос — что убило его. Наш покойный президент был умерщвлен морально неприветливым климатом… Своей смертью президент Кеннеди говорит нам всем нечто важное. Он говорит кое-что любому политикану, который кормит своих избирателей черствым хлебом расизма и гнилым мясом ненависти. Он говорит кое-что любому священнику, который видит зло расизма и тем не менее хранит молчание, сидя в безопасности за цветными стеклами своей церкви… Он говорит нам всем, что этот вирус ненависти, просочившийся в вены нашей нации, неизбежно приведет к нашей моральной и духовной гибели, если мы не будем его сдерживать».

Когда Мартин Лютер Кинг узнал о смерти президента Кеннеди, он сказал своей жене Коретте: «Со мной произойдет то же самое. Я же говорил тебе, что это больное общество».

«Я ничего не могла ответить ему, — рассказывает Коретта. — Я ничем не могла утешить мужа, я не могла сказать: „С тобой этого не произойдёт“. Я чувствовала, что он был прав. Молчание было страшно мучительным. Я придвинулась к нему и взяла его за руку…»

* * *

Убийство президента страны критическим образом повлияло на весь характер деятельности его брата, министра юстиции. Особенно на его взаимоотношения с ФБР. Он оказался один на один со стариком Гувером. Президентской поддержки у министра юстиции уже не было. Вот почему по истечении месячного срока Роберт Кеннеди не потребовал от ФБР доклада о результатах прослушивания. И «забыл» прекратить его.

«Полная обработка» Кинга продолжалась и усиливалась.

В декабре 1963 года, менее чем через месяц после убийства Кеннеди, в штабе ФБР в Вашингтоне состоялось секретное совещание, на котором обсуждался план действий ФБР против Мартина Лютера Кинга. Повестка дня совещания состояла из 21 пункта. Вот выдержки из нее.

«Об использовании секретных черных агентов ФБР в районе Атланты (Джорджия). Сколько таких агентов потребуется?

Об испвльзовании телефонного и микрофонного прослушивания разговоров, ведущихся сотрудниками Мартина Лютера Кинга. Каковы возможности обоих видов прослушивания?

О возможности выявления недовольных среди сотрудников руководства Движения и (или) бывших сотрудников, которые могут иметь основания быть недовольными.

О возможных связях конторы (отделение ФБР в Атланте. — ***Г.Б.***) среди священников черных или белых, которые могли бы оказаться полезными. О возможном использовании таких связей нами.

О возможности получения информации по финансовым операциям Кинга, которая могла бы быть представлена в выгодном для нас свете.

О возможности подсадки в офис Кинга привлекательной особы женского пола и использования ее для дискредитации Кинга…»

* * *

Из памятной записки Уильяма Салливэна {помощника директора ФБР) Гуверу о совещаний, состоявшемся в штабе ФБР 23 декабря 1963 года:

«…Учитывая деликатность нынешней ситуации, связанной с возвышением Кинга, важнейшей задачей совещания было найти наиболее эффективный способ для проведения следствия с целью получения желаемых результатов, не вызывая при этом неприятностей для Бюро. Во время совещания был проведен также полный анализ путей нейтрализации Кинга, как эффективного негритянского лидера, и **проявления** свидетельств продолжительной зависимости Кинга от коммунистов…»

Из памятной записки Уильяма Салливэна Гуверу от 8 января 1964 года:

«…Наступает время сбросить Кинга с его пьедестала и полностью лишить влияния. Однако, если ФБР добьется успеха в этом, негритянское движение может остаться без национального лидера, обладающего достаточным личным авторитетом, необходимым, чтобы руководить движением в нужном нам направлении. Чтобы не оказаться в таком положении, необходимо уже в настоящее время начать постепенное формирование отвечающего нашим задачам национального негритянского лидера, который мог бы принять на себя руководство негритянским движением, когда Кинг будет полностью дискредитирован.

В течение нескольких месяцев я обдумывал этот проект. Однажды у меня появилась возможность обсудить это с философской и социологической точек зрения с (имя в документе изъято), которого я знаю уже несколько лет. Я спросил (имя изъято), знает ли он негра, обладающего выдающимся интеллектом или подходящими способностями… Он назвал (имя изъято). В приложении к этой записке вы найдете краткую биографию (имя изъято), которая действительно примечательна… Изучение этой биографии покажет, что (имя изъято) обладает всеми качествами, которые я считаю необходимыми для выдвижения его в национальные негритянские лидеры.

Хочу сразу внести ясность: я не предлагаю, чтобы ФБР каким бы то ни было образом было открыто вовлечено в процесс выдвижения негритянского лидера, который должен занять место Мартина Лютера Кинга. Если удастся все это организовать должным образом, так, чтобы роль ФБР в патронации нового лидера осталась в тайне, я полагаю, что всё предприятие окажется полезным не только Федеральному бюро расследований, но и всей стране в целом…»

Кто был тот человек, которого принялось вскармливать ФБР для замены Кинга, чтобы повернуть Движение за гражданские права в «нужном» для ФБР направлении?

Я бы не взялся сейчас с определённостью назвать его фамилию. Тем более, что ФБР могло работать сразу с несколькими людьми.

Скорее всего, таким человеком мог быть кто-нибудь из представителей искусственно создаваемой негритянской буржуазии. Не исключено, что такого человека ФБР могло найти и в окружении Кинга… Деятельность некоторых — к счастью, очень немногих! — близких сотрудников Кинга после его смерти подтверждает мысль, что ФБР могло «патронировать» человека даже из очень близкого его окружения. Правильнее, по-видимому, остановиться на предположении; что ФБР «выращивало» сразу нескольких «лидеров» взамен Кингу, в зависимости от обстоятельств оказывая особую поддержку и особые услуги то одному, то другому, чтобы не зависеть от случайностей тех бурных, жестоких и полных трагических неожиданностей лет.

Но если мы не можем сейчас сказать точно, как и кого вскармливало ФБР для замены Кинга, то вполне отчетливо прослеживается главное направление деятельности ФБР в отношении самого Мартина Лютера Кинга — на его уничтожение. В тот период — речь идет о 1964 годе — уничтожение, надо полагать, подразумевалось только моральное и политическое.

Идея физического уничтожения, видимо, стала разрабатываться позже.

Слово **уничтожить**, кстати говоря, было по отношению к Кингу **официальным термином** ФБР. Его употребляли весьма высокие руководители этой организации. Было даже создано специальное подразделение, которое так и называлось — Отделение уничтожения Кинга (Destroy King Squad). Оно занималось всем комплексом действий, связанных с этим. Прежде всего подслушиванием, слежкой и т. д.

Как проходило подслушивание телефонных и других разговоров Кинга, скажем, в его офисе в Атланте?

Для этой цели Федеральное бюро расследований сняло на Персиковой улице в Атланте, неподалеку от офиса Мартина Лютера Кинга, трёхкомнатную квартиру в знаменитом небоскребе «Пич стрит Тауэре». Одна из комнат этой квартиры, стены которой докрывали панели, вся была заполнена электронным оборудованием. Здесь была принимающая и записывающая техника. А передающие устройства подслушивания находились в самой конторе Кинга, В квартире ФБР постоянно дежурили люди — двадцать четыре часа в сутки, — которые обеспечивали

исправную работу аппаратуры и запись всех разговоров, ведущихся в офисе Кинга. Здесь не жалели денег, поэтому записывали каждое слово, которое произносилось по телефону Кинга, и составляли досье на каждого человека, который звонил Кингу или которому звонили из офиса негритянского лидера.

Каждый человек, который даже по случайности, по недоразумению, да просто по ошибке оказывался хоть раз соединенным по телефону с людьми Мартина Лютера Кинга, попадал в это чудовищное досье. На него заводилась папка, и в папку начинали собирать сведения о нем: год рождения, адрес, место работы, краткая биография, знакомые, друзья, друзья друзей и так далее. Все это называлось поисками «коммунистической инфильтрации» — связей Кинга с Коммунистической партией США. Этой работой был занят огромный аппарат агентов. У некоторых из них, как они сейчас вспоминают, складывалось тогда впечатление, что ФБР вообще ничем другим не занимается. И немудрено, что такое впечатление складывалось. Ведь в те времена Гувер не обращал внимания ни на действия мафии, ни на преступную деятельность кубинских контрреволюционных эмигрантов на территории США, ни на многое другое, что входило в круг прямых обязанностей ФБР. Сейчас трудно сказать, сколько всего сотрудников ФБР занималось **только** Кингом, но такие были и в Нью-Йорке, и — очень много — в Атланте, и в штате Миссисипи, и в штате Алабама. Везде, где только Движение за гражданские права было активным или набирало силу, везде были агенты, деятельность которых почти целиком ограничивалась Кингом и поисками его «связей с коммунистами».

Только одна квартира ФБР в Атланте, подслушивавшая телефонные разговоры Кинга, завела досье на шесть тысяч человек.

Картотека содержалась в бесчисленных папках, аккуратно разделенных по дням (в индексах так и указано: «день первый», «день второй» и далее до бесконечности).

В1977 году министерство юстиции США официально сообщило миру, что свидетельств, доказывающих, что Мартин Лютер Кинг был коммунистом, не существует; не существует также свидетельств, что Мартин Лютер Кинг был связан с коммунистической партией; не существует свидетельств, что Южный Совет христианского руководства, возглавлявшийся Кингом, был организацией, ставившей перед собой иные задачи, кроме задач борьбы за гражданские права негров, не существует свидетельств, что советники д-ра Кинга рекомендовали ему действия, которые можно было бы считать соответствующими

коммунистическому курсу…

Но об этом было заявлено только в 1977 году, через пятнадцать лет после того, как ФБР впервые обвинило Кинга в «подверженности коммунистическому влиянию», и через девять лет после выстрела в Мемфисе (после убийства Кинга ФБР не снимало с него этого обвинения). Но даже если бы связи Кинга с компартией были реальностью, разве это могло считаться преступлением? Ведь Коммунистическая партия Соединённых Штатов — легальная политическая организация. Почему же ФБР занималось поисками связей Кинга с легальной политической организацией? Вряд ли мы получим ответ на этот вопрос у кого-нибудь из блюстителей закона в США.

Люди из Отделения уничтожения Кинга не только преследовали вождя черных американцев, не только следили за ним, но и просто издевались над ним. Скажем, звонили по телефону в пожарную команду и сообщали, что в доме Кинга пожар. Туда прибывали пожарные машины. Шум, претензии, оскорбления. Ему посылались угрожающие письма, какие-то странные мерзкие безделушки. Нетрудно представить, сколько нервов все это стоило Кингу!..

Подслушивание же его разговоров приняло такие масштабы, что ФБР сочло возможным установить свое оборудование даже в отеле в Стокгольме, когда Кинг приехал туда получать Нобелевскую премию мира…

После убийства Джона Кеннеди новый президент Линдон Джонсон довольно скоро избавился от Роберта Кеннеди, которого считал всегда одним из самых опасных своих врагов, и назначил на пост министра юстиции Николаса Катценбаха. Новый министр вообще не требовал от Гувера, чтобы тот испрашивал предварительного разрешения Министерства юстиции на прослушивание телефонных и иных разговоров граждан США.

Отныне ФБР могло не тратить особых усилий на сохранение в тайне своих занятий по «полной обработке» Кинга.

Агенты ФБР — в том числе и высокопоставленные — по указанию главы конторы начали кампанию «утечки» информации о Кинге в прессу. Иначе говоря, активного распространения среди корреспондентов американских газет разных слухов, дискредитирующих Кинга. И не только слухов, но и сфабрикованных магнитофонных пленок или расшифрованных текстов разговоров, записанных в доме Кинга, в офисе и в гостиничных номерах, где он останавливался…

К осени 1964 года эта кампания велась уже по всем правилам беспощадной психологической войны, хотя слово «война» здесь не совсем подходит — война всё-таки предполагает двусторонние

действия. Федеральное бюро расследований просто объявило Мартина Лютера Кинга «врагом номер один».

Тотальная слежка за Кингом не дала, естественно, никаких доказательств о «контроле» над Движением за гражданские права со стороны коммунистов.

И хотя ФБР продолжало распускать слухи о влиянии коммунистов и даже «Советов» на Мартина Лютера Кинга, тем не менее главный упор было решено делать на разрушение огромного морального авторитета Кинга.

Вот перечисление некоторых действий ФБР против Кинга только в одном 1964 году.

23 января Гувер выступал с нападками на Кинга перед комиссией по ассигнованиям палаты представителей конгресса и вручил председателю комиссии конгрессмену Джону Руни фальсифицированные записи подслушанных разговоров.

В марте 1964 года официальные лица из ФБР выступали в университете Маркетт для того, чтобы предотвратить или отменить присуждение Мартину Лютеру Кингу звания почетного профессора этого университета.

В марте же министру юстиции был послан «совершенно секретный меморандум», целиком посвящённый дискредитации Кинга.

В июне официальные лица из ФБР информировали руководителей Национального совета церквей и других влиятельных церковных организаций о «моральной нечистоплотности» Кинга и требовали, чтобы те прекратили свою поддержку Движения за гражданские права негров и его лидера.

В сентябре ФБР обратилось к кардиналу Спеллману — е требованием повлиять на папу Павла VI, чтобы тот не давал аудиенции Мартину Лютеру Кингу.

В октябре 1964 года, когда стало известно о присуждении Кингу Нобелевской премии мира, ФБР разослало специально подготовленную клеветническую, содержащую компрометирующие материалы брошюру о Кинге помощнику президента Джонсона Биллу Мойерсу, постоянному представителю США в Организации Объединенных Наций Эдлаю Стивенсону, высокопоставленному сотруднику Организации Объединенных Наций Ральфу Банчу, сенатору Губерту Хэмфри, губернатору штата Нью-Йорк Нельсону Рокфеллеру, послам США в Лондоне и Осло, а также влиятельным гражданам Атланты, столицы Джорджии, которые собирались устраивать чествование Кинга в связи с получением им премии.

В течение всего 1964 года ФБР рассылало. и предлагало магнитофонные записи, «порочащие» Кинга, известным

журналистам и газетным обозревателям, таким, например, как Майк Ройко из «Чикаго дейли ньюс». А «секретная монография» о Кинге была послана, например, Ральфу Макгиллу из газеты «Атланта конститьюшн» и показана известному обозревателю Карлу Роуэну.

Карт Делоуч, который, занимался у Гувера- связями с прессой, пытался вручить фальшивки, компрометирующие Кинга, главе вашингтонского бюро журнала «Ньюсуик» Бенджамину Брэдли. Во время встречи, которая проходила в кабинете Делоуча, тот предложил Брэдлн ознакомиться с записями бесед, которые вел Мартин Лютер Кинг. Причем, не особенно стесняясь, дал понять, что имеются в виду беседы, записанные при помощи тайных микрофонов в гостиничных номерах, в которых проживал Кинг. Брэдли почувствовал неловкость положения и под благовидным предлогом отказался получить эту запись. А о предложении Делоуча рассказал при первом удобном случае министру юстиции (им тогда был Катценбах). Обеспокоенный министр, по-видимому, понял опасность, которую таят подобные незаконные действия ФБР, и доложил о рассказе Брэдли президенту Джонсону. Президент, сидя в кресле-качалке возле камина, выслушал Катценбаха внимательно. Но ничего не ответил, будто не слышал своего министра. И все же Катценбах, как он потом, через много лет, рассказывал, вынес после этой беседы «твердое убеждение, что Джонсон наверняка что-то сделает для того, чтобы остановить безрассудную кампанию ФБР».

Линдон Джонсон действительно был раздосадован, но, как оказалось, не поведением ФБР, а поведением Брэдли. Один из ближайших советников президента позвонил Делоучу после визита Катценбаха и сказал: «Президенту стало известно, что некий корреспондент разносит по городу слух о том, что ФБР незаконно подслушивает разговоры Кинга, а записи этих разговоров предлагает журналистам для печати; президент рекомендует ФБР не доверять больше означецному журналисту…»

Помощник также передал Делоучу пожелание президента, чтобы материалы о Мартине Лютере Кинге стали известны более широкому кругу влиятельных людей.

С подобными предложениями ФБР обращалось, конечно, не к одному Брэдли. И далеко не все, к кому обращалось заведение Гувера, находили в себе силы поступать так, как поступил Брэдли. Кроме того, у ФБР имелся «специальный список корреспондентов», на которых можно было опереться. Многие газеты имели с ФБР постоянные связи. Таким образом у Гувера не

было недостатка в органах печати, где ФБР могло помещать свои пасквили на Мартина Лютера Кинга.

Война против Кинга расширялась. В неё вводились всё новые и новые элементы.

18 ноября 1964 года Гувер выступал перед группой женщин-журналисток в Вашингтоне.

Обычно он не устраивал пресс-конференций. Довольно редко встречался с журналистами, даже с самыми известными и видными. А тут вдруг сам потребовал устроить ему встречу с группой женщин-репортеров из мелких провинциальных газет, приехавших в Вашингтон в составе туристской группы.

* * *

Он собрал их в конферёнц-зале ФБР и, прежде чем отвечать на вопросы, сказал, что выступит перед ними с заявлением. Всё это было совершенно необычно для него, непохоже на его известное всем поведение с журналистами.

Для чего все это ему понадобилось, выяснилось несколькими минутами позже.

Он говорил о положении в стране, касался раз-дачных сторон жизни, хвастал успехами Федерального бюро расследований и затем объявил, что будет говорить о расовых проблемах. Тут он сделал паузу, налился краской и подчеркнуто громко, медленно произнёс: «Прежде всего я хочу вам сказать, что доктор Мартин Лютер Кинг — самый отъявленный обманщик в нашей стране!..» Затем снова сделал паузу, отпил воды из стакана и продолжал выступление.

Заявление его было настолько неожиданным, настолько непонятным и оскорбительным для всемирно известного человека, что даже журналистки из провинциальных газет были шокированы, долго перешептывались и крутили головами, с испугом и удивлением глядя на всесильного директора ФБР.

На этом совещании присутствовал всё тот же Карт Делоуч, глава отдела ФБР по отношениям с прессой, человек, который занимался распространением порочащих Кинга фальшивок. Но даже он был поражен слишком, как он считал, открытым выступлением Гувера.

В удивлении, беспокойстве он воззрился на директора ФБР, ожидая, что тот хотя бы предупредит журналисток, чтобы они не цитировали в газетах это место из его речи. Но выступление Гувера продолжалось, а никаких оговорок и никаких предупреждений он не делал. Тогда Делоуч вырвал из записной

книжки листок бумаги, вынул ручку и быстро написал, что, по его мнению, было бы полезно изменить фразу, сказанную о Кинге, или указать корреспонденткам, чтобы они не ссылались в печати на директора ФБР. Гувер взял записку в руки, сделав паузу, прочитал ее, смял, выбросил в мусорную корзину и продолжал речь. Делоуч, думая, что директор неправильно понял его, послал ему вторую записку. Тот выбросил ее в корзину, не читая. Обеспокоенный Делоуч принялся было писать в третий раз, но Гувер остановился, обернулся к нему и сказал громко, так, что было слышно в зале: «Не вмешивайтесь не в своё дело».

Когда одна из журналисток в конце встречи спросила Гувера, можно ли цитировать всю его речь, ссылаясь на него, Гувер спокойно ответил: «Конечно».

Вся встреча с третьестепенными журналистками была организована Гувером только для того, чтобы он мог произнести эту свою, ставшую печально знаменитой, фразу. Гувер полагал, что его авторитет, авторитет директора мощнейшего Федерального бюро расследований, если не уничтожит, то, по крайней мере, непоправимо пошатнёт моральный авторитет Кинга. Гувер был уверен, что его слов будет достаточно, чтобы дискредитировать Кинга не только перед страной, но и перед всем миром.

Десятки, а может быть, сотни американских газет напечатали это заявление директора Федерального бюро расследований. Однако моральный авторитет Кинга не только не пошатнулся, но, может быть, даже возрос из-за того, что его пытался оскорбить именно Гувер.

Трудно сказать, понимал ли это сам Гувер. Во всяком случае, он видел, что столь желанного им «разрушения» Кинга не произошло. Видел и продолжал действовать.

* * *

Через три дня после своего заявления на собрании женщин-журналисток Гувер распорядился послать Мартину Лютеру Кингу и его жене магнитофонную плёнку и письмо.

* * *

Уильям Салливэн. Я получил приказ от Гувера организовать посылку магнитофонной плёнки жене Кинга.

Вопрос. Непосредственно от Гувера?

Салливэн. Нет, от помощника Гувера — Алана Дельмонта.

Вопрос. Как это произошло?

Салливэн. Дельмонт позвонил мне, мы встретились. И он сказал мне, что Гувер и Доусон хотят переправить Коретте Кинг некоторые магнитофонные плёнки, для того чтобы разбить ее брак с Кингом, заставить их развестись и тем самым уничтожить моральный статут Кинга. Я возразил…

Вопрос. По моральным соображениям?

Салливэн. Нет, по практическим. Я сказал: «Она немедленно поймёт, что эти плёнки от ФБР».

Вопрос. Что же ответил Дельмонт?

Салливэн. Он сказал, что Гувер хочет остановить Кинга раз и навсегда. И что эти пленки заставят Кинга остановиться. Дельмонт сказал также, что он **стерилизовал**[4] плёнки так, что госпожа Кинг никак не узнает, что они изготовлены в ФБР. Он сказал: «Я распоряжусь, чтобы пленки отобрали и запаковали соответствующим образом. Я пришлю их вам в ящике».

Вопрос. Больше вы не возражали?

Салливэн. Я получил ящик в назначенное время и просмотрел пленки. Мне показалось, что они состояли из нескольких пленок, может быть, из трёх.

Вопрос. Значит, ФБР сделало, так сказать, искусственный монтаж, то есть фальшивку, чтобы послать ее миссис Кинг?

Салливэн. Может быть, это был даже монтаж более чем из трёх плёнок, я не знаю.

Вопрос. Кто готовил эту подделку?

Салливэн. Работа была проведена лабораторией ФБР.

Вопрос. В Вашингтоне? В главном здании ФБР, которое посещают туристы?

Салливэн. Да.

Вопрос. Кто давал этой лаборатории распоряжение об изготовлении фальшивки?

Салливэн. Мне кажется, туда звонил Дельмонт. Но как это было сделано, в точности я не знаю.

Вопрос. А сам Гувер с вами по этому поводу не разговаривал?

Салливэн. Гувер позвонил мне по телефону и распорядился, чтобы пакет был послан Коретте Кинг не из Вашингтона, а из какого-нибудь южного города.

Вопрос. Для маскировки фебеэровского происхождения плёнки?

Салливэн. Я выбрал агента, который умел держать язык за зубами. Я тщательно выбирал — нужен был такой, который никогда никому об этом не расскажет. На всякий случай, я не

сказал ему, что было в пакете, сказал только, что его задача — взять этот пакет, поехать на юг и послать его оттуда почтой по адресу, который я ему сообщу. Он все это сделал. Затем вернулся и доложил, что дело сделано.

Вопрос. А вы доложили Гуверу?

Салливэн. Я никогда не обсуждал с Гувером это дело после того, как мы его выполнили.

Вопрос. И Гувер никогда не упоминал о нём?

Салливэн. Никогда. Во всяком случае, в моём присутствии.

* * *

В пакете, который по распоряжению Гувера был послан Кингу, была не только пачка плёнок. Там было и письмо. Анонимное письмо с угрозой.

Вот его текст:

> «Кинг! У тебя остается один-единственный выход. Ты знаешь какой. В твоем распоряжении только 34 дня, чтобы воспользоваться им. Срок этот установлен не случайно. Для него есть особые соображения. С тобой покончено. Советуем тебе сделать это до того, как твоя грязная мошенническая душа будет разоблачена перед всем народом».

* * *

Такое письмо рядом с магнитофонной плёнкой, которая должна была, по замыслам ФБР, разрушить личную жизнь Кинга и тем самым непоправимо подорвать его моральный авторитет, не могло быть не чем иным, как шантажом, понуждением к самоубийству.

Именно так Кинг и расценил его, получив пакет. Об этом свидетельствует Эндрю Янг: «Он понял, что кто-то непременно хочет заставить его совершить самоубийство».

* * *

Кто был автором письма? С точностью установить, видимо,

невозможно. Да и нужно ли? Может быть, сам Гувер (тут чувствуется его решительный почерк), может быть, Толсон, его ближайший друг, может быть, Салливэн, который столь свободно говорил о прошлых грехах, не боясь наказания. Во всяком случае, черновик письма был найден в бумагах именно Салливэна после того, как Гувер выгнал его из ФБР, а сам умер.

* * *

Салливэн. Я не писал этого письма! Черновик его был просто подложен в мои бумаги для того, чтобы позже скомпрометировать меня. Я уверен в этом!..

Может быть. Но, повторяю, имя непосредственного автора письма не имеет никакого значения, поскольку в точности установлено, что его посылали Кингу по личному распоряжению Эдгара Гувера и, конечно, он, как минимум, одобрил его текст, если сам не написал или не продиктовал его.

«Мистическое» число — 34 дня, названное «не случайно», — объяснить нетрудно. Если отсчитать ровно 34 дня от 21 ноября, когда это письмо было послано, то последний. 34-й день падает на рождество. 1964 года. Авторы письма, возможно, надеялись, что Кинг покончит с собой в канун или в день рождества, «мучимый угрызениями совести». Это выглядело бы «божьей карой».

К счастью, магнитофонная фальшивка, столь тщательно подготовленная ФБР, не оказала никакого воздействия на отношения между Кореттой Кинг и Мартином Лютером Кингом. Несмотря на все меры предосторожности, принятые специалистами из ФБР, несмотря на тщательную «стерилизацию», уши старика Гувера явственно торчали из пакета, полученного Кингом.

Коретта Кинг (в 1975 году). Мы получили пленку, которая вызывала скорее любопытство, чем какое бы то ни было другое чувство. Она была без наклейки. Вместе с Мартином мы прослушали запись и нашли всю фальшивку глупой. Несмотря на угрожающее письмо, мы пришли к заключению, что в этой пленке не было ничего, что могло бы дискредитировать Мартина. И, конечно, быстро поняли, что пленка была сфабрикована на основе тайного подслушивания. Нетрудно было также понять, что вся эта затея — дело рук ФБР.

* * *

Итак, Мартин Лютер Кинг не поддался на угрозу ФБР. И не последовал «совету» — совершить самоубийство. Более того, вся эта грязная история имела один положительный момент для Кинга. Теперь он совершенно точно знал, что любой гостиничный номер, в котором он останавливался, любой частный дом, куда он приходил, его собственный дом и его офис круглосуточно находились под электронным наблюдением агентов ФБР.

На другой день после получения пленки Кинг встретился с Ральфом Абернети и Эндрю Янгом. Он включил магнитофон и попросил их прослушать сфабрикованную запись. А затем сказал, что отныне он точно знает: полагаться на охрану ФБР нельзя. Гувера постигло разочарование. При всем могуществе электронной техники, которой он располагал, при его уме, изворотливости, опыте он никак, однако, не мог понять и оценить всю внутреннюю моральную силу Движения за гражданские права.

Кинг и его Движение продолжали жить.

И пока Кинг был жив каждое его действие, каждая его заметная речь вызывали немедленную реакцию ФБР, которое рассылало по этому поводу всё новые и новые «монографии», порочащие Кинга.

В 1967 году, когда Кинг открыто выступил против войны во Вьетнаме, соответствующая «монография» была немедленно разослана в Белый дом, государственный департамент, министерство обороны, сенат и конгресс.

Когда в 1968 году Кинг объявил о своем плане весеннего наступления на Вашингтон (который стал известен как Поход бедноты в Вашингтон), среди высших представителей вашингтонской власти была немедленно распространена другая «монография» с нападками на руководителя Движения за гражданские права.

Даже после смерти Кинга, когда некоторые конгрессмены предложили объявить его день рождения национальным праздником, руководители ФБР созвали представителей конгресса, чтобы лгать им о «личной жизни» Кинга.

ФБР занималось и другого рода политическими операциями для уничтожения Кинга и его Движения.

Именно ФБР распустило слухи о том, что Кинг имеет в швейцарском банке секретный счет, и даже объявило, что посылает туда своих агентов для проверки.

Совместно с налоговым управлением ФБР начало кампанию по проверке уплаты налогов организацией Кинга для того, чтобы найти или сфабриковать финансовые нарушения и дискредитировать Движение.

ФБР оказывало давление на журналы и издательства, чтобы те не публиковали статей и книг, написанных Мартином Лютером Кингом.

* * *

Попробуем разобраться в легальной основе всего этого издевательства над Кингом.

Прослушивание телефонных разговоров человека, известного всему миру, на основе недоказанных, неподтвержденных и незаконных обвинений в его связях с коммунистами (Коммунистическая партия США — легальная политическая организация) было нарушением прав человека и должно было караться законом.

Установление микрофонов дома и в офисе Кинга, а также во всех гостиничных номерах, где останавливался Кинг, являлось множественным нарушением человеческих прав хотя бы потому, что в поле внимания ФБР (слежка, досье, допросы) попадали все люди, звонившие или заходившие туда. Это преступление должно было караться законом.

Фальсификация записей, препарирование их в нужном для ФБР свете и распространение среди корреспондентов газет являлось нарушением элементарных человеческих прав и само по себе должно было караться законом.

Кампания клеветы, травли, преследования, запугивания и шантажа, которая велась против Кинга государственными органами власти с молчаливого или прямого и открытого одобрения президента, министра юстиции, сената, палаты представителей, других органов власти, а также прессы, была вопиющим нарушением прав человека — преступлением, за которое прямые виновники и соучастники должны были бы нести ответственность перед законом.

Это была издевательская, незаконная, оскорбительная кампания, война на уничтожение доброго имени выдающегося американца.

Однако ни одно официальное лицо в США не понесло за это наказания.

И ни одно официальное лицо в Соединённых Штатах Америки не потребовало прекращения этой кампании. Ни президент Джон Кеннеди, ни президент Линдон Джонсон, ни его помощники, ни министр юстиции Роберт Кеннеди, ни следующий министр юстиции Николас Катценбах, ни сенаторы, ни конгрессмены, ни представители крупной буржуазной прессы.

В 1967 году Кинг и его организация стали основными объектами деятельности ФБР по так называемой программе «Коинтелпро», которая официально была направлена против «черных групп ненависти». Согласно этой программе, ФБР снабжало прессу материалами, обвинявшими Кинга в попытках спровоцировать в 1968 году — году выборов президента — насилие в стране.

Глава пятая

Весной 1968 года Кинг готовил марш бедняков на Вашингтон. 22 апреля они должны были направиться в столицу из разных городов Соединённых Штатов и оставаться там сколько возможно, чтобы привлечь внимание всей страны — самой богатой страны капиталистического мира — к бедственному положению её неимущих.

Сама идея этого марша, в котором должны были участвовать не только негры, но и белые, и индейцы, и мексиканцы, и пуэрториканцы — бедняки независимо от их национальности, вероисповедания или цвета кожи, — была новым шагом Движения за гражданские права, в развитие взглядов самого Кинга.

Кинг становился всё опаснее. «Мечтатель» всё прочнее стоял на земле. Он всё глубже понимал, что проблему гражданских прав для черного населения Америки невозможно решить в отрыве от общих социально-политических проблем.

Марш бедняков был направлен и против войны во Вьетнаме.

* * *

Из речи, произнесённой Мартином Лютером Кингом в церкви Риверсайд в Нью-Йорке 4 апреля 1967 г.

«…С тех пор, когда я решился нарушить своё предательское молчание и начал говорить о том, что скрывалось в глубине моего пылающего сердца, когда я стал призывать к полному прекращению разрушительной войны во Вьетнаме, многие спрашивали меня, разумно ли я поступил, избрав этот путь. В глубине их души не раз возникали вопросы: „Почему вы, д-р Кинг, говорите о войне? Почему именно вы присоединяетесь к голосам протеста? Ведь говорят, что борьбу за мир нельзя смешивать с борьбой за гражданские права“. Не поврежу ли я этим делу своего народа, спрашивали меня. И когда я слышу этих людей, то часто, даже понимая причины их озабоченности, я не могу не чувствовать печали, ибо эти вопросы означают, что спрашивающие не понимают по-настоящему ни меня, ни моего призвания, ни моих

обязательств. Их вопросы означают, что они просто не знают мира, в котором живут.

Я проповедник и думаю поэтому, что вам не покажутся странными те семь основных мотивов, по которым именно Вьетнам предстал перед моим внутренним взором. Прежде всего существует совершенно очевидная и почти непосредственная связь между войной во Вьетнаме и той борьбой, которую я вместе с другими веду в Америке. Несколько лет назад мне показалось, что в этой борьбе мелькнул просвет надежды. Надежда для бедняков, как черных, так и белых, воплотилась, казалось бы, в программе „войны с бедностью“. Проводились эксперименты, возникали новые предположения и начинания. Затем началась эскалация войны во Вьетнаме, и мы увидели, как общество, помешавшееся на войне, ломает и потрошит эту программу, словно надоевшую политическую игрушку. Я понял, что Америка никогда больше не сделает попытки привлечь необходимые средства и энергию для помощи своим беднякам, пока авантюры, подобные вьетнамской войне, не перестанут, как адский насос гигантской разрушительной силы, выкачивать из нее средства и людские резервы. Это всё более и более убеждало меня в том, что война враждебна беднякам, и именно поэтому заставляло с ней бороться.

Возможно, что действительность предстала передо мной в еще более трагическом свете, когда мне стало ясно, что война не только сводит на нет надежды бедняков, но и посылает сражаться и умирать сыновей, мужей, братьев этих бедняков, причем доля их необычайно велика в сравнении с остальной частью населения. Мы берём темнокожих юношей, искалеченных нашим обществом, и посылаем их за 8 тысяч миль защищать в Юго-Восточной Азии свободы, которых они не могли найти в Юго-Западной Джорджии или Восточном Гарлеме. По жестокой иронии судьбы мы наблюдаем по телевизору, как вместе убивают негры и белые и как они вместе погибают за государство, которое не в состоянии посадить их за одну и ту же школьную парту. Мы видим, как они, объединенные жестокостью в одно целое, жгут нищие деревушки, но мы прекрасно понимаем, что в Детройте они никогда не смогут жить в одном квартале. Перед лицом этих жестоких издевательств над бедняками я не могу молчать.

Третья причина моего выступления ещё более обоснована, ибо исходит из опыта, полученного мною в различных гетто Севера за последние три года, особенно за последние три. Лета. Находясь среди отчаявшейся, отверженной и разгневанной молодежи, я говорил ей, что бутылки с зажигательной смесью и ружья не разрешат их проблем. Я пытался выразить им свое глубокое сочувствие, продолжая придерживаться убеждения, что социальные изменения, полные самого глубокого смысла, не есть результат насильственных действий. Но они спрашивали — и справедливо: „А как же Вьетнам? Разве наше государство не использует массовое насилие для разрешения своих проблем и достижения желаемых им перемен?“ Их вопросы били не в бровь, а в глаз, и я понял, что никогда более не смогу поднять свой голос против насильственных действий угнетенных в гетто, пока не выскажусь откровенно о том, кто более всего применяет сейчас насилие в мире — о моем собственном правительстве. Во имя этих парней, во имя своего правительства, во имя сотен тысяч людей, живущих под гнетом насилия, я не могу молчать.

Для людей, которые задают вопрос: „Разве вы не лидеры Движения за гражданские права?“ и тем самым стараются исключить меня из рядов борцов за мир. У меня есть следующий ответ; в 1957 году, когда наша небольшая группа организовала Южный совет христианского руководства, мы выбрали девиз: „Спасём душу Америки“. Мы были глубоко убеждены в том, что нам не следует ограничиваться только борьбой за определенные права негров, но выразили уверенность, что; Америка не сможет стать свободной или спасти свою душу, пока потомки ее рабов полностью не сбросят цепи, которые они всё ещё влачат.

Далее. Должно быть абсолютно ясно, что если вы озабочены единством и существованием Америки, то сегодня вы не можете игнорировать войну во Вьетнаме. Если душа Америки окажется совершенно отравленной — рассеките её, и вы увидите среди прочих ядов также и Вьетнам. И до тех пор! пока Америка разрушает самые сокровенные надежды людей во всем мире, её нельзя будет спасти. Поэтому те из нас, кто твердо решил, что Америка „будет Америкой“, встают на путь протеста и неповиновения, действуя тем самым на благо своей страны…»

(Эта-первая большая речь Мартина Лютера Кинга против войны во Вьетнаме, вызвавшая огромный резонанс в стране, была произнесена 4 апреля 1967 года. Убит он был ровно через год — 4 апреля 1968 года — день в день.)

Нападки на Кинга усиливались. Бывшие его друзья, традиционные негритянские лидеры, резко критиковали его за то, что он вмешивался в политику и требовал прекратить войду во Вьетнаме. Левацкие группы е трансплантированными туда секретными сотрудниками ФБР проклинали его за «позицию активного ненасилия». Так называемые либеральные газеты, которые раньше поддерживали Кинга, обрушились на него.

Эндрю Янг. Для Мартина Лютера Кинга было настоящим горем оказаться под атакой людей, которых он раньше уважал. Он тяжело переживал, например, когда против него выступил Ральф Макгилл (которого, как известно, спровоцировали на это официальные лица из ФБР. — ***Г.Б.***). Я видел, как Мартин Лютер Кинг сидел и плакал, когда увидел в газете «Нью-Йорк тайме» передовую статью, в которой его ругали за выступление против войны во Вьетнаме, Он плакал, он горевал, но это не уменьшало его решимости. Наоборот — увеличивало её.

Травля Кинга достигла высшей точки именно к весне 1968 года, накануне марша бедняков, который мог стать крупнейшей в истории 60-х годов бедняцкой демонстрацией против социального неравенства в США, против войны, против расизма. Тот факт, что марш бедняков был назначен на конец апреля и бедняцкие караваны должны были сосредоточиться в Вашингтоне к 1 мая, наполнял план Кинга устрашающей символикой классового объединения неимущих.

* * *

В тревожные дни марта 1968 года в Мемфисе проходила стачка санитарных рабочих — городских уборщиков мусора — преимущественно чёрных. Она началась еще в феврале. Рабочие местного профсоюзного отделения № 1733 требовали признания своего профсоюза, прекращения расовой дискриминации при приеме на работу, увеличения зарплаты и улучшения условий страхования труда. Мемфисские власти отказывались выполнить эти требования. Священник Джеймс Лоусон, глава стачечного комитета, попросил Кинга поддержать еанитарных рабочих Мемфиса и 28 марта принять участие в мирной демонстрации протеста против позиции городских властей. Присутствие Кинга

должно было привлечь к стачке внимание страны и оказать давление на муниципалитет.

Кинг принял предложение Лоусона. Узнав об этом, одна мемфисская газета написала: *«Кинг намеревается провести в Мемфисе генеральную репетицию марша бедняков!»*

* * *

…Гувер только что закончил разговор по телефону, во время которого больше слушал, почти ничего не говорил, лишь изредка обозначая евое присутствие на этом конце телефонного провода коротким «хм». Положив трубку, не глядя на Салливэна, тактично отошедшего во время разговора подальше от Старика (трубка специальной связи была звучной, и в двух метрах можно было невзначай услышать из нее, даже прижатой к уху, то, что слышать не полагалось), Гувер сделал несколько пометок в блокноте, лежавшем перед ним, затем лёгонько крутанул себя в кресле вначале в одну сторону, потом в другую — это всегда было признаком хорошего настроения — и сказал:

— Слушайте, Билл. Вам никогда не приходилось бывать на генеральных репетициях?

— Нет, не приходилось, — сказал Салливэн, улыбаясь и делая несколько шагов к столу шефа. Глядя на Старика весёлыми глазами, он как бы приглашал его продолжить шутку: ну, ну, что там такое е генеральными репетициями? Новый анекдот о хористке? Старик любил такие анекдоты, хоть и рассказывал их редко, только в моменты уж очень хорошего настроения.

Гувер же не смотрел на Салливэна. А взгляд, всё ещё привязанный к блокноту, был серьезен.

— Есть генеральные репетиции совсем закрытые, — начал Гувер неторопливо, как лекцию, — когда в зал не пускают никого. Даже актеров, которые свободны. В зале сидит только режиссёр. И он не хочет, чтобы кто-нибудь, кроме него, судил о спектакле…

Поощрительная улыбка ещё не сошла с лица Салллвэна, хотя он уже понял — Старик вовсе не собирается рассказывать анекдоты.

— …Но есть генеральные репетиции, на которые приходит пресса, чтобы ко дню премьеры критики успели заготовить рецензии… — Гувер все еще не смотрел на Салливэна. — От такой генеральной репетиции зависит судьба спектакля. Если генеральная не понравится рецензентам — публика не пойдёт на спектакль. Спектакль не проживет и двух дней… Понятно?

Салливэн всё ещё не понимал, к чему клонит Старик. Ну не о

театре же он, в самом деле, решил сегодня говорить со своим помощником. Гувер, видимо, угадал мысли Салливэна и усмехнулся.

— Вы не читали сегодняшних газет, — сказал он без вопросительной интонации.

— Не успел, — сознался Салливэн. — Дома замешкался, а как только пришел сюда, сразу к вам.

— Да, да, — быстро согласился Гувер. — Но вы прочтите. В одной мемфисской газете есть интересная идея, — он ткнул пальцем в груду газет на столе. — Там считают, что Кинг согласился возглавить марш мусорщиков в Мемфисе 28 марта как генеральную репетицию перед маршем бедняков 22 апреля.

— Я так и понял, — кивнул Салливэн.

— Это хорошо, — почти весело согласился директор. — Это очень хорошо, что вы поняли, Билл. Вот и займитесь этой генеральной репетицией, всерьез займитесь. Мне кажется, этот ловкач дал большого маху, согласившись показать спектакль до премьеры. — Гувер снова покрутил себя в кресле, а затем всем корпусом потянулся к Салливэну, будто хотел сообщить ему что-то доверительно. — Он — **подставился**. Ясно? — И повторил с ударением: — **Под-ста-вил-ся**…

— Да, понятно, — опять кивнул Салливэн, улавливая в голосе Гувера особо значительную интонацию.

— Пошлите толковых людей. Самому ехать не надо. Там начальником полиции работает Холломен. Серьёзный человек… И помните: сорвется генеральная репетиция — не будет спектакля. Пусть Мемфис докажет нашим, — он скривился и произнёс насмешливо, — севдолибералам (Гувер всегда говорил именно «севдолибералы», полагая, что так это слово звучит особенно презрительно), что **мирных** чёрных маршей нынче не бывает. Побьют там сотню-другую витрин — и сразу, тут у нас на Севере забеспокоятся… Я ведь его знаю, нашего севдолиберала. Он за помощь бедным чёрным до тех пор, пока у его жены мальчишка-ниггер не вырвал сумочку с кредитной карточкой от Гимблса. Жулики. Ловчат…

Он замолчал, глядя, как Салливэн быстро водит карандашом в блокнотике. «И ты тоже жулик, — без злобы подумал Гувер. — Подхалим и жулик… Когда умру, будешь меня первый продавать. А записи сейчас делаешь, чтобы потом книжечку обо мне выпустить, пасквиль, и заработать… Но только зря ждешь…»

А вслух сказал:

— Когда все это случится в Мемфисе, надо будет позаботиться, чтобы слова «генеральная репетиция» были во всех газетах… — Он посмотрел прямо на собеседника. — А случиться

там могут **большие беспорядки**. Могут быть и убитые. Вы же знаете, у Кинга много противников. Надо **подумать** о его безопасности. Очень **внимательно подумать** о безопасности. Всегда ведь может найтись **сумасшедший одиночка**, который… Ну, в общем, примите все меры…

Карандаш замер в руке Салливэна. Не отрываясь, он смотрел в лицо Гувера, стараясь отыскать в выражении глаз подтверждение своей догадке. Но лицо Старика было непроницаемым…

* * *

Демонстрация в Мемфисе началась в 12 часов дня 28 марта 1968 года. А в 12.30 ее мирный характер был нарушен. Были разбиты первые стекла магазинов на улице, куда вступили демонстранты. Свидетели, жившие в тех местах, потом рассказывали, что полиция вначале спокойно наблюдала за актами грабежа и хулиганства и ничего не предпринимала, чтобы остановить их. А потом, когда насилие уже было совершено, принялась расправляться с демонстрантами. Однако не с теми, кто разбивал стекла или принимал участие в грабеже, — те успели убежать, сделав свое дело, — а как раз с теми, кто, старался сохранить на улице мир. Огнестрельное оружие, полицейские дубинки, слезоточивый газ, нервный газ «мэйс» (впервые примененный американской полицией против мирных демонстрантов именно здесь) — всё это было использовано в массовом порядке по прямому указанию начальника мемфисской полиции Фрэнка Холломена. Все было сделано для того, чтобы в глазах. всей страны мирная демонстрация в Мемфисе превратилась в символ насилия.

Выстрелом из полицейской винтовки был убит 16-летний негритянский подросток Лерри Пейн, 60 демонстрантов были ранены, 280 человек арестованы. Губернатор штата объявил о введении комендантского часа. К вечеру в Мемфис вступили 4 тысячи солдат национальной гвардии.

* * *

Днём 28 марта 1968 года, когда демонстрация в Мемфисе ещё продолжалась, точнее, ещё продолжалось избиение её участников, в кабинет Гувера пришёл Карт Делоуч и положил ему на стол текст информации о событиях в Мемфисе, составленный

сотрудниками отдела Делоуча. В тексте, говорилось:

> «Сегодня Мартин Лютер Кинг-младший провел демонстрацию пяти-шести тысяч человек по улицам Мемфиса. Кинг находился в автомобиле, который двигался впереди демонстрации. Сразу, как только началась демонстрация, её участниками были совершены акты насилия и вандализма — демонстранты били стёкла магазинов и грабили витрины.
>
> Всё это ясно подчёркивает, что акции так называемого движения ненасилия, за которое ратует доктор Кинг, не могут быть в достаточной степени контролируемы. То же самое может случиться и во время планируемого им марша бедняков на Вашингтон».

К тексту простой канцелярской скрепкой была пришпилена сопроводительная записка, адресованная директору ФБР:

> «К сему прилагается информация, напечатанная на бумаге без штампа. Если текст будет утвержден Вами, его передадут в распоряжение лояльных сотрудников средств массовой информации».

Гувер внимательно прочёл текст, не сделал никаких поправок и поставил в верхнем углу свои обычные три утверждающие буквы — «ОКН» (первые две означают «О'кей», третья — инициал его фамилии Hoover).

На другой день большинство газет США вышли со статьями о событиях в Мемфисе. Во многих из них, согласно рекомендациям ФБР, говорилось, что Мемфис — это «генеральная репетиция» перед Походом бедняков в Вашингтон. Вот несколько примеров.

Из газеты «Коммершл клерион», Мемфис, от 29 марта 1968 года:

> «Вчерашние события, вызванные демонстрацией, выражавшей „мирный“ протест от имени бастующих

санитарных рабочих города, рассматриваются всеми как „генеральная репетиция“, которую провел доктор Кинг перед своим планируемым на 22 апреля маршем бедняков на Вашингтон…»

Из газеты «Коммершл Эппил», Мемфис, от 29 марта 1968 года:

«Доктор Мартин Лютер Кинг прибыл в Мемфис, чтобы стать звездой шоу, которое расценивают как „генеральную репетицию“ его марша бедняков на Вашингтон, назначенного на 22 апреля. Имея в виду его собственные стандарты, „ненасилия“, репетиция потерпела полный, провал».

Из газеты «Нью-Йорк таймс» от 29 марта-1968 года:

«Беспорядки в Мемфисе, в результате которых оказались разбитыми стекла магазинов на Билл-стрит, а один негритянский юноша убит, свидетельствуют об опасности концентрации большого количества людей, эмоционально протестующих по разным поводам на улицах городов. Священник доктор Мартин Лютер Кинг, который организовал в Мемфисе демонстрацию, предполагает в следующем месяце провести марш бедняков на Вашингтон. Ни одна из мер предосторожности, которые он и его помощники собираются принять для того, чтобы соблюсти мирный характер марша, не могут дать нам уверенности в том, что во время этого марша не случится то же самое, что разразилось в Мемфисе…»

Некоторые газеты пытались хоть как-то перефразировать текст, полученный от ФБР. Другие же публиковали его безо всяких изменений. Например, *газета «Глоб-демократ» (Сент-Луис)* напечатала в редакционной статье от 30 марта 1968 года:

«Мемфис мог быть только прелюдией к массовому кровопролитию у национального Капитолия».

В тексте же меморандума, полученного редактором газеты от ФБР 28 марта, сказано: «Мемфис может быть только прелюдией к драке у национального Капитолия».

* * *

Утвердив тремя буквами текст для газет, принесённый Делоучем, и отдав бумагу секретарю, Гувер попросил Делоуча задержаться.

— Сколько газет напечатают о «генеральной репетиции»?

— Сейчас трудно сказать. Но думаю, что много, — ответил Делоуч.

— Что значит много? Много — это понятие растяжимое. Для меня тысяча долларов — это много. А для мистера Рокфеллера — так, спички. Кто — в Нью-Йорке?

— Надеюсь, что и «Нью-Йорк таймс». Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

— Не плюйте, у меня новая мебель, — поморщился Гувер. — Ох, не хотел бы я иметь «Нью-Йорк таймс» в своих друзьях. Её удобнее иметь в предателях.

— Почему? — вскинул голову Делоуч.

— Всегда можно точно вычислить, в какой момент они всадят тебе нож в печень. Ведь они предают не по наитию, не спонтанно, даже не по трусости. Они предают профессионально. А профессионала всегда можно предсказать. С ними удобно иметь дело. — Гувер резким движением оторвал от пиджака плохо пришитую пуговицу, сунул в карман. — Сейчас они предают Кинга. Я смогу предсказать за месяц, когда они начнут метить в меня… — он усмехнулся, довольный. — Впрочем, это уже — с небес. Пока я жив, не сунутся…

Делоуч засмеялся свободно и громко, почувствовав, что такой смех будет приятен Старику. И Ста-, рик отозвался:

— Зря смеётесь, Делоуч. Вы будете жить дольше меня. Так, во всяком случае, по природе. И когда я уйду, вам всем придется не очень сладко. Единственный выход — будете все валить на меня: диктатор, не давал слова сказать, подавлял волю, чуть что — увольнял… Так ведь.?..

Последние слова он произнёс с улыбкой. Настолько широкой,

насколько могла быть широкой улыбка у директора ФБР Эдгара Гувера, человека, как известно, не склонного к веселью.

Делоуч выждал паузу.

— Мне трудно вам что-нибудь ответить на это, сэр, — сказал он как можно более-спокойно и твёрдо. — Все мои слова будут звучать глупо. Я только хочу, сэр, чтобы вы жили как можно дольше…

Гувер опустил голову к бумагам и ничего не ответил. Делоуч понял, что нашёл верную интонацию.

Зазвонил телефон прямой связи. Гувер снял трубку, коротко хмыкнул в нее. Это хмыканье было известно всем тем немногим людям, которые имели право звонить Старику по прямому телефону. Услышав хмыканье, там, на другом конце провода, понимали, что у аппарата — сам. Старик слушал, что ему говорили, небрежно держа трубку на некотором расстоянии от уха, будто брезгуя собеседником. Еще несколько раз хмыкнул, дослушал до конца и, положив трубку, сказал Делоучу:

— Его посадили в машину и увезли в «Холидей инн». Оттуда повезут на самолет. Бежал защитник угнетённых и обездоленных. Оставил других расхлебывать то, что заварил сам… Вы говорили с сенаторами?

— Да.

— Кто-нибудь выступит завтра?

— Несколько человек. Вот здесь я подготовил вам памятку о разговоре с одним из них.

Гувер, надев очки, бегло просмотрел листок, бумаги, поставил в верхнем углу свое «ОКН».

— Возьмите это на себя и не теряйте времени.

— Можно идти сейчас?

— Постойте. — Гувер посмотрел в окно. — Он останавливается в «Холидей инн». В отеле для белых. А везде вопит о поддержке бизнеса черных. Что же сам-то? — Старик выругался. — Если уж ты объявил себя святым, так спи на гвоздях, неси крест, не бойся Голгофы. А если боишься — значит, не святой… Надо бы, чтобы сенаторы сказали об этом возмутительном лицемерии.

— Хорошо, сенаторы скажут.

— И в газетах пусть об этом поговорят.

— Правильно.

— Знаю, что правильно… — Гувер с неудовольствием потёр шею у затылка рукой вверх-вниз, вверх-вниз, видимо, поднялось давление. — Найдите там в Мемфисе какой-нибудь приличный отель, которым владеет чёрный. Почему, мол, Кинг не останавливается у своего брата по расе? Говорит одно, а делает

другое?! Ему хочется быть в богатом отеле, в роскоши, с хорошей кухней, среди белых женщин?.. Пусть об этом поразмышляют в газетах.

— Хорошо. — Делоуч быстро записывал.

— Так, чтобы когда он приедет в Мемфис в следующий раз, а он **обязательно**, — Гувер медленно опустил свой кулак на стол, — приедет туда, чтобы реабилитировать своё дерьмовое ненасилие, — так вот, чтобы в следующий раз он установился именно в том отеле, который вы ему назовёте… Понятно? Там есть один приличный, в негритянском районе. Мне говорили. Не помню названия. — Гувер поднялся со стула. — Это — для безопасности. Что бы его, не дай бог, не ухлопали…

— Будет сделано, сэр.

— Дерьмовая вообще-то получается ситуация. Я его еще и охранять должен, этого бандита! Вот треклятая служба!..

* * *

Только в 1975 году, уже после смерти Гувера, стало известно содержание памятки, которую Делоуч передал директору ФБР 28 марта 1968 года. Вот её текст:

> «Во время нашей встречи сенатор выразил беспокойство по поводу планов Кинга организовать демонстрацию в Вашингтоне и сказал мне, что пришло время „устроить Кингу Ватерлоо“. Я сказал сенатору, что, видимо, было бы весьма полезным, чтобы эти мысли он высказал с трибуны сената. Сенатор ответил, что готов сделать это, если ФБР подготовит ему текст речи о Кинге, которую он и произнесет в сенате…»

В Капитолии 29 марта 1968 года несколько сенаторов и членов палаты представителей выступили с речами, посвященными событиям в Мемфисе.

В речах говорилось о том, что в Мемфисе «страна имела возможность посмотреть **репетицию** того спектакля, который может разыграться в Вашингтоне». Говорилось о «возмутительном восстании, которое помог организовать Мартин Лютер Кинг». О том, что «террор в Мемфисе был, вне всякого сомнения, в большой степени спровоцирован речами Кинга, его действиями, его присутствием». Говорилось о том, что «подобное же разнузданное ндсилие вспыхнет в Вашингтоне, когда Кинг

попытается привести туда своих бедняков».

Вот какие слова звучали в тот день на Капитолийском холме.

> «…Акция, которую Кинг планирует для Вашингтона, гораздо более массовая и значительная, чем та, которую он организовал в Мемфисе».
>
> «…Сам „Мессия“ вряд ли будет страдать от насилия и хаоса, которые он собирается устроить здесь. По-видимому, он укроется в каком-нибудь роскошном отеле, чтобы, нежась там в дорогих апартаментах, разглагольствовать о несуществующей расовой дискриминации в нашей стране…»
>
> «…Если этого тщеславного возмутителя спокойствия **не остановить**, то он будет ответствен за насилие, разрушение, грабеж и кровопролития в Вашингтоне…»
>
> «…Федеральное правительство последние годы показывает себя практически бесхребетным, когда речь идет о том, чтобы противостоять нарушителям закона, хулиганам и марксистским демонстрантам. Настало время, чтобы федеральное правительство дало по крайней мере понять стране, что этому нобелев-.скому лауреату не позволят устроить ещё один Мемфис в городе, который является столицей Соединенных Штатов и в котором находится правительство нашей страны.»

Лексика выступлений и вся их тональность не оставляют сомнения в том, что тексты, по крайней мере некоторые из них, писались под влиянием ФБР.

То место в одной из речей, где говорилось о «роскошном вашингтонском отеле», достойно особого внимания. Хотя оратор ничего не сказал о «Холидей инн» в Мемфисе, однако прозрачный намек угадывался чётко. Сенатор вносил (может быть, не ведая о том) свою лепту в осуществление плана ФБР заставить Кинга в следующий его приезд в Мемфис поселиться не в «Холидей инн», а в мотеле «Лоррейн».

Делоуч, как видно, хорошо поработал, выполняя указания своего шефа. Впрочем, с не меньшей старательностью указания директора ФБР выполняли и конгрессмены — эти «независимые слуги народа».

Один из них кричал с трибуны: «…Я призываю президента Джонсона сделать достоянием гласности ту информацию о моральных качествах Кинга, которая ему известна. Об этой информации открыто говорят в Вашингтоне. О ней есть

упоминание в газетах. Я призываю администрацию дать возможность всем гражданам этой страны узнать, что представляет из себя на самом деле человек по имени Кинг и что является его истинной целью».

Сценарий ФБР работал точно и целенаправленно.

* * *

Но вернёмся в Мемфис и попробуем разобраться, как возникло насилие на его улицах во время той демонстрации. Несколько свидетельств.

Лепейн (корреспондент газеты «Ньюсдэй», находился 28 марта 1968 года в Мемфисе).

— Подстрекателями насилия во время демонстрации в Мемфисе были секретные агенты ФБР, несколько секретных агентов и по крайней мере один секретный агент мемфисской полиции.

Джеймс Лоусон (священник, председатель стачечного комитета).

— Перед самым началом демонстрации, когда на улицах собралось более 8 тысяч человек, заполнивших многие кварталы, я, к своему удивлению, увидел в передних рядах, среди так называемых активистов, людей, которых никогда раньше не встречал на совещаниях и митингах, посвященных гражданским правам. Но они держались здесь по-хозяйски, находились впереди и практически повели демонстрацию…

Лепейн. В документах ФБР имеются инструкции, в которых перед агентами-провокаторами ставится задача «навязывать» группам, в которые проникли эти агенты, «незаконные действия»

Вопрос. Известно, что особенно во второй половине 60-х годов агенты ФБР в негритянском движении не раз провоцировали или даже сами совершали незаконные акты насилия для того, чтобы дать возможность полиции расправиться с негритянским движением. Относится ли это к демонстрации в Мемфисе, которую вел Кинг?

Лепейн. В этой демонстрации принимала участие левацкая группа негритянских активистов, которая носила название «Захватчики» («Invaders»), Среди них особенно много было агентов-провокаторов. Один из них, это теперь точно установлено, специально занимался планированием насильственных действий. Один из «захватчиков» рассказывал мне потом, что этот секретный полицейский агент был вооружён русским автоматом калибра 7.62. На совещаниях он всегда

предлагал самые радикальные меры, обязательно включающие незаконные насильственные действия.

Вопрос. Он был, по-видимому, не единственным секретным агентом в этой группе?

Лепейн. Как мне удалось установить впоследствии, полиция и официальные лица из ФБР регулярно снабжались самой детальной информацией о планах группы, ее текущей деятельности, о ее совещаниях.

Свидетельства Лоусона и Лепейна подтверждаются и, официальными материалами сенатского расследования убийства Мартина Лютера Кинга. По данным этого расследования, ФБР имело в группе «Захватчиков» как минимум пятерых своих секретных агентов, которые поставляли всю собранную информацию о деятельности и планах «Захватчиков» в отделение ФБР в Мемфисе. Кроме них, в группу инфильтровался секретный агент полиции Мемфиса, подчинявшийся известному нам Холломену — давнему сотруднику ФБР.

Документально подтверждено, что ФБР было целиком в курсе планируемых провокационных актов насилия во время демонстрации санитарных рабочих в Мемфисе 28 марта 1968 года.

Документально подтверждено, что ни ФБР, ни полиция Мемфиса не предприняли **никаких** мер, которые могли **предотвратить** провокационное хулиганство.

Документально подтверждено, что ФБР и полиция Мемфиса не поставили в известность ни Мартина Лютера Кинга, ни руководство стачечного комитета о предстоящем насилии на улицах во время демонстрации. Да и как они могли поступить иначе, если вся далеко идущая провокация задумывалась в недрах ФБР!

* * *

Но всё, это станет известно значительно позже, а тогда, 28 марта 1968 года, телевизионные камеры показывали всей стране разбитые витрины магазинов на улицах Мемфиса и устрашающие слова «генеральная репетиция перед Вашингтоном» произносились многими обозревателями. А в ФБР с профессиональной точностью и оперативностью, исчисляя время не часами, а минутами, развивали успех (думаю, что военная терминология в данном случае вполне уместна).

* * *

Уже на другой день после демонстрации, то есть 29 марта 1968 года, ФБР сфабриковало новую информацию для распространения среди «лояльных журналистов». Текст был составлен в Управлении внутренней разведки ФБР и утвержден (все те же три зловещие буквы «ОКН») Гувером. Вот этот текст.

> «Во время забастовки санитарных рабочих в Мемфисе, Теннесси, Мартин Лютер Кинг убеждал негров бойкотировать магазины, принадлежащие белым, для того, чтобы добиться выполнения требований черного населения. 28 марта 1968 года Кинг провел демонстрацию санитарных рабочих. Как Иуда, ведущий баранов на убийство, Кинг вёл демонстрантов к насилию. И когда насилие свершилось, Кинг исчез.
>
> В Мемфисе есть великолепный мотель „Лоррейн“, которым владеют негры. Но Кинг не поехал в этот, мотель. Вместо этого Кинг отправился в отель „Холидей Инн“, владелец которого — белый, управляющий — белый и клиентура тоже белая. Именно туда уехал он после демонстрации, потому что там были заказаны ему апартаменты. Как видим, лозунг бойкотировать белых торговцев предназначен не для Кинга, а только для его последователей. Разве не проявляется здесь лицемерие этого обманщика, который так часто и много говорит о морали?..»

Названа фебеэровская статья была так: «Делай, как я ***говорю***, а не как делаю».

На первый взгляд суть этого документа ясна — авторы предпринимали попытки разрушить моральный авторитет Кинга, обвинив его в лицемерии. И только гораздо позже, после убийства Кинга и после того, как существование этого документа, созданного ФБР, открылось, стал понятен главный смысл его. А главный смысл, заключался в том, чтобы заставить Кинга в следующее посещение Мемфиса (а в том, что Кингу придется вновь приехать в Мемфис, чтобы «реабилитировать» идею ненасилия, ФБР было уверено) остановиться не в относительно безопасном отеле «Холидей инн», а в другом мотеле — «Лоррейн», где бы он представлял собой более удобную мишень для убийцы.

(Кстати говоря, Мартин Лютер Кинг нигде публично не говорил о том, что собирается вернуться в Мемфис. Однако ФБР было уверено в этом. Это ещё одно доказательство того, что

каждое слово Кинга, произнесённое, в кругу друзей, записывалось, агентами Эдгара Гувера.)

И сразу же газеты «лояльно» откликнулись на подсказку ФБР и начали писать о «роскошных» комнатах «Холидей инн» и о том, что Кингу следовало бы остановиться в мотеле «Лоррейн». Об этом написала и «Коммершл эппил» (Мемфис), которая даже упомянула, что номер Кинга в «Холидей инн» стоил 29 долларов в день; написала «Пресс скиметр» (Мемфис); написали многие другие тазеты. Об этом писали и мелкие полицейские репортеры, связанные е Фрэнком Холломеном, писали и крупные политические обозреватели, обвиняя Кинга либо прямо в «предательстве» по отношению к своим братьям по расе, либо, более интеллигентно, — в «непоследовательности».

И во многих статьях настойчивым образом упоминался мотель «Лоррейн». Не какой-нибудь другой мотель, принадлежавший черному хозяину, а именно «Лоррейн».

* * *

О чём думал Мартин Лютер Кинг в те дни? Можно представить, как тяжко было этому человеку. Он был совестью, больной совестью Америки, и как настоящая совесть, не мог молчать. Брал на себя всё больше и больше ответственности за то, что происходило в стране. Война во Вьетнаме, экономическое положение бедняков, бесправие негров, индейцев, мексиканцев — все эти вопросы сливались для него всё теснее и теснее в один вопрос, в одну проблему.

Он был решительным человеком, он не отступал в большом и, конечно, не собирался отказываться от марша бедняков на Вашингтон. Слишком, много сил положил он на его организацию.

Но он пытался маневрировать, идти на компромиссы в малом. На фоне всёвозраставшей кампании против него, которой, как теперь ясно, дирижировало ФБР, он пытался найти пути для того, чтобы выбить из рук своих противников оружие против себя, их аргументы.

* * *

Он принял решение ещё раз приехать в Мемфис и всё-таки доказать возможность мирного, ненасильственного марша.

Он принял решение остановиться в мотеле «Лоррейн».

Это были его две трагические ошибки.

Ни он, ни его друзья, конечно, не могли предположить, что «Лоррейн» к тому времени уже был «пристрелян», что уже было найдено самое удобное окно в меблированных комнатах напротив через улицу, откуда был прекрасно виден весь балкон на втором этаже. Кинг должен был выйти на этот балкон. Другого пути из 306-го номера у него не было…

Ну, а если бы Кинг снял не 306-й, а какой-нибудь другой номер, скажем, на первом этаже? Что тогда было бы с планом убийства?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно вспомнить о том, как ФБР организовывало подслушивание *всех* разговоров Кинга, в каких бы отелях он ни останавливался. Это само по себе означает, что ФБР всегда либо заранее знало, какой номер снимет Кинг, либо действовало таким образом, чтобы администрация отеля предоставляла Кингу тот номер, который был рекомендован ФБР (у администрации отелей такая «подсказка» не должна была вызывать подозрений: ФБР ведь «заботилось о безопасности» лидера чёрных).

* * *

Накануне приезда Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля 1968 года в мотель «Лоррейн» явился человек, назвавшийся представителем группы Кинга. Он осмотрел здание, зашел в несколько комнат и зарезервировал для Кинга именно 306 номер.

Как выяснилось позже, никто из окружения Кинга никакого «представителя» в «Лоррейн» не посылал. А хозяин мотеля больше никогда этого человека не видел…

* * *

Не знаю, успело ли ФБР перед приездом Кинга установить в 306 номере подслушивающие аппараты. Возможно, придя на этот раз к решению уничтожить Кинга физически, ФБР не стало оборудовать номер отеля техникой прослушивания, чтобы не давать улик против себя.

Мартин Лютер Кинг вторично приехал в Мемфис днем 3 апреля 1968 года. Он не очень хорошо чувствовал себя, устал, но настроение было бодрым. Травля его газетами, телевидением, с трибуны конгресса достигла высшей точки. Не проходило дня, чтобы он не слышал либо проклятий в свой адрес, либо обвинений в злоумышлении, в предательстве, в лицемерии, либо

вяжущих «соболезнований» по поводу «невольных ошибок» и «тактических промахов».

Утром кто-то из друзей сказал ему, стараясь подбодрить: «Они забыли, что тебя травили даже собаками. А ты выстоял. А уж это как-нибудь перенесем…» Кинг усмехнулся тогда и ничего не ответил. Он понимал, что друг хотел помочь, напомнив тяжёлые годы начала борьбы. Но разве можно сравнивать то время с нынешним. И разве сравнишь собачью травлю с газетной. Тогда ему достаточно было физического мужества и веры в свое дело. Тогда всё было значительно проще — ясно было, кто друг, кто враг. И почти не было предателей. Теперь против него начали выступать те, на кого, он полагал, можно было опереться. Выступали люди, которых он даже любил. Нет, травля собаками ничто по сравнению с травлей газетной…

* * *

Вечером 3 апреля он должен был выступать на митинге в церкви. Но погода была прохладной, шёл дождь, и в какой-то момент он решил, что никто не соберется. От этой мысли почувствовал себя смертельно усталым и попросил Ральфа Абернети, своего верного Абернети, поехать и выступить вместо него.

Ральф понял состояние друга. Он тоже почему-то не верил, что в тот вечер соберется достаточно народу, чтобы Кингу стоило произносить речь…

Но ещё подъезжая к церкви, где должен был проходить митинг, Абернети понял: народу пришло много, очень много, гораздо больше, чем церковь могла вместить… У ступеней, на улице под дождем стояли сотни людей и не расходились. Не входя в церковь, Ральф послал машину назад с просьбой передать Кингу — его ждут, ему надо выступить, в такой вечер он не имеет права молчать.

Кинг приехал через четверть часа возбужденный, решительный. Народ встретил его стоя. Люди кричали: «Кинг! Кинг! Кинг!» Он поднялся на трибуну взволнованный.

— Прежде чем сказать речь, о которой я думал, направляясь к вам, — сказал Кинг, обратившись к слушателям, — я хочу, чтобы вы запомнили: Ральф Абернети — мой самый близкий и самый верный друг…

Он помолчал, благодарно глядя на друга, а затем, опершись двумя руками о кафедру, начал…

— …Если бы я оказался у истоков времени, если бы имел

возможность окинуть оттуда взором всю человеческую историю до наших дней и если бы всемогущий повелел мне: «Мартин Лютер Кинг, выбирай время, в котором хотел бы ты жить», — я совершил бы мысленный полёт из Древнего Египта через Красное море, через дикость — к земле обетованной. Но несмотря на её великолепие, не остался бы там. Я отправился бы в Грецию и взошёл на гору Олимп. Увидел бы Платона, Аристотеля, Сократа, Еврипида и Аристофана, обсуждающих великие и вечные вопросы бытия. Но я не остался бы с ними. Я шел бы дальше — к великим золотым временам Римской империи, чтобы, увидеть жизнь ее при разных императорах и разных вождях. Но не остался бы там. Я пошел бы ко дням Возрождения — увидеть великую миссию Ренессанса в культурной и эстетической жизни человека. Но не остался бы в том времени. Я пошел бы дальше по дороге, туда, где жил человек, именем которого я наречен, чтобы увидеть Мартина Лютера в тот самый момент, когда он вывешивает свои 95 тезисов на двери церкви в Виттенберге. Но и с ним я не остался бы. А пошёл бы дальше к 1863 году — увидеть президента по имени Авраам Линкольн, который подписал Хартию вольности. Но не остался бы там. А пошел бы дальше в ранние 30-е годы нашего века, чтобы увидеть человека, который сказал, что больше всего на свете люди должны бояться страха. Но я не остался бы и там.

Как ни удивительно, я вернулся бы к всемогущему и сказал: «Если ты разрешишь мне пожить хотя бы несколько лет? во второй половине двадцатого столетия, я был бы счастлив».

Это желание может показаться странным, потому что мир, в котором мы живем, перевернут вверх ногами, а страна наша больна. На её земле неспокойно. Это желание может показаться странным. Но я знаю, что звёзды видны только тогда, когда небо тёмное… И я вижу всевышнего. Он трудится в нашем двадцатом столетии, в наше время. Он трудится, и люди, как ни странно, откликаются на его труд, и кое-что происходит, кое-что меняется в нашем мире. Массы людей поднимаются, массы… Живут ли они в Иоганнесбурге, Южная Африка, или в Найроби, Кения, в Аккре, Гана или в Нью-Йорке, в Атланте, Джорджия, в Джэксоне, Миссисипи, или в Мемфисе, Теннесси, их возглас один и тот же: «Мы хотим быть свободными!»

Есть и другая причина, почему я счастлив, что живу в нашем времени… Мы собираемся решить проблемы, которые люди пытались решать в течение всей своей истории, но не смогли… Многие годы люди толкуют о войне и мире. Но теперь уже невозможно говорить об этом. Потому что сегодня нет больше выбора между миром и насилием. Выбор есть только один —

между миром и смертью. Вот где мы находимся сегодня…

И я счастлив, просто счастлив, что бог разрешил мне жить в наше время и видеть всё, что происходит в мире. И я счастлив, что он разрешил мне быть сегодня, в Мемфисе…

* * *

Так говорил в тот вечер Кинг. Говорил и смотрел в зал. Там сидели люди, по обычаям, принятым в негритянских церквах, подталкивая друг друга и время от времени негромко выкрикивая: «Эй-эй»… Эти подталкивания и эти негромкие крики означали, что они соглашались с ним, с человеком на церковной кафедре, они верили ему. Он был возбужден и радостен. Его слушали особенно внимательно и особенно одобрительно в тот вечер, и он всё больше и больше верил, что демонстрация, которую он хотел повторить в Мемфисе, на этот раз будет мирной демонстрацией. Мирной и неодолимой. И она станет началом марша бедняков, который он поведет на Вашингтон в двадцатых числах апреля… Поведет ли? Дадут ли ему? Оставят ли живым? Этого он не мог знать. Но предчувствие возможной смерти в этом жестоком, бурном, тяжелом 1968 году томило, его уже не впервые. И он сказал:

— …Ну вот я и добрался до Мемфиса. И здесь говорят, что мне угрожают, что наши больные белые братья могут отворить что-нибудь со мной. Ну что же, я не знаю, что теперь может случиться. Впереди у нас трудные дни… Как и все, я хотел бы прожить долгую жизнь. У долгой жизни есть свои преимущества. Но сейчас не это меня волнует. Мне хотелось бы только выполнить божью волю. Он дал мне подняться на гору. И я глянул оттуда и увидел землю обетованную. Может быть, я не попаду туда с вами, но как народ, мы достигнем её. И вот я счастлив сегодня вечером. Ничто меня не беспокоит. Я никого не боюсь…

* * *

Ровно через сутки Мартин Лютер Кинг был убит.

* * *

В Америке существует не единственная версия убийства Мартина Лютера Кинга. Некоторые из них более убедительны,

другие — менее. Но есть только одна, которая не убеждает совсем, — та, согласно которой Кинга убил бывший вор-неудачник Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, без помощи, третьих лиц. Та, согласно которой ФБР не имело к убийству никакого отношения.

Эта версия, принятая, объявленная и пропагандировавшаяся ФБР практически с момента убийства 4 апреля 1968 года, оставляет без ответа слишком много недоуменных вопросов (часть из которых — очень небольшая — упоминалась в этом повествовании), чтобы в неё можно было поверить.

Под давлением общественного мнения конгресс США вынужден был провести специальное — своё — расследование убийства Мартина Лютера Кинга. Вначале им занималась специальная комиссия сената, затем комиссия палаты представителей. К 1979 году расследование закончилось.

Оно было разрекламировано максимально — как умеют это делать в Америке, когда хотят рекламы. Заключительные заседания комиссии конгресса показывали по телевидению — напрямую, из здания на Капитолийском холме.

Всё было сделано для того, чтобы доказать: Джеймс Эрл Рэй осужден правильно; он — убийца Мартина Лютера Кинга; Рауля не существовало; Рэю, возможно, помогал кто-то, но, вероятнее всего, это был его родной брат. Одним словом, если заговор с целью убийства Мартина Лютера Кинга существовал (а комиссия при всем своем желании и старании не могла все-таки доказать, что Рэй действовал один, без посторонней помощи), то он не выходил за рамки одной семьи, и, уж конечно, ни о каком участии в нем ФБР не может быть и речи. (Это главное, для этого, собственно, и было организовано расследование.)

Таковы — если очень коротко — основные выводы комиссии, заключенные в сотнях тысяч страниц дела и в восьмисотстраничном «Заключительном докладе», опубликованном в США в 1979 году.

Читаешь этот доклад, напечатанный очень мелким шрифтом, и не можешь избавиться от ощущения, что целью нового расследования было **не установление истины, а создание впечатления** об её установлении. Для этого — реклама. Для этого — телевидение. Для этого — всё шоу.

И если внимательно вчитываться в ход рассуждений комиссии, то очень часто сталкиваешься с такими мотивировками, какие естественнее встретить у торопливых авторов дурных детективов, рассчитывающих на невнимательного читателя, который «все равно проглотит», чем в официальном докладе комиссии конгресса.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В докладе сказано, что усилия ФБР, направленные на то, чтобы поселить Кинга в мотеле «Лоррейн», не имеют отношения к убийству. Мотивировка: Кинг во время своих предыдущих приездов в Мемфис всегда по своей собственной воле останавливался именно в «Лоррейне».

Но позвольте, какое же это доказательство? Если Кинг ранее обычно останавливался в «Лоррейне», по которому столь удобно было стрелять из меблированных комнат миссис Брюэр, то разве не логично предположить, что именно там ФБР и готовило покушение на него? А друзья Кинга спутали карты ФБР (не ведая о том), увезя Кинга после разгрома демонстрации 28 марта в мотель «Холидей инн» (а оттуда — на аэродром). Разве исключена возможность, что убийца — тот самый или другой (ФБР могло готовить и иметь в своем распоряжении не одного, а нескольких террористов с заданием уничтожить Кинга) — уже 28 марта ждал появления Кинга на балконе «Лоррейна», и если бы Кинг после демонстрации поехал не в «Холидей инн», а в «Лоррейн», он был бы убит тогда же, на неделю раньше? (С точки зрения ФБР тот момент был выгоднее: «возмущенный белый» выстрелил в черного «возмутителя спокойствия» сразу после того, как тот провел демонстрацию, закончившуюся насилием.)

И разве не естественно, что раздосадованное ФБР стало так настойчиво внушать Кингу мысль о том, чтобы он вернулся в Мемфис и остановился там именно в «Лоррейне», как обычно, для того, чтобы не было больше таких «срывов».

То обстоятельство, что Кинг ранее часто останавливался тал, не только не опровергает версию о подготовке выстрела из окна ванной комнаты гостиницы миссис Брюэр, — наоборот, **подтверждает её!**

Ещё пример. Комиссия утверждает, что удаление детектива Реддитта с поста в здании пожарной станции № 2 не связано с убийством Кинга, поскольку, как сказано в докладе, миссия Реддитта заключалась «не в охране Кинга, а в наблюдении за ним». Но разве дело в официальном названии миссии (оно, кстати, документально не подтверждено)? Такую мотивировку можно было бы принять только в том случае, если бы помимо «группы наблюдения» за Кингом, состоявшей из двух человек, а затем уменьшенной вдвое, существовала бы другая группа, задачей которой было **охранять** Кинга. Но в том-то и дело, что **никакой охраны** Кинга в Мемфисе Фрэнк Холломен, давний сотрудник ФБР и личный друг Гувера, не организовал. А из так называемой группы наблюдения удалил человека, который с симпатией относился к Кингу и мог помещать плану убийства.

Третий пример. Комиссия заявляет, что выстрел в Кинга произвел Джеймс Эрл Рэй. (оставляя без ответа многие вопросы, возникающие в связи с этим утверждением). Выдвигаются два основных мотива для совершения им этого преступления: первый — враждебное отношение Рэя к неграм вообще (вывод делается на основе нескольких реплик, произнесенных Рэем в присутствии некоторых свидетелей, хотя есть множество других свидетельств, доказывающих, что Рэю не был свойствен расизм) и второй — надежда на денежное вознаграждение (все свидетели без исключения утверждают, что Рэй действительно был падок на деньги).

Казалось бы, денежный мотив работает на версию о заговоре с участием третьих лиц и исключает в данном случае брата Рэя, ибо никакого вознаграждения от брата за убийство Кинга Джеймс Эрл Рэй, естественно, получить не мог. Но комиссия находит остроумный выход: Рэй надеялся получить большой гонорар, написав книгу о том, как он убил Мартина Лютера Кинга.

Допустим. Но чтобы получить деньги за такую книгу, убийца должен был раскрыть себя, а значит, снова сесть в тюрьму. Тогда зачем он бежал из неё в 1967 году? Чтобы снова попасть туда, но уже «богатым человеком»? Снова допустим. Но зачем тогда нужно было скрываться от ФБР после выстрела в Мемфисе? Ведь написать и. издать книгу «в бегах», инкогнито — он не смог бы. И, наконец, если его целью было жить в тюрьме «состоятельным узником», зачем тратить 47 тысяч — весь гонорар, полученный от писателя Хьюи — на адвокатов? Согласитесь, что мотив абсолютно несостоятельный.

Такие примеры можно было бы множить и множить.

Главными свидетелями, на основании показаний которых комиссия строит свои выводы о непричастности ФБР к заговору с целью убийства Кинга, являлись нынешние и бывшие сотрудники и агенты ФБР. Но выдавать их показания за правдивые — дело в высшей степени рискованное. Если Гувера — даже мёртвого! — боятся до сих пор многие сенаторы, то что же говорить о сотрудниках ФБР, которые прекрасно знают, как умеет эта организация разделываться со своими врагами. Однако проинструктировать каждого возможного свидетеля — дело трудное, если не невозможное, поэтому сама комиссия признает, что многие свидетели из ФБР противоречили друг другу, некоторые обстоятельства действий ФБР против, Кинга «не ясны» или «необъяснимы». В заключительном докладе сказано также, что среди документов, полученных комиссией в ФБР и относящихся к Мартину Лютеру Кингу, обнаружены «изъятия». Однако никаких выводов из этих обстоятельств комиссия не

сделала.

Комиссия также заявила, что не смогла восстановить полностью картину преследований Кинга со стороны ФБР по той причине, что главные авторы и исполнители «ушли из жизни естественным путем» (добавим от себя — ушли и **насильственным**: в частности, в 1977 году был убит во время охоты, как утверждают, «случайно», известный нам Уильям Салливэн, помощник директора ФБР, человек, который после смерти Гувера наиболее охотно из его близкого окружения давал показания против своего бывшего шефа).

Комиссия позволила себе и явные передергивания.

В «Заключительном докладе» утверждается, например, что позиция директора ФБР Эдгара Гувера, отрицающая возможность заговора в убийстве Мартина Лютера Кинга, стала известна лишь 20 июня 1968 года. Ссылка дается на запись беседы между Гувером и министром юстиции Кларком, сделанную самим директором ФБР. «Я сказал, — говорится в записи, — что Рэй является расистом, что он не любит негров, не любил Мартина Лютера Кинга, что существуют указания на то, что еще до Мемфиса Рэй располагал информацией о выступлениях Кинга в различных городах, а затем выбрал Мемфис».

Таким образом, комиссия пытается косвенно утверждать, что вывод об «убийце-одиночке» был сделан Эдгаром Гувером только через два с половиной месяца после убийства, то есть после тщательного расследования его обстоятельств.

Однако впервые было официально заявлено о том, что «никакого заговора не было», буквально на другой день после выстрела. Заявлено устами министра юстиции со ссылкой на «неопровержимые» доказательства, полученные от ФБР. И заявление это затем повторялось во всеуслышание — по телевидению и в газетных интервью — неоднократно в течение нескольких следующих дней.

ФБР поспешно навязывало стране и миру версию о том, что Рэй «действовал в одиночку», когда ни о каком расследовании не могло быть ещё и речи, поскольку Рэй находился вне пределов досягаемости.

Торопливость и навязчивость выдает ФБР с головой. Но комиссия предпочитает молчать об этом, видимо, рассчитывая на забывчивость людей.

Повесть, которую вы прочли, не следственное дело. В ней есть предположения, вымысел. Но приведённые в ней документы — подлинные, взятые из американских источников, и они позволяют утверждать следующее.

Уничтожение Кинга готовило Федеральное бюро

расследований США, правительственная организация, призванная пресекать беззаконие в стране. Готовило, по крайней мере частично, с ведома и согласия высоких официальных лиц и в правительстве, и в Белом доме, и в конгрессе.

Подготовка шла по нескольким линиям и в несколько этапов.

Вначале было решено уничтожить, Кинга политически, обвинив в связях с коммунистами.

Кинг выдержал эту атаку.

Параллельно началась работа по моральному уничтожению Кинга.

Кинг выдержал эту атаку.

Когда стало ясно, что авторитет Кинга не поколеблен, была сделана попытка разрушить его семейную жизнь и довести его до самоубийства.

Мартин Лютер Кинг и Коретта Кинг выдержали эту атаку.

С 1967 года вступил в действие «Коинтелпро» — план пропагандистских мероприятий ФБР, целые которого было при помощи средств массовой информации создать вокруг Кинга атмосферу ненависти. Расчет: в больной Америке 1968 года всегда нашлись бы люди, которые, читая грязные статьи о Кинге, инспирированные ФБР (в них встречались и такие строчки: «Эти бегающие глаза, этот хищный рот, эта темная физиономия с розовыми ушами — разве не похож Кинг на крысу?»), сочли бы, своим патриотическим долгом избавить американский народ от «самого отъявленного обманщика в стране» (выражение Гувера).

Практически ФБР провоцировало любого расиста на физическое уничтожение Кинга, готовило «убийцу-добровольца».

Показательна в этом смысле статья, которая появилась в крайне правой газете «Тандербоулт» («Удар молнии») вскоре после преступления, совершенного в Мемфисе.

«Человек, который убил Кинга, на самом деле лишь придерживался закона нашей страны и выполнял предписание мемфисского окружного суда Соединённых Штатов, который запретил демонстрации. Белый человек, который выстрелил в Кинга, должен быть награждён конгрессом Медалью чести и большой ежегодной пенсией пожизненно. Кроме того, президент США должен даровать ему освобождение от судебного преследования».

Одновременно ФБР, как считают многие, готовило прямое убийство Кинга при помощи своего собственного агента с использованием для прикрытия в качестве «подсадной утки» Джеймса Эрла Рэя, мелкого вора, заранее скомпрометированного тюремным прошлым. Схема, знакомая по убийству Джона Кеннеди в Далласе. Только там Освальд, по-видимому, слишком

много знал — его пришлось тут же убрать. Здесь же, в Мемфисе, все было сделано тоньше: Рэй, вероятнее всего, до последнего момента так и оставался в неведении — кто им командовал, чью волю он исполнял.

Комиссия не смогла **по существу** опровергнуть участие ФБР в заговоре.

Но чтобы разобраться в несуразице множества ее мотивировок и выводов, надо точно знать обстоятельства дела, надо внимательно вчитываться в сотни страниц доклада, надо сопоставлять и анализировать. Это сложно и долго. Это — для специалистов.

Задачей, же комиссии было не специалистов убеждать, а провести большое шоу для простого американца.

Расчёт чисто психологический: обыкновенный американец, сидя с банкой пива в кресле перед телевизором у себя дома и увидев на экране заседание комиссии, услышав энергичную речь её председателя, понаблюдав довольно скучные допросы свидетелей, переключит телевизор на другую, более веселую программу, вздохнет с облегчением и скажет: «Ну вот и хорошо, разобрались наконец. Поправили, что нужно. Теперь все в порядке. Обмана быть не может — ведь перед всей страной показывали, перед всем народом…»

Только скажет ли?..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Давние литературные традиции повелевают в конце книги рассказать о дальнейшей судьбе её героев: «злодей был наказан, остаток жизни провёл в трудах праведных»; «Дженни вышла за любимого Джека, они прожили счастливо до глубокой старости и умерли в один день». И так далее в том же духе…

Ах, как хотелось бы и мне сообщить что-нибудь подобное. Но, увы, книга эта не выдумана, ее писала жизнь, а жизнь, как известно, автор суровый и беспощадный.

Это верно, что прошлое — пролог к настоящему и будущему. Но, к сожалению, далеко не все извлекают из прошлого те уроки, которые, казалось бы, очевидны, которые диктует разум.

Преступная война во Вьетнаме, принесшая людям столько горя, поднявшая волны гнева и протеста во всем мире, стала для хозяев Америки 80-х не столько уроком, сколько прологом к новым подобным же войнам: против Сальвадора, Никарагуа, Ливана, Гренады.

Убийство Мартина Лютера Кинга агентами ФБР, покрывшее позором Америку, нашло своё продолжение не в борьбе против государственного терроризма, а в новой волне его уже на международном уровне. Вспомните убийство агентами ЦРУ генерала Шнейдера, великого чилийца Сальвадора Альенде, другого замечательного чилийца — Орландо Летельера. Вспомните неоднократные покушения ЦРУ на жизнь Фиделя Кастро. Вспомните подготовку во Флориде и в Калифорнии террористических банд для засылки их в Никарагуа, вспомните действия американских инструкторов в Пакистане, вооружающих и обучающих банды наёмников против Афганистана.

Итальянский режиссер Антониони — да и не только он — видел в 1968 году предтечу серьёзных прогрессивных социальных и политических изменений в Америке. Но жизнь распорядилась иначе, и 80-е годы там выглядели в таком виде, в каком их предсказал Орвелл. И элементы «1984»-го были видны ещё в 1968-м.

Диагноз доктора Спока был использован хозяевами Америки не для того, чтобы вылечить больное общество, а для того, чтобы симптомы болезни развить, узаконить и объявить их признаком «здоровья». Во всяком случае, принципы Джорджа Уоллеса не ушли в небытие. Они в увеличенных размерах воплотились в политике — внутренней и внешней — американской администрации 80-х годов. А доктор Спок в 1984 году вновь был арестован за участие в антивоенной демонстрации, как тогда, в

1968-м.

И даже полет к Луне, вызвавший радость и гордость за человека, обернулся в середине 80-х безумным планом милитаризации космоса.

Мой знакомый, известный американский писатель, рассказывал мне, как однажды, приехав в 1968 году во Вьетнам, он попал под ракетный обстрел северовьетнамского селения американскими вертолётами. Он выскочил из машины, в которой ехал, бросился в канаву и лежал там, захлебываясь в грязи, стараясь исчезнуть в ней, утонуть, лишь бы его не заметили те его соотечественники, которые били ракетами с напалмом по мирной деревушке. Он вжался в грязь, опустил в нее лицо, только изредка поднимал голову, чтобы хлебнуть воздуху, и снова — в жижу…

А рядом с ним тоже в грязи валялся транзисторный приемник, который до этого висел у него на плече. Приемник продолжал работать, и когда наступала пауза между взрывами, когда стихали людские крики боли и отчаяния, писатель слышал из приемника слова американского диктора, передававшего сообщения о полете американских астронавтов к Луне…

Жизнь сложна и противоречива. Книга, которую она пишет, лишена сантиментов. Но эпилога к этой книге нет и быть не может. Пока есть разум человеческий, пока есть человеческое сердце — всегда будет надежда и всегда будет уверенность: эпилога быть не может! Не должно быть! Сегодняшний мир сложен, смешон, подчас трагичен и уродлив. Но он и прекрасен. И за него стоит драться, чтобы спасти жизнь наших детей, наше будущее и наше прошлое…

ВЫБОР ПОЗИЦИИ

Многие драматурги и прозаики пришли в литературу из журналистики. Этот путь естествен. Любознательному, одаренному человеку профессия журналиста дает действительно уникальную возможность познания жизни во всей ее противоречивости и многообразии, сводит с людьми, судьбы которых так и просятся на страницы романов и повестей, забрасывает в самые отдаленные уголки земли. Но, пройдя эту увлекательную, хотя и нелегкую школу, накопив материал, большинство писателей практически порывают с журналистикой. Осмысление действительности происходит уже на ином уровне, да и пишется уже совсем по другим законам.

Но есть редкие исключения, когда пишущий умудряется хранить верность обеим музам. Таков Генрих Боровик. Известный драматург, пьесы которого идут в нашей стране и за рубежом, — «Интервью в Буэнос-Айресе» поставили почти 100 театров. Около девяти месяцев эта пьеса шла в Нью-Йорке. Талантливый прозаик, роман которого «Пролог» получил Государственную премию СССР. Но журналистика никогда не была для Г. Боровика занятием временным, и не только потому, что пять лет он был главным редактором журнала «Театр»…

В одном интервью, отвечая на вопрос, какому жанру он отдает предпочтение) Г. Боровик сказал: «Свою творческую жизнь я начал с публицистики. Публицистика мне чрезвычайно дорога. Она пронизывает мою работу. В том числе драматургию, прозу. Я считаю „Пролог“ публицистическим романом».

То, что делает в литературе Г. Боровик, рождено его даром, знаниями, биографией и, наконец, позицией, накрепко цементирующей все остальное. Активной позицией нашего современника, прекрасно представляющего себе все сложности и драмы нашего времени, чётко определившего для себя, что есть Добро и что есть Зло, посвятившего свою жизнь и творчество борьбе за свободу и справедливость, против фашизма и любой другой реакции. Можно сказать, что постоянное противоборство сил прогресса и консерватизма во всех его проявлениях — сквозная тема творчества

Г. Боровика.

Особенность даже самых ранних книг писателя в том, что он — рассказчик-собеседник, в силу сложившихся обстоятельств знающий побольше нас о том, о чем идет речь, и готовый с нами щедро этим знанием поделиться. Собеседник умный, тонкий, способный внимательно выслушать чужое мнение, даже принципиально для него неприемлемое. Г. Боровик никогда не навязывает свою точку зрения ни тем, с кем он, автор, встречается на страницах своих книг, ни нам, читателям. Вступая в диалог даже с противником без предвзятости и предрассудков, он аргументированно отстаивает свою позицию. Хороший пример тому диалог с президентом компании (повесть «Май в Лиссабоне»).

Внутренний драматизм, присущий публицистике как жанру, состоит в том, что статья или книга, острые и злободневные, становятся достоянием истории в тот же миг, как разрешается социальная или политическая проблема, вызвавшая их к жизни. И тогда, несмотря на остроумие, стилистический блеск, это произведение вряд ли будет представлять интерес для широкого читателя. Иными словами, беря в руки публицистическое произведение, опубликованное более двух десятков лет тому назад, опасаешься… А будет ли оно сегодня читаться?

«Повесть о зеленой ящерице» — это написанная по горячим следам хроника кубинской революции, увиденная автором в ее разных проекциях. Уже в этой вещи просматривается метод Г. Боровика-прозаика. Он органично синтезирует авторское повествование — рассказ о том, свидетелем чего он был сам, побывав на Кубе в 1960 году, с документальными материалами, а также историями разных людей, изложенными так, как должно быть в романе или повести.

Г. Боровик обладает не частым для журналиста или даже для писателя даром открывать в конкретном факте его социальное и историческое значение. Многочисленные и многообразные попытки США задушить кубинскую революцию освещаются не просто как козни империализма, а как выношенная и отлаженная модель американского вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Надо ли говорить сегодня о том, что эта модель, сохраняя свою суть, становится все более изощренной и откровенной.

Афганистан, Никарагуа, Гренада, Блцжний Восток… А печальной памяти афера «Иран-контрас», серьезно пошатнувшая престиж Рейгана…

«Человеческое сердце сильнее фашизма» — напишет Г. Боровик через несколько лет, повествуя о конце фашистского режима в Португалии («Май в Лиссабоне»). И он имеет полное право сказать так еще и потому, что годом раньше вышла книга о трагедии Чили «Репортаж с фашистских границ». Эти две небольшие повести свидетельствуют о том, как умелое владение техникой репортажа и монтажа позволяет Г. Боровику передать атмосферу происходящего.

Быть может, наиболее последователен и удачен опыт, достигнутый автором в романе-эссе «Пролог».

Даже самому искушенному литературоведу будет трудно определить жанровую принадлежность этой книги. Что это? Роман-хроника, укорененный в мощном документальном фундаменте? Роман политический, ибо текст книги буквально пронизан политикой, да и как писать об Америке вне политики? Без труда обнаруживаются в произведении и черты романа детективного, особенно во второй его части, которая так и называется — «Расследование».

В самом деле, в «Прологе» сосуществуют принципы и приемы разных жанров. Это определенный тип романа, синтезирующий опыт литературы факта и репортажа с эпическим по своей природе интересом к истории. Огромный пласт жизненного материала, противоречивого и многослойного, досконально изучен, тщательно отобран и осмыслен. Силой писательского мастерства он воссоздан в единое целое — динамичное, увлекательное повествование о том, какой была Америка в том памятном, «неспокойном» 1968 году.

То спокойный, то эмоциональный, то иронический голос рассказчика передаёт пульс времени, рисует часто парадоксальные, противоречащие друг другу лики Америки. Трезвые дельцы и политики, готовые к любому компромиссу ради сверхприбыли; безумцы ультраконсерваторы, искренне убежденные в том, что «делами Белого дома правит русский посол»; и наконец, совесть Америки: журналист и писатель Джозеф Норт с его славным прошлым бойца-интербригадовца в республиканской Испании, неутомимый борец за гражданские права Мартин Лютер Кинг, благородный

доктор Спок, неоднократно привлекавшийся к судебной ответственности за участие в демонстрациях протеста против агрессии США во Вьетнаме, и многие, многие другие знаменитые и безвестные участники демонстраций и маршей протеста против политики администрации.

Главный лейтмотив романа — художественно-публицистическое и, надо сказать, в высшей степени доказательное развенчание мифа о свободе и демократии в США. Несчетное количество раз участники мирных демонстраций оказывались жестоко избитыми полицией за… сопротивление властям. Долгая и откровенная травля Мартина Лютера Кинга, завершившаяся его убийством, была не чем иным, как попранием самых элементарных прав человека и продуманной расправой с инакомыслящим, который, впрочем, вовсе не ставил своей целью свержение существующего в США политического строя.

Особо следует обратить внимание на то, как Г. Боровик показывает действие механизма «свободных и демократических» выборов в США. Своеобразный эффект присутствия достигается Монтажом фактов и, цифр с точной передачей атмосферы грандиозного рекламного шоу, в которое превращается и предвыборная кампания, когда создается образ кандидата — «очень сложное сооружение», и сами президентские выборы. Любое «сооружение», как известно, требует денег. Писатель сообщает, какие астрономические суммы затрачивают на предвыборную кампанию рискнувшие стать кандидатами в сенаторы, не говоря уже о претендентах в Белый дом. А если помнить о том, что большинство делегатов на съездах как республиканцев, так и демократов вовсе не выбирается, а назначается партийными боссами, то станет очевидно, что для любого кандидата, не связанного с крупным монополистическим капиталом, шансы играть какую-либо реальную роль в политической жизни США практически равны нулю.

Писатель смело и, казалось бы, парадоксально сравнивает процедуру выдвижения кандидатов в президенты с выборами Мисс Америки и с… совещанием глав могущественных кланов мафии. Впрочем, формальное сходство налицо — во всех случаях «имидж», доступный публике, призван скрыть истинную суть человека, а окончательный результат предрешён и

почти не зависит от усилий тех, кто принимает участие в этих грандиозных рекламных шоу; кстати, каждый «босс» мафии размещается в отдельном отеле — ну точь-в-точь как крупный партийный деятель.

Аналогия, проводимая Г. Боровиком, глубока а, бесспорна. И в конкурсе Мисс Америка, и в президентских выборах последнее слово всегда остается за представителями крупного капитала. Сходство же в манерах поведения «боссов» мафии и лидеров двух крупнейших политических партий в США отражает их давние и не слишком, увы, респектабельные связи. Писатель к месту напоминает, что два известных гангстера Лучиано. и Джевонезе, по существу, руководили нью-йоркской организацией демократической партии.

Ироничная, насыщенная фактами и деталями глава «Житие дона Витоне Великого» становится своеобразной кульминацией ещё одной лейтмотивной линии книги, вбирающей в себя разные лики насилия, столь распространенного в американском обществе. Не секрет, что насилие вовсе не исключительная прерогатива гангстеров и трогательно опекающих их полицейских.

Это и жестокая расправа со своими политическими противниками (Р. Кеннеди, М. Л. Кинг), а попытки экономического и военного давления с тем, чтобы навязать народу другой страны помимо его воли тот строй, который нравится американскому правительству. Теперь Г. Боровик рассматривает эту проблему, так сказать, изнутри американского общества.

Приверженность к насилию как к средству решения спорных вопросов, столь бурно заявившая о себе в том, уже ставшем историей 1968 году, и ныне продолжает приносить свои отравленные плоды. Именно в. шестидесятые годы зарождался и формулировался принцип, положенный в основу деятельности нынешней вашингтонской администрации, — «мир с позиции силы». Именно там, в тех шестидесятых, истоки разбойничьих акций США по отношению к Гренаде, Ливии, Никарагуа.

Для Г. Боровика политическая реальность США — неиссякаемый источник не только острозлободневного, но и требующего художественного осмысления материала. Образен и точен стиль, Кажется, никто еще не дал столь превосходного и яркого определения

западным средствам массовой информации: «Гигантский, шумный, мощный, круглосуточно вибрирующий пылесос новостей».

События, о которых повествует «Пролог», описаны многократно. Тем сложнее было выявить в этом калейдоскопе фактов новый смысл, открыть неожиданные грани и аспекты. Г. Боровику это удалось.

В том, что так оно и есть, убеждает вовсе не мнение одного критика или критики вообще, высоко оценившей «Пролог», а признание самой широкой читательской аудитории. В анкете «Роман-газеты» «Пролог» назван в числе первых произведений. Это тем более любопытно и знаменательно, что сюжетное движение романа держится вовсе не на напряженной, занимательной интриге и не на беллетризованной биографии видного исторического лица. В «Прологе» два героя: всегда интересовавшая нас страна — Америка и живая, серьезная, острая, подкрепленная глубоким знанием мысль автора, требующая от нас, читателей, немедленной отдачи, интеллектуальной реакции.

Вот и судите сами, сколь оправданы рассуждения о том, что наш читатель сегодня предпочитает лишь развлекательную литературу.

Писатель сейчас в полном расцвете сил. Можно только по-доброму позавидовать его динамизму, трудоспособности и продуктивности. Нет никаких сомнений, что читателей ждут встречи с его новыми вдумчивыми и увлекательными книгами.

Георгий АНДЖАПАРИДЗЕ

© «Роман-газета», 1988 г.

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ

Почта редакции «Роман-газеты» обширна и разнообразна. В последние месяцы поток писем еще больше увеличился. Читатели благодарят, высказывают пожелания, критические замечания. Нередко суждения читателей о художественном уровне и тематике произведений прямо противоположны.

Редакция прислушивается к читательским замечаниям, обсуждает их, принимает во внимание наиболее важные и серьезные из них при составлении тематических планов, разработке перспектив развития журнала. Будем- откровенны: тон некоторых писем недоброжелательный, грубый, порой просто оскорбительный для авторов и редакции. Культура дискуссии предполагает уважительное отношение к оппоненту, ко всем тем, кто участвует в нашей работе. Надеемся на дальнейший взыскательный, доброжелательный, принципиальный разговор, который будет помогать в нашем общем деле.

Вот некоторые выдержки из писем, полученных редакцией за последнее время.

«Отрадно узнать, что редколлегия „Роман-газеты“ интересуется читательским мнением о тематике произведений на 1988 год. Это — важный элемент перестройки»

(Аксенов И. М., г. Североуральск).

«Очень хорошо, что Вы предложили читателям „Роман-газеты“ список произведений для выбора на публикацию в 1988 году. Поскольку интересы читателей весьма различны, то и предложений будет очень много и тоже разнообразных. Вряд ли Ваше решение сможет удовлетворить всех подписчиков…»

(Винокуров К. П., г. Куйбышев).

«У Вас можно прочитать один журнал за весь год, все остальные журналы сразу попадают в „Букинист“ и там ждут своего любителя»

(Мороко Виталий, г. Славянск).

«Бывая — и нередко — в Ярославле и Архангельске,

как и в Астрахани и других городах, я категорически нигде не видел, а потому при всем моем желании не мог нигде купить какой-то — без различия выпуск „Роман-газеты“!»

(Суханов Ю. Д., г. Горький).

«Нужно сказать, что каждый журнал имеет свою особенность»

(Барн С. Э., г. Днепропетровск).

«Я желаю… не слишком увлекаться фантастикой, детективами и историческими жанрами»

(Куприянова М. Я., г. Ленинград).

«Считаем, что необходимо закрыть дефицит в хорошей исторической, приключенческой и фантастической литературе. В настоящее время спрос в такой литературе, особенно среди молодежи, во много раз превышает предложение»

(Жаров М. С., г. Томск).

«Мы… пришли к выводу, что последние годы половина опубликованных в журнале произведений просто макулатура»

(Сукичев Ю. М., г. Вологда).

«Я много лет подписываю Ваше издание и с удовлетворением могу отметить, что большая часть издаваемой литературы достойна похвалы»

(Кошелева О. И., г. Жданов).

«Спасибо Вам огромное за то, что Вы есть! Я живу в глухой периферии. И вся надежда на Вас, т. к. все книги до нас доходят крайне редко»

(Гусейнова, Саратовская область).

«У нас по всему Советскому Союзу происходит перестройка. Вот Вы и подумайте, как Вам перестроиться с историко-политического описания капстран на лучшие русские романы… А какое наше дело, как он живёт,

японец, как ест, как моется и кому молится. Разве это к „Роман-газете“ относится?»

(Вахин В. Н., г. Коломна).

«Уважаемая редакция!.. Я получил от Вас… весьма корректный и вразумительный ответ от 08.07.87 г., что заставляет меня ещё раз обратиться к Вам с настоящим письмом и принести свои извинения за резкий и раздражённый тон первого моего письма»

(Ноздрин М. М., г. Астрахань).

«Хотелось бы поблагодарить редакцию за успешную борьбу с искусственным дефицитом, с книжными спекулянтами. Спасибо за перестройку»

(Рыженко А. И., г. Харьков).

«Хотелось бы и в будущем читать ваш журнал с таким же интересом и вниманием, как сейчас, находить в нем ответы на те вопросы, которые ставит современность. А это возможно лишь тогда, когда в нем будут издаваться и печататься действительно лучшие работы, такие, как в 1986–1987 гг. Желаем всем сотрудникам творческих успехов! Так держать!»

(Семья Туровых).

«Прежде всего хочется сказать Вам большое спасибо за такое вот общение с читателями Вашего журнала, это действительно в духе времени, это настоящая перестройка на деле»

(Спицин В. М., г. Воронеж).

Редакция «Роман-газеты»

~ ~ ~

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы интересуетесь дополнительной литературой о жизни современной Америки, рекомендуем следующий список книг:

ИРВИН ШОУ. Вечер в Византии. Роман. «Прогресс», М.,1980. Богач, бедняк. Нищий, вор. Романы. «Радуга», М., 1986.

ДЖОН ГАРДНЕР. Осенний свет. Роман. «Прогресс», М., 1980.

ТОНИ МОРРИСОН. Песнь Соломона, Роман. «Прогресс», М., 1981.

ЭНН ТАЙЛЕР. Блага земные. Роман. «Прогресс», М., 1981.

ЭНН ТАЙЛЕР. Обед в ресторане (Тоска по дому). Роман. «Радуга», М., 1986.

ДЖЕЙМС ДЖОНС. Только позови. Роман. «Радуга», М., 1982.

ДЖЕЙМС ДЖОНС. Отныне и вовек. Роман. «Радуга», М., 1986.

ПАТРИК СМИТ. Ангельский город. Остров навек. Романы. «Радуга», М., 1982.

ВЕРТ УИЛЬЯМС. Ада Даллас. Роман. «Радуга», М., 1985.

УИЛЬЯМ СТАЙРОН. И поджёг этот дом. Роман. «Радуга», М., 1987.

КУРТ ВОННЕГУТ. Малый не промах. Роман. «Радуга», М., 1987.

ЭРНЕСТ ДЖ. ГЕЙНС. И сошлись старики. Автобиография мисс Джейн Питтман. Романы. «Радуга», М., 1987.

notes

Примечания

1

Начало см. «Роман-газета» № 2, 1988 г.

2

Средства массовой информации *(англ.)*.

3

Обвинитель.

4

«Стерилизовать» — удалить отпечатки пальцев, монтажные скачки и другие признаки, по которым можно определить происхождение фальшивки.